

Доклад
Российского союза промышленников и
предпринимателей о состоянии деловой среды за
период с 2008 по 2025 годы

Москва, 2026 год

Оглавление

Введение	3
Главные события года	6
Деловой климат в России: динамика оценок.....	10
Главные проблемы для бизнеса.....	16
Кадры и достойный труд	22
Социальная ориентированность бизнеса	34
Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний	42
Фискальная нагрузка.....	47
Стоимость кредитных средств	48
Государственная поддержка.....	49
Инновационная деятельность и технологическое развитие компаний	71
Экспортная деятельность российских компаний	78
Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика	82
Защита прав компании	89
Контрольно-надзорная деятельность.....	102
Конкуренция.....	116
Инфраструктура для бизнеса.....	121
Региональный деловой климат.....	135
Взгляд в будущее	140

Введение

В 2026 году Российскому союзу промышленников и предпринимателей исполняется 35 лет. Это повод подвести итоги работы и в части подготовки аналитических материалов.

РСПП опирается на собственные исследования делового климата в стране, результаты которых становятся основой для подготовки экспертных позиций и предложений для органов власти. Ежегодные доклады Союза формируют понимание реального состояния бизнес-среды и служат аргументацией для законодательных инициатив.

В 2008 году был запущен первый полноценный мониторинг среди компаний-членов РСПП для оценки состояния деловой среды (в 2007 году проводился пилотный опрос). В течение прошедших лет исследование менялось, адаптируясь к новым вызовам – от санкций и кризисов до цифровизации и технологического лидерства. В анкету добавлялись новые направления и категории для анализа.

В настоящее время исследование включает в себя оценку динамики состояния делового климата, инвестиционной активности, барьеров и проблем для бизнеса, фискальной нагрузки и доступности финансовых ресурсов, инфраструктуры, ситуации с кадрами, защитой прав, контролем и надзором, конкуренцией, экспортом, государственной поддержкой бизнеса. Также освещаются темы социальной ответственности бизнеса, устойчивого развития, инновационного развития. В фокусе внимания традиционно находится и взаимодействие бизнеса и органов власти.

В контексте празднования 35-летия деятельности РСПП было решено проследить долгосрочные тренды состояния деловой среды в стране по репрезентативным точкам – 2008, 2010, 2015, 2020, 2024 и 2025 годы, охватывающим ключевые этапы исторического пути Союза.

На долгосрочном горизонте деловой климат в стране стал, по оценкам компаний-участников исследования, значимо лучше. Инвестиционная активность российских компаний за прошедшие годы сильно возросла: в 2024-2025 годах только 15 % компаний не осуществляли инвестиционных вложений, с 2010 года доля отрицательных ответов сократилась более чем в два раза.

В 2025 году большинство предприятий (76,3 %) высоко оценили вклад региональных властей в состояние делового климата. В первую волну

исследования с этим были готовы согласиться менее 30 % опрошенных компаний. Доля организаций, столкнувшихся в своей деятельности с дискриминацией со стороны региональных властей, сократилась за прошедшие годы почти в четыре раза.

Также об улучшении делового климата в стране свидетельствует снижение доли компаний, которые сталкивались в работе с какими-либо нарушениями своих законных прав со стороны органов власти, – с 37,4 % (2008 год) до 12,8 % (2025 год).

Административная нагрузка на бизнес стала ниже благодаря трансформации системы контроля и надзора в стране – так, частота проверок значительно сократилась: в 2010 и 2015 годах около 90 % респондентов сообщали о проведении плановых проверок в их компаниях, а с 2020 года доля начала составлять около 67 %.

Улучшилась ситуация и со сроками проверок – выросла доля проверок, укладываемых в 19 дней, и снизилась доля длительных проверок (более 40 дней).

Взаимодействие с проверяющими органами происходит теперь без проблем и выглядит предсказуемо: доля ответов «при проверках проблем нет» выросла с 19,7 % (2008) до 66 % (2025).

Восприятие бизнесом отношений с властью претерпело радикальные изменения: в первые волны исследования преобладали негативные ответы, что государство относится к бизнесу как к «кошельку», а в 2025 году, напротив, положительные – «власть видит в бизнесе локомотив развития экономики и общества» и «равноправного партнёра». Если в 2008 году ответ «как к «кошельку» выбрали 60 %, то в 2025 году на нём остановились менее 12 % респондентов. В то же время компании стали в два раза чаще указывать, что власть воспринимает бизнес в качестве драйвера экономического и социального прогресса.

К тому же, коррупционная составляющая в отношениях бизнеса и власти за прошедшие годы почти утратила свою актуальность: три четверти участников опроса уверены в 2025 году, что уровень коррупции – низкий. В 2008 году такого же мнения придерживались только 21 % организаций.

Однако на фоне положительных сдвигов наблюдаются и негативные тенденции: оценки динамики фискальной нагрузки в 2025 году существенно ухудшились. Впервые за все годы доля компаний, отметивших рост фискальной

нагрузки, составила более 50 %. Ранее преобладали нейтральные ответы, свидетельствующие о сохранении статус-кво.

Помимо этого, в последние два года серьёзно выросла стоимость кредитных ресурсов из-за роста ключевой ставки. 55 % опрошенных предприятий ожидали в 2025 году ставку от 18 до 25 %. Пять лет назад такой вариант даже не предполагался в исследовании, только десятая часть респондентов тогда выбрала интервал «более 15 % годовых», а 58,3 % организаций рассчитывали на ставки до 10 %.

Главным ограничением деятельности компании считают кадровый дефицит, и острота этой проблемы не только не снижается, но и растёт. Порядка 80 % компаний ожидают в среднесрочной перспективе усиления проблем, связанных с хронической нехваткой квалифицированного персонала.

Перед российским бизнесом стоят и другие системные вызовы и проблемы, требующие долгосрочных институциональных решений: ускоренный рост издержек из-за роста тарифов и цен производителей, технологические ограничения, связанные с санкциями, стагнация совокупного спроса.

Как и ранее, РСПП посвятит свою деятельность системному преодолению этих барьеров в рамках стратегических целей Союза – устойчивого развития бизнеса, технологического суверенитета и гармонизации отношений власти с бизнес-сообществом.

Главные события года

РСПП ежегодно проводит опрос членов Бюро Правления и Правления РСПП с просьбой выбрать российские и глобальные события, в наибольшей степени повлиявшие на экономику России.

В 2025 году первое место предсказуемо заняло повышение НДС до 22 %. При этом в отличие от корректировки упрощенной системы налогообложения, увеличение ставки налога на добавленную стоимость было воспринято бизнесом с пониманием – как необходимое для пополнения федерального бюджета решение.

На втором месте оказались события, связанные с продолжением специальной военной операции, освобождением Курской области, а также переговоры Президента России В.В. Путина и Президента США Д. Трампа на Аляске и в целом активизация переговоров по завершению конфликта.

«Переохлаждение» российской экономики вызывает серьезную обеспокоенность бизнеса, так что замедление роста ВВП в России и ухудшение экономических прогнозов заняло третье место в списке.

На четвертом месте оказалось постепенное снижение ключевой ставки, которое воспринималось бизнесом в логике «хорошо, но мало». Устойчивый тренд на снижение ставки позволяет бизнесу надеяться на лучшее, но пока не позволяет перезапустить инвестиционный цикл.

Новые пакеты санкций и расширение применения вторичных санкций оказались лишь на пятом месте – бизнес в целом приспособился к работе в формате постоянно ужесточающихся санкций.

В список главных событий года нечасто попадают конкретные неналоговые платежи, но в 2025 году увеличение ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду вошло в топ-10 событий года. Дискуссия по данному направлению, спровоцированная не только резким увеличением ставок, но и отказом от предварительного обсуждения с предпринимательским сообществом, продолжается.

В части информационно-коммуникационной инфраструктуры главным событием стали инициативы Роскомнадзора по ограничению работы иностранных мессенджеров (Whatsapp, Telegram), а также регулярно возникающие по объективным причинам ограничения работы мобильной связи и интернета в регионах России.

В 2025 году произошло крайне редкое событие – сразу четыре ответа получили одинаковое количество голосов.

Среди них одно событие оказалось позитивным – запуск нового пакета национальных проектов, в том числе по обеспечению технологического лидерства, тем более что, как показали опросы, компании-члены РСПП активно участвуют в реализации нацпроектов.

Оставшиеся три события – расширение практики обращения в доход государства частных активов на основании судебных решений (законопроект, который позволит решить данную проблему, уже подготовлен с участием РСПП), уже упоминавшаяся корректировка упрощённой и патентной систем налогообложения, а также возникавшие на российском топливном рынке проблемы (нехватка топлива в отдельных регионах и рост цен).

Главные события в предыдущие годы

2008 год	2010 год	2015 год	2020 год	2024 год
Тема № 1 – кризис*	-		Тема № 1 – пандемия*	
Выборы Президента Российской Федерации и формирование нового правительства	Спад в сельском хозяйстве (сокращение на треть урожая зерна, падение производства муки, сахара, круп; резкое подорожание продовольствия)	Нестабильный курс рубля по отношению к евро и доллару на протяжении всего года, падение рубля в конце 2015 г.	Закрытие границ, усложнение логистики, разрывы технологических цепочек, ограничение поставок сырья и оборудования, ограничение перемещения работников в связи с распространением новой коронавирусной инфекции	Неоднократное повышение ключевой ставки и ужесточение условий кредитования бизнеса
Изменения в налоговой системе (принятие налоговых стимулов для НИОКР, льготы по налогам для нефтяных компаний, снижение налога на прибыль, амортизационные льготы и т. д.)	Погодные аномалии (зима 2009-2010 – самая холодная в Москве за предшествующие 10 лет; лето – более двух месяцев жары, горящие торфяники и лесные пожары)	Падение цен на нефть до отметок ниже 40 \$ за баррель	Падение цен на нефть в I квартале 2020 г.	Изменения в налоговой системе (повышение налога на прибыль, уход от «плоской» шкалы НДФЛ, повышение НДС и акцизов, корректировка УСН и т. д.)
Ликвидация ОАО «РАО ЕЭС»,	Высокая инфляция	Продление санкций, введённых США, ЕС	Последовательно снижение	Высокие темпы инфляции

изменения в системе регулирования энергетики		и рядом других стран, против России	ключевой ставки Банком России	
Высокие темпы инфляции	Активизация финансовой сферы (рост кредитования экономики банками, увеличение ресурсной депозитной базы средств населения в банках, снижение процентных ставок кредитования)	Снижение ключевой ставки ЦБ с 17 до 11 %	Нестабильность на валютном рынке	Высокая волатильность курса рубля, включая падение курса рубля в конце 2024 г.
Замораживание переговорного процесса по присоединению России к ВТО	Значительный объём оттока капитала из экономики	Экономический кризис в РФ, реализация плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году	Реализация антикризисных мер поддержки бизнеса и граждан, включая меры по недопущению кризиса неплатежей	Отказ от обслуживания сделок с участием российских контрагентов /усложнение процедур международных расчетов со стороны банков «дружественных» стран
Антикоррупционные меры	Постепенное сворачивание антикризисных мер, отмена широкого валютного коридора с фиксированными границами в 26–41 рубль, свёртывание предоставления банкам «кризисных» беззалоговых и субординированных кредитов	Реализация политики импортозамещения (утверждение отраслевых планов по импортозамещению, создание Правительственной комиссии по импортозамещению и т. д.)	Ускорение цифровизации в компаниях, а также в сфере взаимодействия бизнеса и государства (перевод ряда государственных услуг, мер государственной поддержки и т. д. в электронную форму), импортозамещение в цифровой сфере	Продолжение СВО, вторжение Вооружённых сил Украины на территорию Курской области
Конфликты как во внутрикорпоративной среде, так и между органами власти и отдельными компаниями	Авария в Мексиканском заливе на нефтяной платформе Deepwater Horizon	Банкротство или приостановка деятельности ряда крупных компаний (СУ-155, Банк «Связной», Трансаэро и т. д.)	Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации	Выборы Президента Российской Федерации
Проект закона об энергосбережении	Принятие федеральных законов, направленных на развитие малого и среднего бизнеса,	Продолжение массовых отзывов лицензий у банков	Создание российских вакцин против коронавирусной инфекции,	Несколько этапов ужесточения санкций, включая «вторичные»

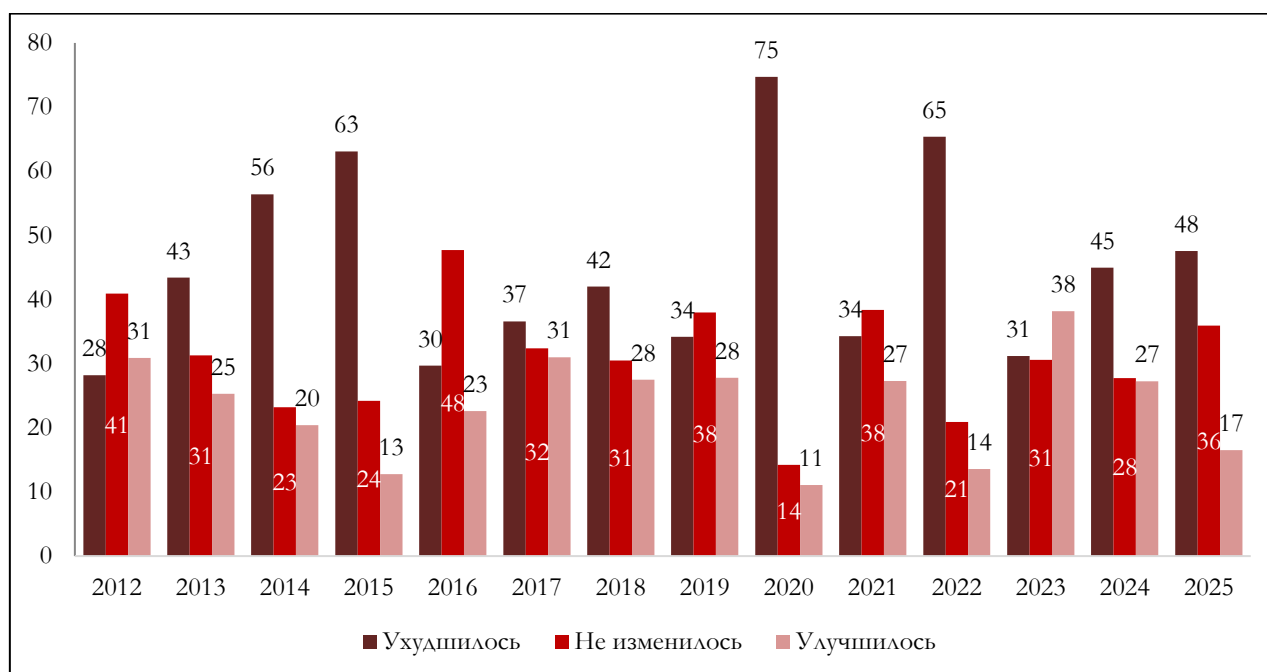
	предусматривающ их продление до 2013 года льготной приватизации помещений, арендуемых субъектами малого и среднего бизнеса; развитие системы микро-финансирования		начало вакцинации	
Принятие органами судебной власти ряда решений в интересах бизнеса	Внесение изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля (надзора)» (обязательное согласование с прокуратурой всех внеплановых контрольных мероприятий, а не только проверок в отношении малого и среднего бизнеса)	Военные удары по группировке исламских радикалов в Сирии с непосредственным участием вооружённых сил РФ	Принятие Общенационального плана действий, обеспечивающего восстановление занятости и доходов населения, нацеленного на долгосрочные структурные изменения в экономике	Подготовка и одобрение новых национальных проектов, включая нацпроекты по обеспечению технологического лидерства
Принятие Концепции долгосрочного социально-экономического развития России	Рост текущей фискальной нагрузки на бизнес и решение о её дальнейшем повышении	Введение санкций против Турции (в том числе экономических)	Реализация механизма «регуляторной гильотины»	Новый «майский указ» Президента Российской Федерации с национальными целями развития

* Из-за однозначного лидерства финансового кризиса в 2008 году и пандемии Covid-19, данные события выделены дополнительно в соответствующих строках.

Деловой климат в России: динамика оценок¹

Деловой климат в стране, по оценкам компаний-членов РСПП, менялся достаточно динамично, и траектория изменений была разнонаправленной².

Динамика оценок состояния делового климата, %

Значения округлены до целого числа.

В кризисные 2015 и 2020 годы, негативные оценки естественным образом преобладали (63 % и 75 % респондентов, соответственно, при этом в 2020 году наблюдались наиболее негативные оценки динамики делового климата за весь период проведения опроса), а в 2024 году ухудшение климата компании фиксировали реже – в 45 % случаев (но чаще, чем в 2023 году). Доли нейтральных и положительных оценок составили равные значения – 27-28 %.

Спустя год ситуация немного изменилась – более трети представителей бизнеса (36 %) стали придерживаться нейтральной точки зрения, и уже только 17 % компаний согласились с тем, что состояние деловой среды в России улучшилось.

¹ В докладе сравниваются данные за 2008, 2010, 2015, 2020, 2024, 2025 годы, за исключением отдельных графиков, где информация представлена за весь период проведения опроса. Отсутствие данных за какой-либо из базовых годов означает, что опрос не проводился, либо существенное изменение методологии сделало данные несопоставимыми.

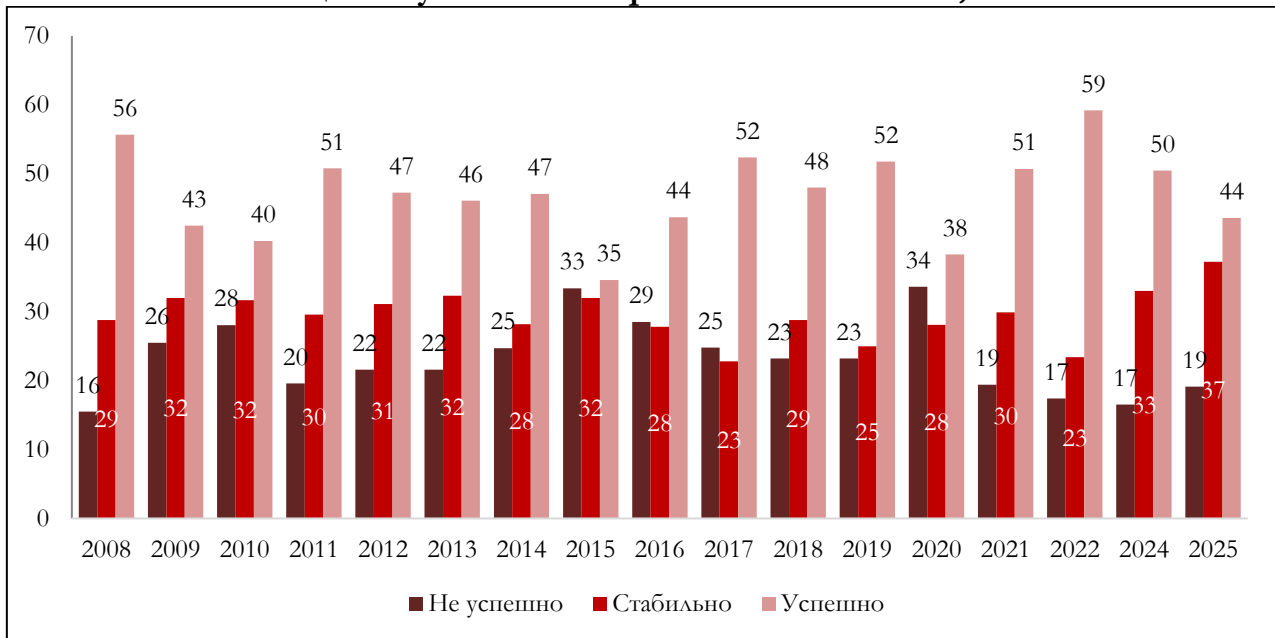
² Вопрос респондентам, как, по их мнению, изменилось состояние делового климата за год, был включен в анкету после 2010 года.

На протяжении всех лет существования опроса РСПП о состоянии делового климата в России представители бизнеса оценивали развитие своих компаний, скорее, как успешное или стабильное.

В 2008 году более половины предприятий (56 %) остановились на положительных ответах, и 29 % респондентов – на нейтральной оценке.

В последующие годы (2010, 2015, 2020 гг.) прослеживается нисходящая динамика: доля компаний, оценивших свою деятельность успешно, сократилась примерно на 15 п. п. При этом максимальная доля положительных ответов за весь период наблюдения зафиксирована в 2022 году (хотя в данный год наблюдались самые пессимистичные оценки делового климата), что во многом связано с появившимися на российском рынке нишами в связи с уходом ряда иностранных компаний.

Оценки успешности развития компании, %

Значения округлены до целого числа.

В то же время около трети организаций сохраняли стабильные темпы развития и, соответственно, примерно столько же компаний признали результаты своей работы неудовлетворительными.

В последние два года ситуация несколько ухудшилась – хотя в ответах респондентов преобладают положительные оценки, уже только половина всех предприятий в 2024 году и еще меньше – 44 % компаний – в 2025 году заявили об успешности развития. Доля нейтральных оценок по-прежнему осталась порядка

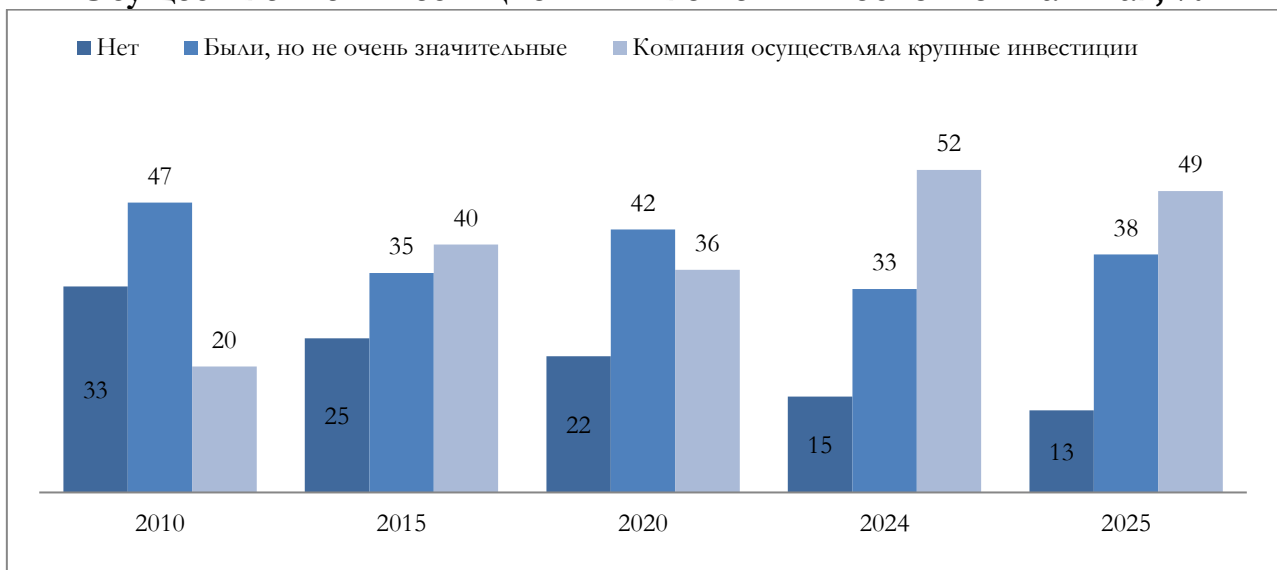
33 %, а доля негативных оценок снизилась примерно до пятой части от всего множества.

Инвестиционная активность российских компаний за прошедшие годы значительно возросла: если по итогам 2010 года около трети предприятий не осуществляли инвестиционных программ, то в 2015 и 2020 годах доля снизилась до 25 %, а в 2024-2025 годах она и вовсе составила около 15 %.

При этом примерно половина всех опрошенных организаций охарактеризовала вложенные инвестиции за последние два года как крупные. Пятнадцать лет назад только пятая часть предприятий осуществляла крупные инвестиции.

Инвестиционные программы в не очень значительных объёмах реализовывали в 2025 году 38 % компаний. С 2015 года доля менялась незначительно.

Осуществление инвестиционных вложений в основной капитал, %

Значения округлены до целого числа.

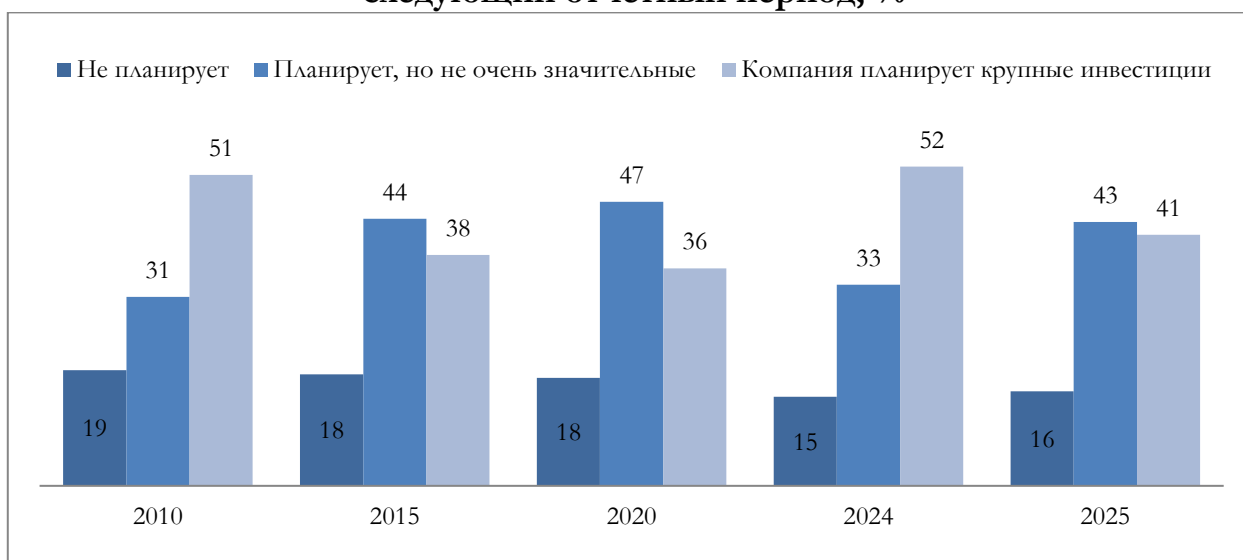
Более 80 % компаний во все волны исследования планировали инвестиционные вложения на последующий отчётный период.

И если в 2010 году это должно было стать серьёзным рывком для предприятий, то в дальнейшем они просто не прекращали инвестиционную деятельность и старались сохранить объём инвестиций на прежнем уровне.

Правда, в кризисные 2015 и 2020 годы доля организаций, которые собирались осуществлять инвестиции в не очень значительных объёмах, была на

6-10 п. п. больше, чем компаний, планирующих крупные инвестиционные вложения. В 2024 году соотношение изменилось в пользу компаний, ведущих крупные инвестпроекты, а в 2025 году, который экономически оказался сложнее, доли почти сравнялись, составив чуть более 40 %.

Планирование инвестиционных вложений в основной капитал на следующий отчётный период, %

Значения округлены до целого числа.

Структура инвестиционных планов за все годы, начиная с 2015 года, оставалась почти без изменений.

Главной статьёй инвестиционных расходов в 2025 г. остаётся модернизация существующего оборудования. Об этом из года в год заявляют чуть менее двух третей опрошенных компаний.

Примерно для 40 % организаций не теряет актуальность вопрос переоборудования производства. Около трети компаний собираются в краткосрочной перспективе провести капитальный ремонт зданий и сооружений, а четверть из опрошенных предприятий планирует вложить средства в обучение сотрудников. Такую же долю составили компании, намеревающиеся заняться строительством новых зданий и сооружений.

18,8 % организаций планируют осуществить проекты по цифровизации.

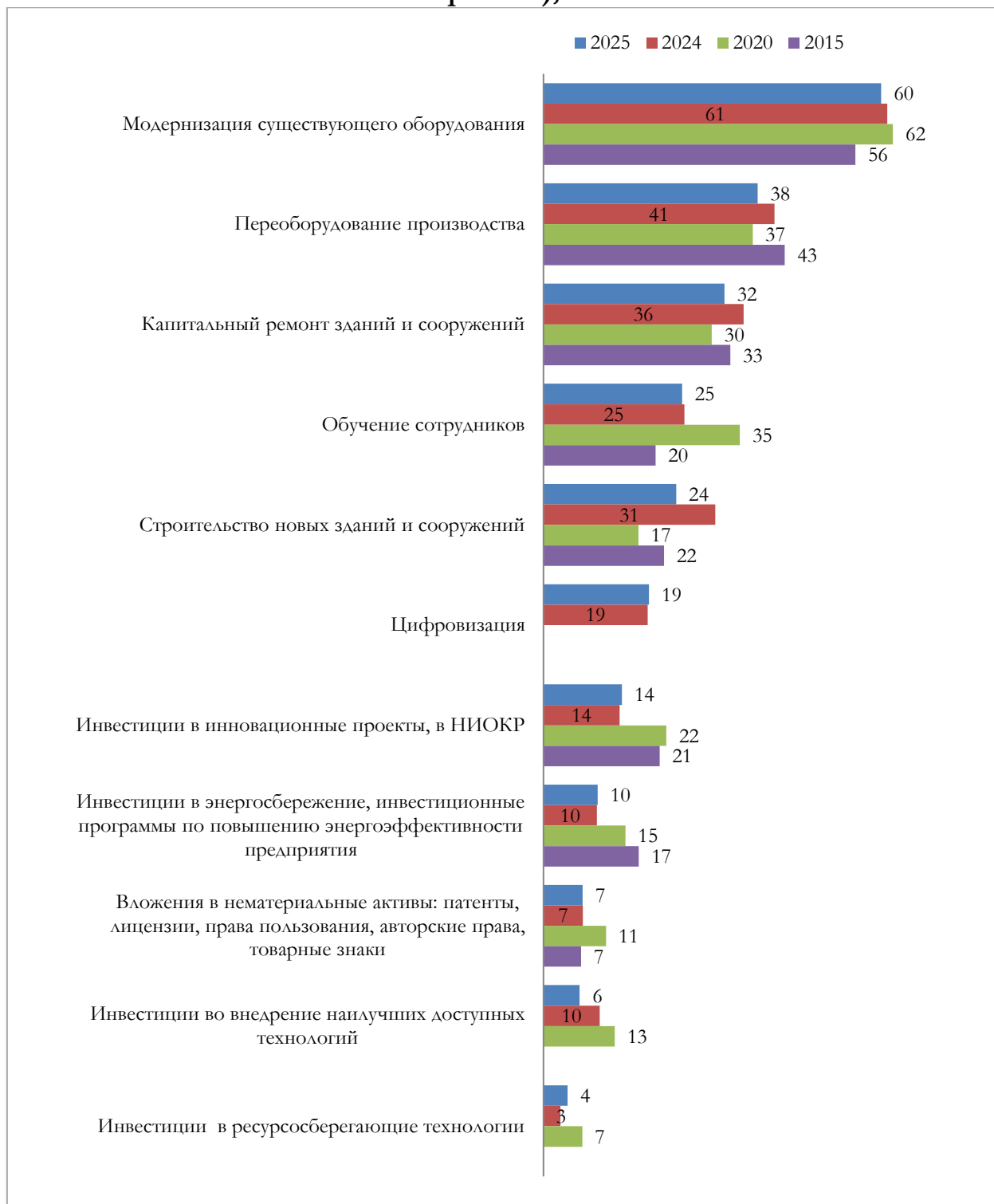
14 % компаний собираются вкладывать инвестиции в инновационные проекты, в НИОКР.

Проекты по энергосбережению, по повышению энергоэффективности планирует реализовать десятая часть предприятий.

Около 7 % компаний сообщили, что в их планы входят осуществить вложения в нематериальные активы: патенты, лицензии, права пользования, авторские права, товарные знаки, а также во внедрение наилучших технологий.

Реже всего респонденты выбрали вариант «предполагаем осуществить инвестиции в ресурсосберегающие технологии». Его доля составила 4,3 %.

Инвестиционные вложения в краткосрочной перспективе (от года до трёх лет), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Главные проблемы для бизнеса

Ряд проблем – дефицит квалифицированных кадров, рост цен и рост тарифов, избыточно высокие налоги – во все рассматриваемые периоды не теряли своей остроты и актуальности, не покидая топ-5 ключевых ограничений для деятельности российских компаний.

В последние два года кадровый голод стал ощущаться так же сильно, как это было в 2008 и 2010 годах. Почти две трети компаний в 2025 году поставили дефицит кадров на первое место, в 2024 году доля и вовсе достигала 70,2 %.

Траектория значимости этой проблемы носит U-образный характер – в 2015 и 2020 годах давление этого фактора ослабевало (тогда доля проблемы из-за нехватки кадров в списке составляла менее 50 %), и на первые места выходила проблема инфляции.

На длинном горизонте проблема увеличения издержек компаний, связанная с ростом цен и ростом тарифов, сохраняет устойчивое положение, причём темпы роста тарифов волнуют компании в большей степени, чем рост цен производителей. Так, в 2025 году 57 % респондентов отметили именно эту проблему среди главных ограничений. Вариант «рост цен производителей» отошёл на четвёртое место, набрав долю 52 %.

Проблемы из-за избыточно высокого налогообложения в долгосрочном разрезе несколько потеряли в значимости – если в 2010 году их отметили 60 % опрошенных, то к 2025 году доля снизилась до 37,1 % (а в 2024 году она и вовсе составляла 28,8 %).

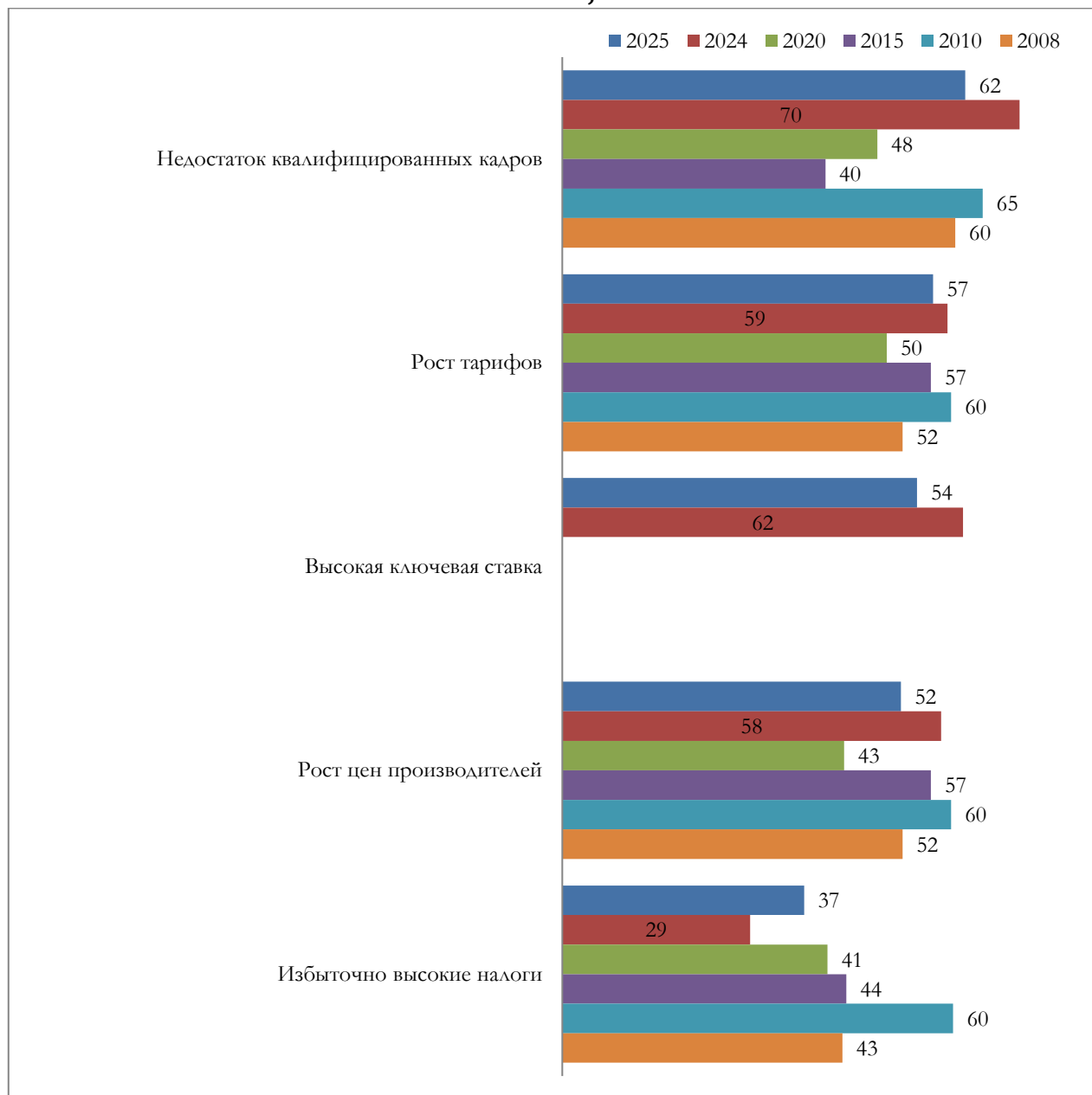
В последние два года на первый план вышла проблема высокой ключевой ставки, соответственно, высокая стоимость заёмных ресурсов³. С этим согласились 61,5 % компаний в 2024 году и 54,5 % организаций в 2025 году.

В то же время вопрос доступности кредитных ресурсов оказался в 2025 году мало актуален для бизнеса – проблема «где взять кредит» уступила проблеме «под какой процент».

³ Этот вариант был добавлен в анкету в 2024 году, когда ЦБ РФ повысил значение ключевой ставки сначала до 16 %, а затем до рекордного 21 %.

В долгосрочном разрезе с 2008 по 2015 года острота проблемы из-за недоступности кредитов сначала росла (17,3 % – 28,5 % – 36,5 %), а в 2020 году она осталась значимой только для 17 % организаций, и такое положение вещей сохраняется на горизонте последних пяти лет.

ТОП-5 острых проблем, мешающие предпринимательской деятельности в России, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа. Данные представлены по убыванию значения, полученного в 2025 году.

Помимо дефицита кадров, ценового и налогового давления, высокой стоимости заёмных средств, компании волнует также сокращение спроса (30,2 %)

и рост неплатежей со стороны контрагентов⁴ (25,2 %). Год назад о снижении спроса как ключевом ограничении сообщила пятая часть опрошенных, а в 2020 году – 34,9 % респондентов.

В 2024 году четверть компаний выделили в качестве главных проблем нестабильность курса рубля и сложности в осуществлении внешнеэкономических операций (логистика, взаиморасчеты, страхование и т. д.). За год фокус с внешнеэкономических проблем сместился на внутренние проблемы – значимость ограничений из-за волатильности рубля и сложностей в международных операциях снизилась примерно в два раза.

В последние годы также существенно сократилась роль недобросовестной конкуренции в перечне ключевых ограничений для бизнеса. На длинном горизонте доля этого варианта составляла: 28,9 % (2008) → 39,1 % (2010, пик) → 18,6 % (2015) → 19,3 % (2020) → 12,5 % (2024) → 10,9 % (2025).

Динамику оценок регуляторно-институциональных проблем, в целом, характеризует длинный спад: так, в 2020 году чрезмерное контрольно-надзорное давление на бизнес называли среди ключевых проблем 33,8 % респондентов, а в 2024 и 2025 годах доля снизилась уже на 20 п. п.

Проблему «избыточно высокие штрафы за нарушения, в том числе оборотные» добавили в анкету только в 2024 году. Её указали около десятой части организаций, принявших участие в опросе в 2024 и 2025 годах.

Вариант «высокие административные барьеры» выбрали только 7,4 % компаний в 2025 году, до этого он составлял долю 12 % в 2024 году, 23,3 % – в 2020 году, а в 2008-2010 году значимость этой проблемы была ещё выше (доля достигала 48,2 % в 2010 году).

Коррупцию органов власти отметили 5 % в 2024-2025 годах, тогда как в 2008 и 2010 году эта проблема входила в ТОП-5 главных ограничений для деятельности российских компаний с долей 42,3 % и 53,3 %, соответственно.

Неэффективную судебную систему определила как проблему десятая часть опрошенных в последние два года; в 2015 и 2020 годах доля была выше в два раза, а в 2010 году она достигала 37,6 %.

7 % участников считают в 2024-2025 годах важной проблемой недостаточную защищённость частной собственности. В 2015 и 2020 годах с этим соглашались около 15 % организаций, а в 2010 году острой эту проблему назвали 40 % респондентов.

⁴ Этот вариант был добавлен в анкету в 2025 году.

Неэффективное налоговое администрирование в 2010 году ограничивало деятельность почти 40 % предприятий, а к 2025 году менее 5 % компаний выделили эту проблему как актуальную для себя.

Российский бизнес также не воспринимает как серьёзное ограничение для деятельности ужесточение регулирования в экологической и природоохранной сфере – в последние два года только 4 % остановились на этом варианте.

Исходя из анализа длинного ряда данных, становится заметно, что важность институционально-регуляторной повестки заметно «просела» и на первый план с большим отрывом вышли именно экономические вызовы (а в последний год именно экономические проблемы именно на внутреннем рынке).

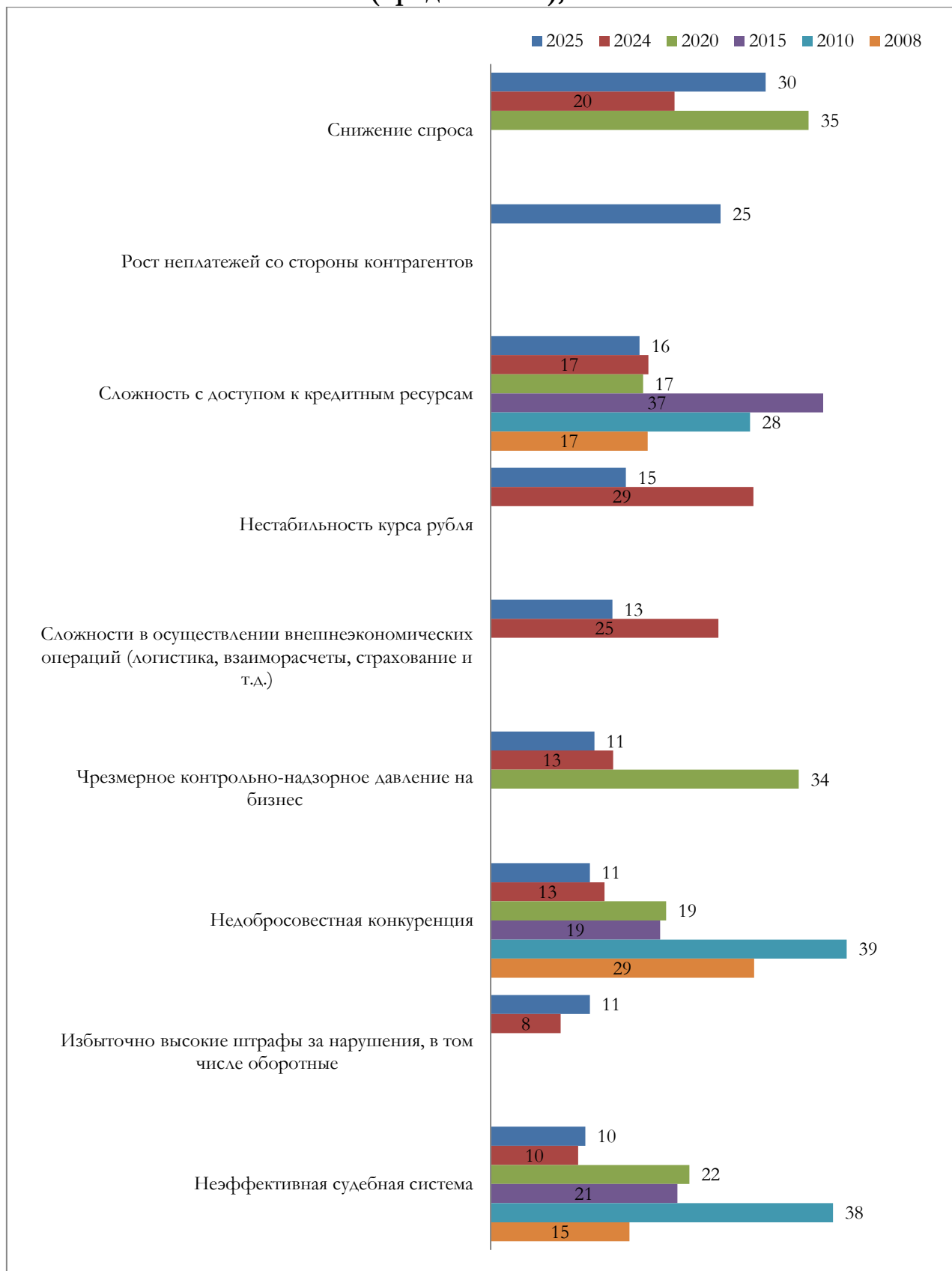
Управленческо-стратегические факторы – низкое качество государственного управления, отсутствие ясных целей развития страны – демонстрируют нисходящий тренд с пиковых значений в 2010 году, когда их отмечали 43,6 % и 29,4 % участников, соответственно, до минимальных значений доли 4 % и 3 % в 2024 и 2025 годах.

В этот же блок можно отнести проблему, связанную с рисками национализации активов, – менее 5 % респондентов воспринимают её в последние два года как значимое ограничение.

Инфраструктурные барьеры на протяжении всех лет не находились в числе приоритетных проблем для бизнеса. Максимальную долю ограничение из-за неразвитости инфраструктуры набирало в 2020 году – 14,2 %. До и после этого данный вариант отмечали менее десятой части опрошенных. К 2025 году его почти перестали выделять как актуальную проблему.

Сложности с присоединением к инженерным, транспортным и иным сетям пока остаются проблемой для 5,9 % опрошенных компаний. В 2020 и 2024 году значимость была несколько выше.

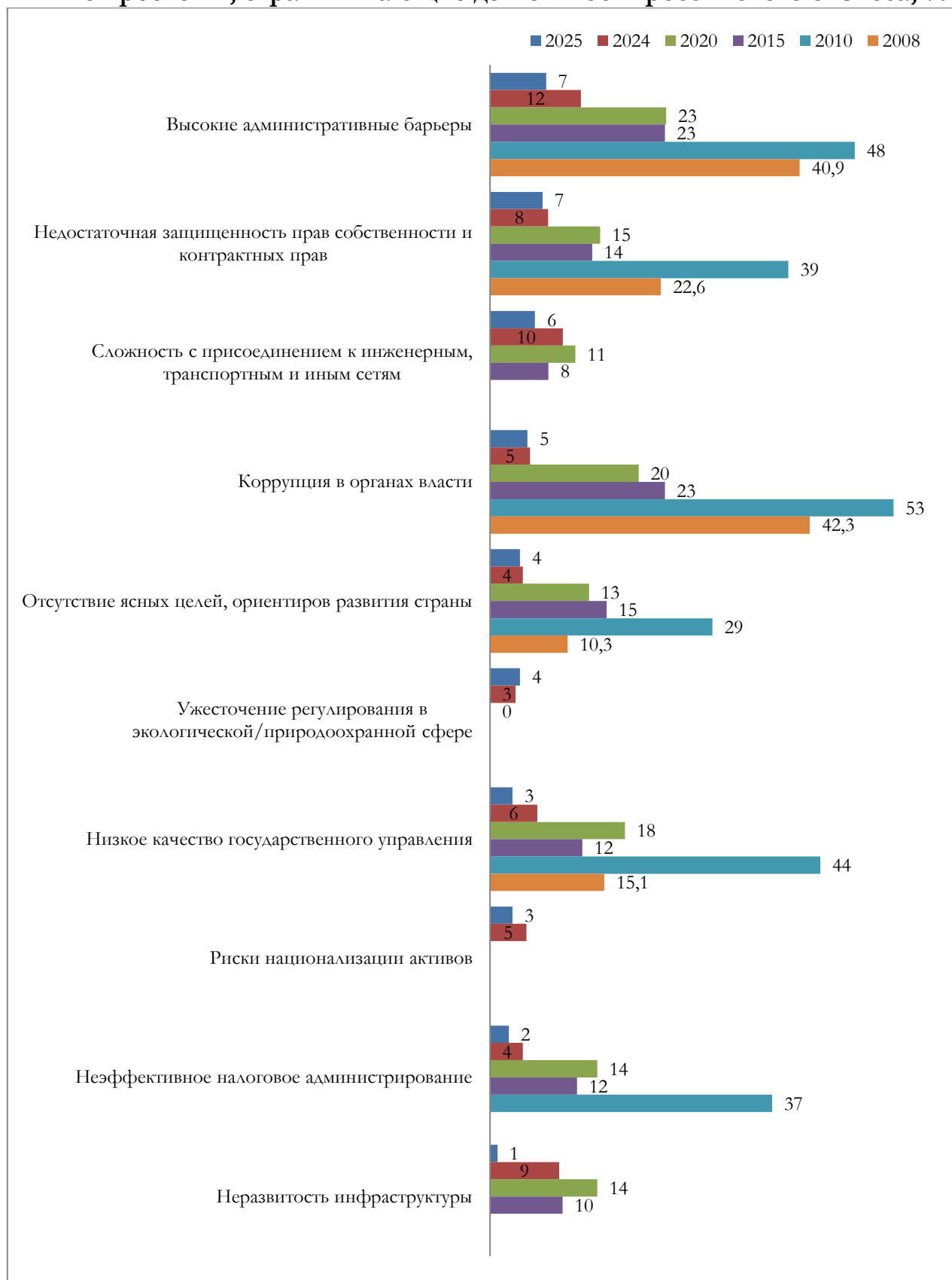
Значимые проблемы, ограничивающие деятельность российского бизнеса (продолжение), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Данные представлены по убыванию значения, полученного в 2025 году.

Иные проблемы, ограничивающие деятельность российского бизнеса, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа. На диаграмме представлены проблемы, набравшие менее 10 % в 2025 году.

Данные представлены по убыванию значения, полученного в 2025 году.

Кадры и достойный труд

Кадровый голод ощущается компаниями на протяжении всех раундов исследования крайне остро. По оценкам двух третей респондентов в 2025 году, именно нехватка профессиональных кадров – ключевая проблема для бизнеса в России (год назад доля достигала рекордных 70 %, примерно такую же долю, в 2025 году, эта проблема составляла в 2008 и 2010 годах).

В волны исследования после 2010 года в анкету о состоянии делового климата были включены уточняющие вопросы, по каким профессиональным группам самый высокий дефицит, а по каким – штат в целом укомплектован.

Кадровые ограничения наиболее выражены среди рабочих специальностей (прежде всего, в группе операторов, аппаратчиков, машинистов установок и в группе квалифицированных рабочих). В 2025 году дефицит по первой группе отметили 71,8 % опрошенных предприятий, а по второй – 61,3 % компаний. По операторам, аппаратчикам и машинистам установок на долгосрочном горизонте наиболее заметный рост дефицита – доля прибавила 21 п. п. к значению 2015 года. Дефицит квалифицированных рабочих, начиная с 2015 года, выражен примерно одинаково (за исключением отклонения в данных в 2020 году, когда доля снизилась до 46,4 %).

Чуть менее половины опрошенных компаний (45,7 %) столкнулись в 2025 году с нехваткой неквалифицированных рабочих. За последние десять лет дефицит по этой категории значимо вырос – в 2015 и 2020 годах компании жаловались на недостаток рабочих в два раза реже.

Специалистов среднего и высшего уровня квалификации не хватает в 2025 году примерно одинаковому числу компаний – около 44 % респондентов указали обе категории как дефицитные. По специалистам среднего уровня картина во все периоды выглядит схоже, а по специалистам высшего уровня в 2015 году дефицит был заметнее – тогда около 60 % компаний пожаловались на недостаток именно этих специалистов.

Руководителей и в 2025, и в 2025 годах недоставало чуть более пятой части опрошенных предприятий. В целом, по этой профессиональной группе дефицит с 2015 года снижался: с 29,6 % (2015) до 22,1 % (2025).

Уровень дефицита по административно-учётным функциям примерно одинаков во все волны – его указывали менее 20 % респондентов в 2015, 2020 и 2025 годах. Исключением стал 2024 год, когда доля немного выросла и составила 28,7 %, что выглядит скорее отклонением от устойчивого тренда.

Дефицит специалистов в следующих категориях работников, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

В целом, общая картина по кадрам носит иерархический характер: чем ближе категория работников к производственному контуру (операторы/наладчики, квалифицированные рабочие), тем выше доля предприятий, фиксирующих дефицит кадров. Напротив, по административно-управленческому персоналу дефицит минимален.

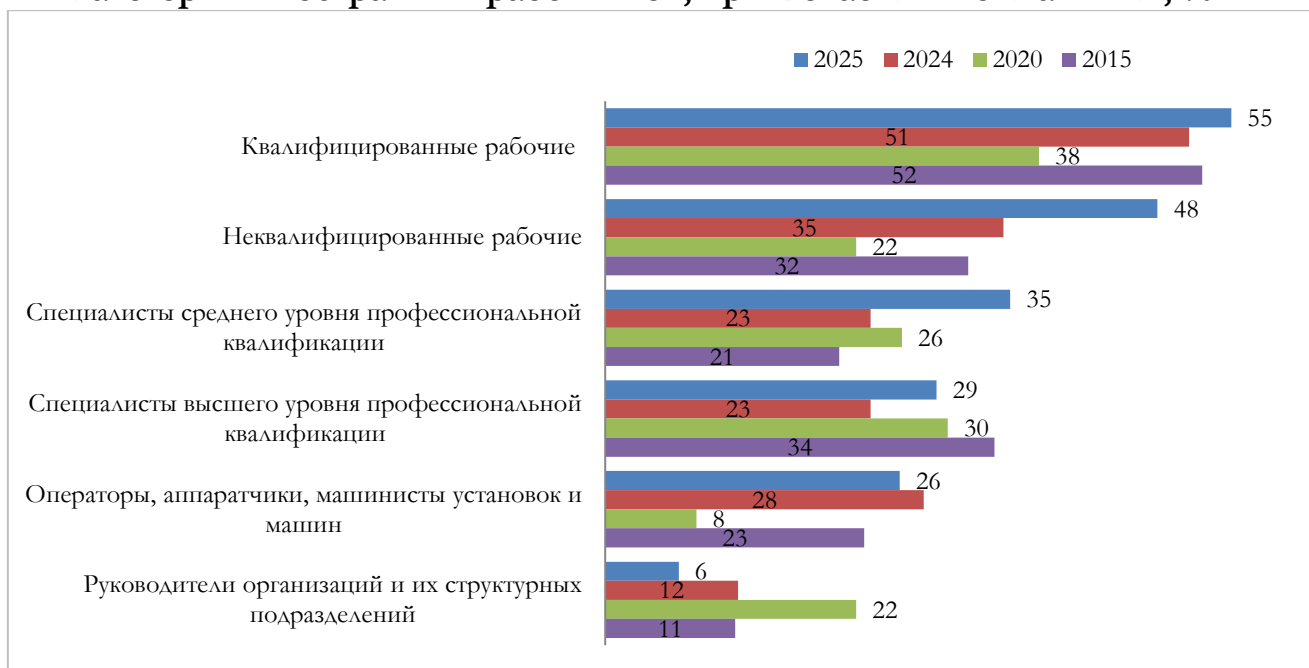
Доля компаний, привлекающих иностранную рабочую силу, на долгосрочном горизонте снизилась почти в два раза: с 28,5 % в 2015 году до 15,5 % в 2025 году через промежуточные значения 18,7 % в 2020 году и 21,3 % в 2024 году.

Полученные данные указывают на снижение роли этого инструмента в закрытии кадрового дефицита: компании либо реже могут его применять, либо считают его менее эффективным для замещения незакрытых вакансий.

В 2025 году привлекаемые иностранные специалисты чаще всего закрывают потребности компаний в рабочих профессиях, что напрямую соотносится с результатами о дефиците по различным профессиональным категориям. Около 55 % компаний нанимали иностранных квалифицированных рабочих и 48 % –

неквалифицированных рабочих (по этой группе наиболее выраженный рост по сравнению с 2015 годом – +16 п. п.).

Категории иностранных работников, привлекаемых компаниями, %

Доли категорий «нанятые иностранные работники» приводятся к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Также в 2025 году были востребованы иностранные специалисты среднего и высшего звена. По сравнению с 2015–2024 годами компании стали чаще нанимать иностранных специалистов среднего уровня: 20,5 % (2015) → 26 % (2020) → 23,3 % (2024) → 35 % (2025). Динамика по найму иностранных специалистов высшего уровня более сглаженная.

По операторам, аппаратчикам, машинистам установок видна высокая волатильность: провал в 2020 г. (8,0 %) и возврат к уровням порядка 25–28 % в 2024–2025 гг.

Руководителей из числа иностранных специалистов компании в 2024–2025 годах нанимали значительно реже, чем в 2020 году: 6–12 % против 22 % в 2020 году.

Доля компаний, в которых производительность труда осталась без изменений, составила в 2025 году 32,3 % против доли 25,4 %, полученной год назад. Относительно 2020 года ситуация в отчётный период выглядит лучше: пять

лет назад ответ «рост производительности не произошёл» указывали 41,2 % респондентов.

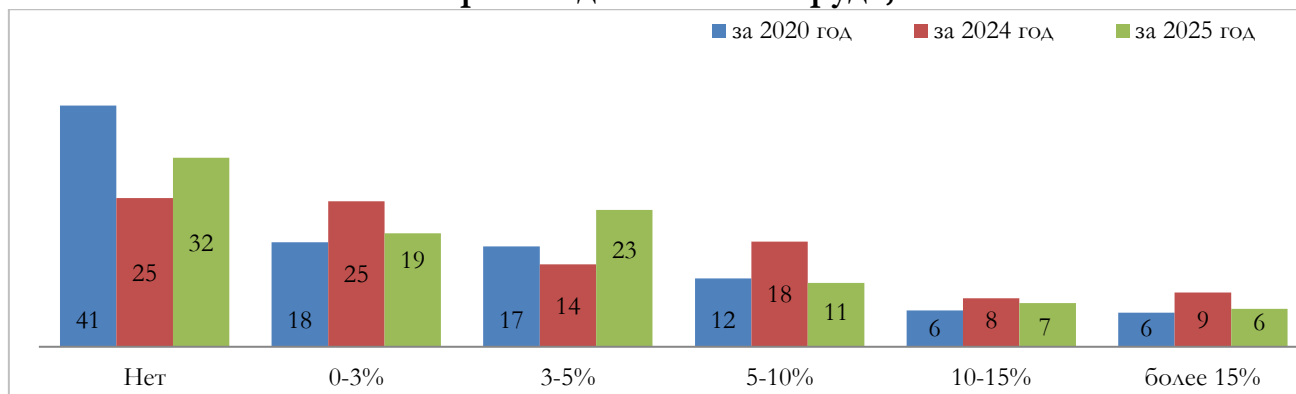
В 2025 году рост производительности, если он был, чаще всего концентрировался в «малых» диапазонах. Почти у каждой пятой компании (19,4 %) темпы роста не превышали 3 %, почти у четверти организаций (23,5 %) они находились в интервале от 3 до 5 %.

В отчётном 2025 году респонденты существенно реже отмечали более высокие темпы роста – примерно десятая часть от общего множества выбрала интервал «5–10 %», ещё 7,5 % компаний сообщили о росте в диапазоне 10–15 %. Производительность труда выросла более чем на 15 % только в 6,5 % организаций.

Таким образом, для большинства опрошенных предприятий динамика производительности труда в 2025 году сглаженная, без резких скачков.

Структура изменений производительности труда во все периоды существенно не менялась. Единственное, в 2024 году темпы роста производительности были более высокими: тогда компании чаще выбирали интервал «5–10 %» и реже «3–5 %». Перераспределение оценок произошло на 7–9 п. п.

Рост производительности труда, %

Значения округлены до целого числа.

Использование механизма независимой оценки квалификации кадров стало более распространённым: в 2020 году четверть компаний проводила такую оценку, к 2024 году доля выросла до 29,6 %, а в отчётный, 2025 год, она уже составила 35,3 %.

Использование механизма независимой оценки квалификации кадров, %

Значения округлены до целого числа.

В 2025 году подавляющее большинство компаний (90,1 %) использовали в деятельности гибкие формы занятости и альтернативные способы взаимодействия с кадрами (кроме постоянного трудового договора). С 2020 года, когда в анкету был добавлен этот вопрос, доля почти не изменилась.

Правда, пять лет назад значительно шире были распространены форматы дистанционного режима работы и комбинированного режима, что объясняется фактором острого периода пандемии Covid-19. Тогда около двух третей организаций, ответивших на вопрос, применяли и удалённый, и гибридный форматы работы. К 2024 году доля снизилась до 40 % в случае удалённого формата и до 50 % – в случае гибридного формата.

Дистанционный режим работы в 2025 году компании применяют в том же объёме, а популярность комбинированного режима значительно упала – доля снизилась на 14 п. п.

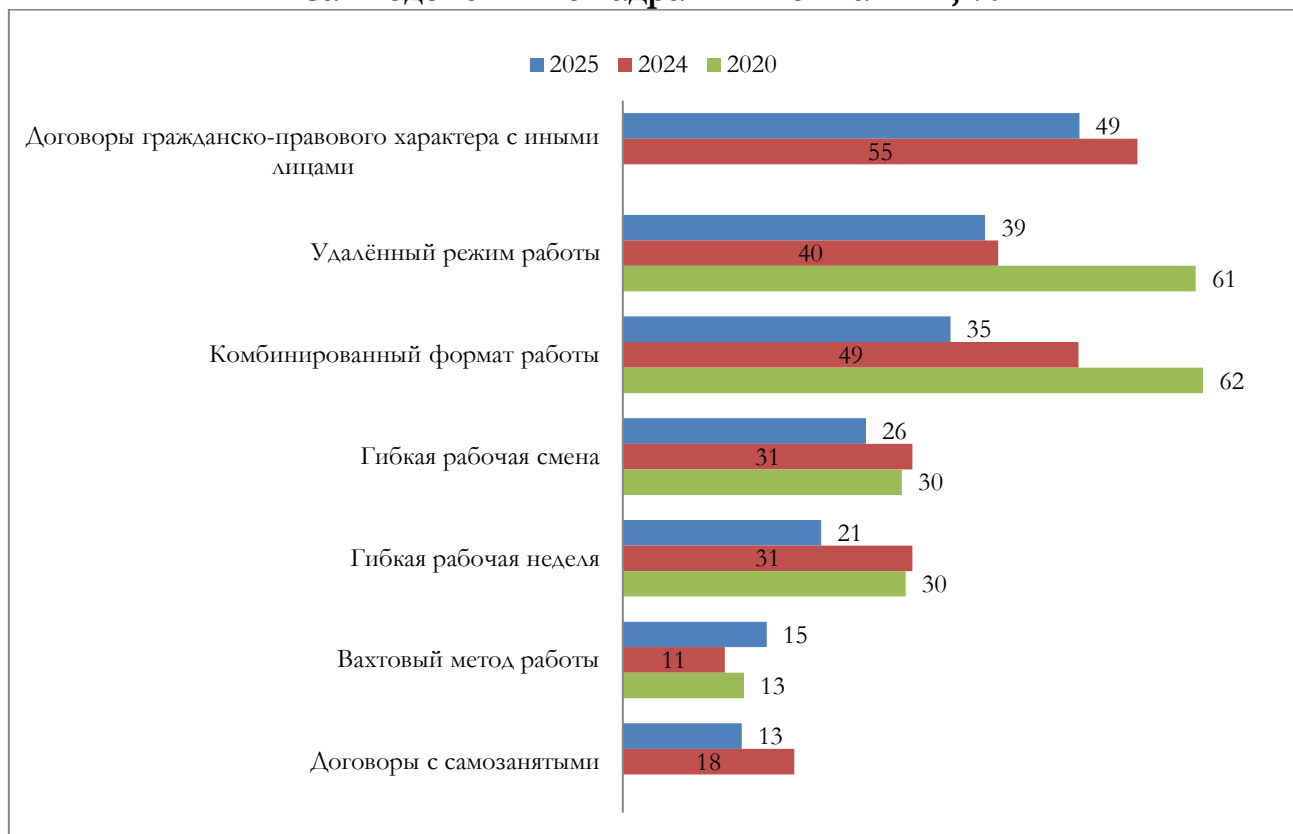
Самыми распространёнными из альтернативных способов в 2024-2025 годах респонденты назвали договоры гражданско-правового характера (этот вариант был добавлен уже после 2020 года). Их заключали около половины организаций.

Гибкие графики работы по-прежнему востребованы более чем в пятой части опрошенных предприятий (гибкую рабочую смену использовали 26,1 % организаций, а гибкую рабочую неделю – 21,3 %). Ранее – в 2020 и 2024 годах – гибкую рабочую неделю компании применяли чаще, доля снизилась в 2025 году примерно на 10 п. п.

К вахтовому методу прибегали 15,3 % предприятий в 2025 году. В целом, вахтовый режим работы сохраняет стабильную нишевую долю (колебания значения доли статистически не значимы).

Договоры с самозанятыми заключали в отчётный год 12,8 % организаций, что на 5,6 п. п. реже, чем в 2024 году.

Использование гибких форм занятости и альтернативных способов взаимодействия с кадрами в компаниях, %

Респонденты, выбравшие вариант ответа «не действуют», исключены из распределения.

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Некоторые компании также сформулировали собственные ответы – они используют аутсорсинг и аутстаффинг недостающих функций.

В подготовке регионального или отраслевого соглашения по регулированию социально-трудовых отношений в 2025 году участвовали 41,7 % компаний. Пять лет назад 56,1 % компаний присоединились к отраслевому соглашению, а 61,9 % – к региональному соглашению по регулированию социально-трудовых отношений. Таким образом, зафиксирован тренд на сокращение доли участия.

Коллективный договор заключён в 70 % опрошенных организаций, по итогам 2025 года. По сравнению с прошлыми отчётными периодами ничего не изменилось.

По словам большинства компаний, указавших отрицательный вариант, в коллективном договоре нет необходимости. В ряде случаев не было инициативы со стороны работников предприятия.

В части организаций действуют иные соглашения, по которым предусмотрены социальные гарантии и льготы.

Несколько компаний сообщили, что документ в работе.

В 76,6 % организаций действуют меры поддержки сотрудников с семейными обязанностями⁵.

Наиболее распространены в компаниях меры социальной поддержки (их применяют 69 % опрошенных); две трети организаций используют меры, которые позволяют сотрудникам сочетать профессиональные и семейные обязанности. Столько же компаний указали меры по поддержке здоровья работников и их детей. Чуть меньше – 58 % компаний реализуют меры, направленные на укрепление и популяризацию семейных ценностей.

Социальная поддержка семей

Абсолютный лидер — единовременная материальная помощь при рождении ребёнка (86,0 %). Достаточно распространена поддержка детей через оплату летнего отдыха, детского сада (58,7 %). Разовые выплаты к семейным праздникам осуществляет треть компаний, ответивших на вопрос. Реже организации идут на регулярные и долгосрочные обязательства: около четверти организаций выплачивают дополнительные средства к пособию по уходу за ребёнком до 1,5 лет, предоставляют сотрудникам жилищные субсидии — компенсации по ипотечному кредиту, по первоначальному взносу. Минимальную долю — 11,9 % — составили компании, ежемесячно выплачивающие средства многодетным семьям работников, одиноким родителям.

⁵ Вопрос добавлен в анкету в 2025 году.

Меры социальной поддержки работников с семейными обязанностями, %

Доли приведены к респондентам, ответившим на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %.

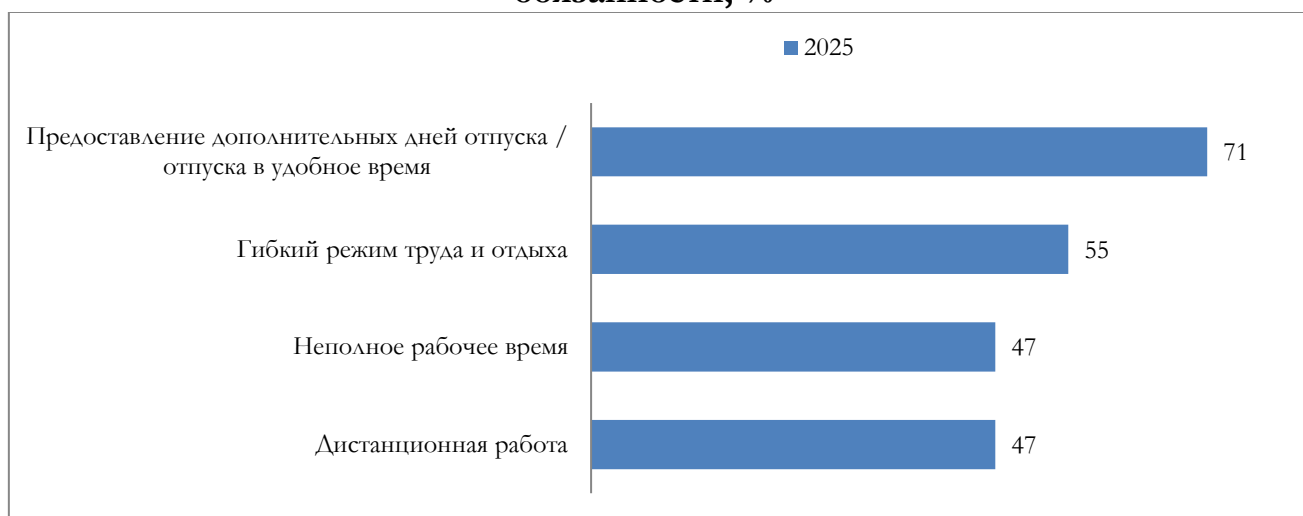
Значения округлены до целого числа.

Меры содействия совмещению профессиональных и семейных обязанностей, связанные с режимом работы и отдыха

Из организационных мер чаще всего компании предоставляют сотрудникам дополнительные дни отпуска/отпуск в удобное время (71 %).

Остальные меры – гибкий режим труда и отдыха, предоставляемый в связи с рождением и уходом за ребенком, а также в связи с многодетностью, неполное рабочее время и дистанционная работа – довольно широко распространены: их указали около половины ответивших на вопрос организаций.

Меры, позволяющие совмещать профессиональные и семейные обязанности, %

Доли приведены к респондентам, ответившим на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %.

Значения округлены до целого числа.

Меры по поддержке здоровья работников и их семей

Ведущая мера — компенсация санаторно-курортного лечения (74,6 %), то есть акцент на «социальный пакет» с понятным эффектом. Программы ЗОЖ — правильное питание, физическая активность, отказ от вредных привычек и т.п. — реализуют 60,7 % компаний. В два раза реже компании включают членов семей сотрудников в программы ДМС (30,3 %). Только 4,1 % организаций сообщили, что их программы ДМС предполагают ведение беременности и родов.

Меры по поддержке здоровья, %

Доли приведены к респондентам, ответившим на вопрос.

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %.

Значения округлены до целого числа.

Меры по укреплению и популяризации семейных ценностей

Наиболее популярной мерой из этого блока стало проведение конкурсов среди работников и их семей (спортивных, творческих и др.). Её применяли более трёх четвертей предприятий.

63,8 % компаний организовывали в 2025 году семейное посещение культурных мероприятий, досуговых учреждений. Примерно столько же организаций осуществляли поддержку трудовых династий. Это отражает ориентацию не только на прямые выплаты, но и на вовлечение семей в корпоративную среду. Консультации психолога, юриста и других специалистов предоставляла пятая часть организаций, давших ответ на вопрос о мерах по укреплению семейных ценностей.

Меры по укреплению и популяризации семейных ценностей, %

Доли приведены к респондентам, ответившим на вопрос.

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %.

Значения округлены до целого числа.

Корпоративная поддержка семьи преимущественно строится вокруг высокоохватных и административно простых решений с быстрым эффектом — разовых выплат (прежде всего при рождении ребёнка), предоставления дополнительных отпускных возможностей, в том числе оплата расходов на санаторно-курортное лечение, и мероприятий, укрепляющих «семейную» корпоративную среду.

Меры, направленные на долгосрочную финансовую поддержку, сложные в администрировании (к примеру, расширенные опции ДМС), встречаются значительно реже.

Только 8 % компаний в 2025 году сообщили, что у них не было расходов в сфере образования (доля за все волны исследования изменилась незначительно).

Подавляющее большинство компаний (около 90 %), направлявших средства на образовательные цели, вели в 2025 году образовательные программы для сотрудников по профилю компании, включая программы повышения квалификации. Значение доли очень близко к данным 2020 и 2024 годов.

Вторым по распространённости направлением во все периоды стала организация производственной практики для студентов профильных учреждений профессионального образования (в 2025 году доля составила 68,8 %).

По сравнению с 2020 годом, в последние два года заметно выросла доля компаний, вкладывающих средства в развитие организаций профессионального образования: 19,7 % (2020) → 30,8 % (2025), то есть +11,1 п. п. за пять лет.

В целом, взаимодействие бизнеса с системой образования ориентировано в 2024-2025 годах на привлечение и «выращивание» будущих сотрудников.

Параллельно с 2020 года увеличилась доля компаний, финансирующих независимую оценку квалификации кадров, – с 18,1 % до 25,4 % в 2025 году.

Обратная тенденция наблюдается в случае двух возможных направлений: оплаты обучения лиц, которые могут не иметь обязательств по последующей работе в компании (доля снизилась почти на 9 п. п.), а также сокращением расходов, связанных с разработкой профессиональных кадров. Последнее может означать завершение основных работ по этой теме или смещение приоритетов от разработки к практическому применению и дальнейшей оценке результатов.

Доля компаний, вкладывающих ресурсы в «непрофильные» образовательные программы для сотрудников, практически не менялась, оставаясь на уровне 12 % и ниже. Гранты преподавателям и их стажировки респонденты отмечали во все волны исследования редко – в 5-6 % случаев.

Расходы компаний в сфере образования, %

Доли ответов приводятся к числу компаний, ответивших, что у них были расходы в сфере образования в отчётный период. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

В реализации федеральной программы «Профессионалитет» в 2025 году принимали участие 36,7 % компаний⁶. За год доля почти не изменилась.

В оба года – 2024 и 2025 – основной причиной, по которой компании не вступили в программу «Профессионалитет», стало то, что они не относятся к отрасли, участвующей в проекте. Об этом сообщили около трети ответивших.

26 % организаций удовлетворены количеством, качеством и сроками подготовки специалистов, поэтому они не принимают участия в программе.

Чуть реже – в 23 % случаев – компании не имеют партнёрских образовательных организаций.

У менее десятой части предприятий, не участвующих в «Профессионалитет», нет дополнительной потребности в квалифицированных кадрах.

Порядка пятой части респондентов дали собственные ответы на вопрос.

Как и в 2024 году, многим компаниям не хватает информации о проекте «Профессионалитет». Некоторые предприятия самостоятельно заключают целевые договоры с ВУЗами или доучивают сотрудников в рамках программы наставничества. В нескольких случаях компании пожаловались на плохое финансовое положение, которое останавливает их от участия в «Профессионалитете».

Также ряд компаний не прошёл конкурсный отбор, а две компании планируют начать участвовать в программе «Профессионалитет» в краткосрочной перспективе.

В 2025 году доля компаний, фиксирующих улучшение условий труда, сократилась – доля отрицательного ответа выросла с 15,4 % (2020) до 26,2 % (2025) через промежуточное значение 18,9 %, полученное в 2024 году.

Улучшение условий труда по итогам мероприятий, принятых на основе СОУТ, отметили 52 % компаний в 2025 году против 62,3 % в 2020 (снижение на 10,3 п. п.). Комплекс мер по профилактике профзаболеваний и несчастных случаев в 2025 году реализовывали 51,5 % компаний, что заметно ниже 2024 года (61,7 %) и 2020 года (60,9 %).

Уменьшение численности работников, занятых во вредных и/или опасных условиях, в 2025 году произошло в пятой части организаций. По сравнению с 2024 годом здесь есть рост (16,0 % → 20,3 %), но относительно 2020 года показатель всё

⁶ Вопрос о программе «Профессионалитет» был добавлен в анкету после 2020 года.

ещё ниже (26,3 % → 20,3 %), что говорит о непоследовательной динамике и отсутствии устойчивого тренда.

Улучшение условий труда в компаниях, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Социальная ориентированность бизнеса

Главным фактором поощрения социальной ответственности бизнеса респонденты из года в год называют налоговое стимулирование – в том числе предоставление льгот для имущества и земельных участков, относящихся к объектам социального назначения. Этот вариант лидирует во всех волнах исследования, набирая долю от 66 % до 75 %.

На второе место в 2025 году респонденты поставили участие бюджетных средств в финансировании/инвестировании социальных корпоративных программ, которые реализуют компании (доля 47,1 %). Значимость фактора серьёзно выросла – ранее он занимал пятое место в списке, и его доля не превышала 40 %.

Интерес к преимущественному предоставлению в доступе к госзаказам, более выгодным условиям кредитования для ответственных предпринимателей постепенно снижался: 59,9 % (2015) → 54,2 % (2020) → 45,2 % (2024) → 39,2 % (2025).

Запрос на сокращение избыточного регулирования, устранение административного давления с 2015 по 2024 годы показывал рост, в 2024 году этот фактор оказался на втором месте по популярности с долей 49,7 %, но в 2025 году участники стали отмечать его значимо реже – на 11,6 п. п. Возможно, это

обусловлено стабилизацией административной нагрузки, которое произошло в последний год.

В период с 2015 по 2024 годы относительно устойчива доля компаний (более 40 %), считающих, что повышение прозрачности процессов принятия решений органами власти и подотчётность деятельности государственных структур может положительно повлиять на уровень социальной ответственности бизнеса. В 2025 году компании стали несколько реже отмечать этот ответ – в 36,5 % случаев, но сокращение доли пока незначимо.

Публичное признание результатов ответственной деловой практики (проведение конкурсов, моральное поощрение победителей, вручение грамот, введение отличительных знаков, популяризация в официальных СМИ) выбрали 30,7 % организаций в 2025 году.

Компании могли выбрать несколько вариантов ответа, результаты показывают большое пересечение между различными факторами: для повышения ответственности бизнеса необходимо, по мнению участников, комбинировать различные формы и подходы.

Факторы и меры поддержки предпринимателей со стороны государства, которые будут стимулировать ведение бизнеса на основе принципов социальной ответственности, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Более трёх четвертей организаций (76,6 %) оказывали в 2025 году помощь региональным властям в социальном развитии регионов. В 2015 году об этом заявили 88 %, и это была максимальная доля за все рассматриваемые периоды исследования, а минимум зафиксирован в 2010 году – 68,4 %.

В 2024-2025 годах большинство – от 73,1 % до 80,1 % предприятий, вкладывавших средства в социальное развитие регионов, помогали участникам СВО и их семьям, что отражает адаптацию компаний к текущим общественным задачам. При этом появление этого направления, в основном, не оказало влияния на масштабы и распределение поддержки по остальным направлениям.

Приоритетами корпоративной социальной политики остаются два направления: поддержка конкретных социальных учреждений (доля 64,1 % в 2025 году) и помощь социально незащищённым гражданам, связанным с компанией (доля 60,3 %). Во все периоды исследования, за исключением 2010 года, когда впервые был задан вопрос, эти варианты выбирало большинство опрошенных.

Реализацией социальных программ в отчётный период занимались 57,1 % организаций. С 2010 года доля прибавила 13,3 п. п. Качественный скачок произошёл в 2020 году, когда распространённость социальных программ выросла до уровня, на котором она сохраняется до 2025 года.

Благоустройством территорий занимались чуть менее половины компаний, направлявших средства на поддержку регионов. В 2010, 2015, 2024 и 2025 годах доли близки, а в 2020 году компании значимо реже выбирали этот вариант – в 36 % случаев.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (ТОП 5), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

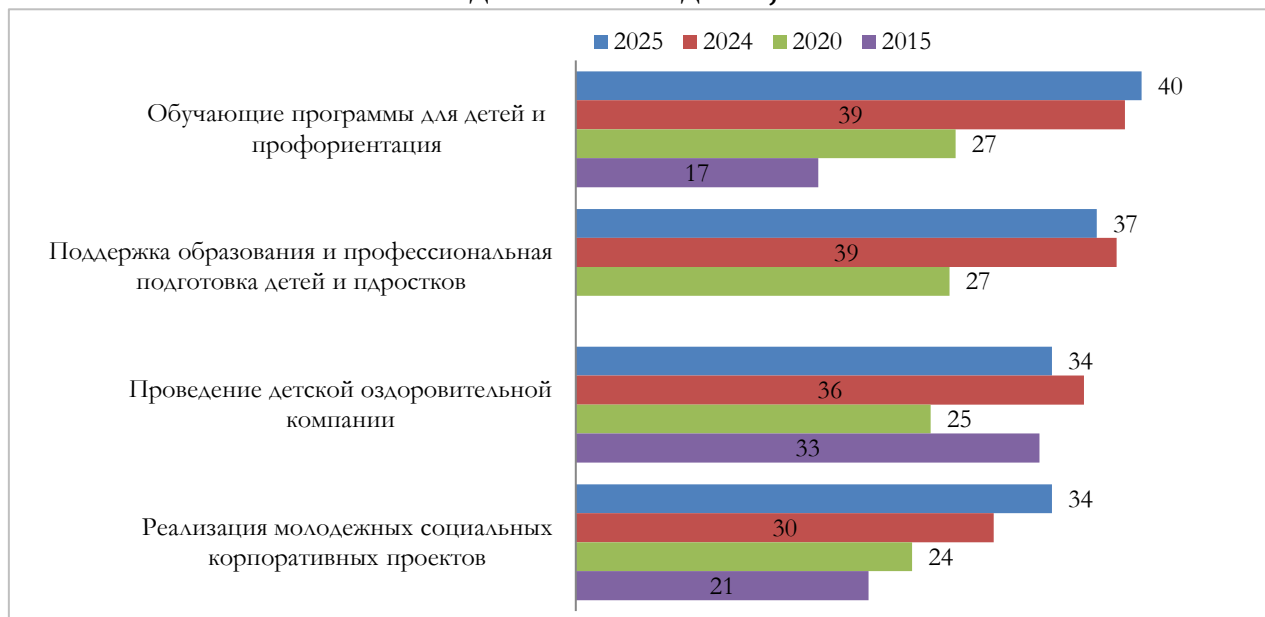
За прошедшие годы расширилась образовательная и молодежная повестка компаний, что свидетельствует о долгосрочных инвестициях бизнеса в человеческий капитал региона⁷.

Программы для детей и молодежи показывают заметный рост: так, обучающие программы для детей и профориентация для детей и подростков отмечали в 2015 году 17,3 % респондентов, а в 2024-2025 годах доля прибавила примерно до 40 %. Поддержку образования и профессиональную подготовку детей и подростков осуществляли в 2020 году чуть более четверти ответивших предприятий, к 2024-2025 годам этим занимались уже порядка 38 % компаний.

Такая же положительная динамика в случае реализации молодежных социальных корпоративных проектов (доля выросла за десять лет на 13 п. п.). Детскую оздоровительную компанию проводили около трети предприятий – здесь заметных изменений не наблюдается.

⁷ Этот блок был добавлен в список в 2015 году.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам – программы для детей и молодёжи, %

Доли приводятся к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Ещё одним из важных гуманитарных направлений стала помощь социально незащищенным гражданам, которые никак не связаны с компанией. Около 40 % респондентов в 2024-2025 годах оказывали такого рода поддержку. Правда, в 2010–2020 годах компании чаще направляли средства на это направление.

Спонсорскую помощь региональным и городским программам оказывали в 2025 году 32,1 % организаций; это направление компании поддерживают довольно стабильно.

В то же время бизнес реже стал содействовать региональным программам занятости безработных – доля сократилась с 34,5 % (2010 год) до 20,5 % (2025 год).

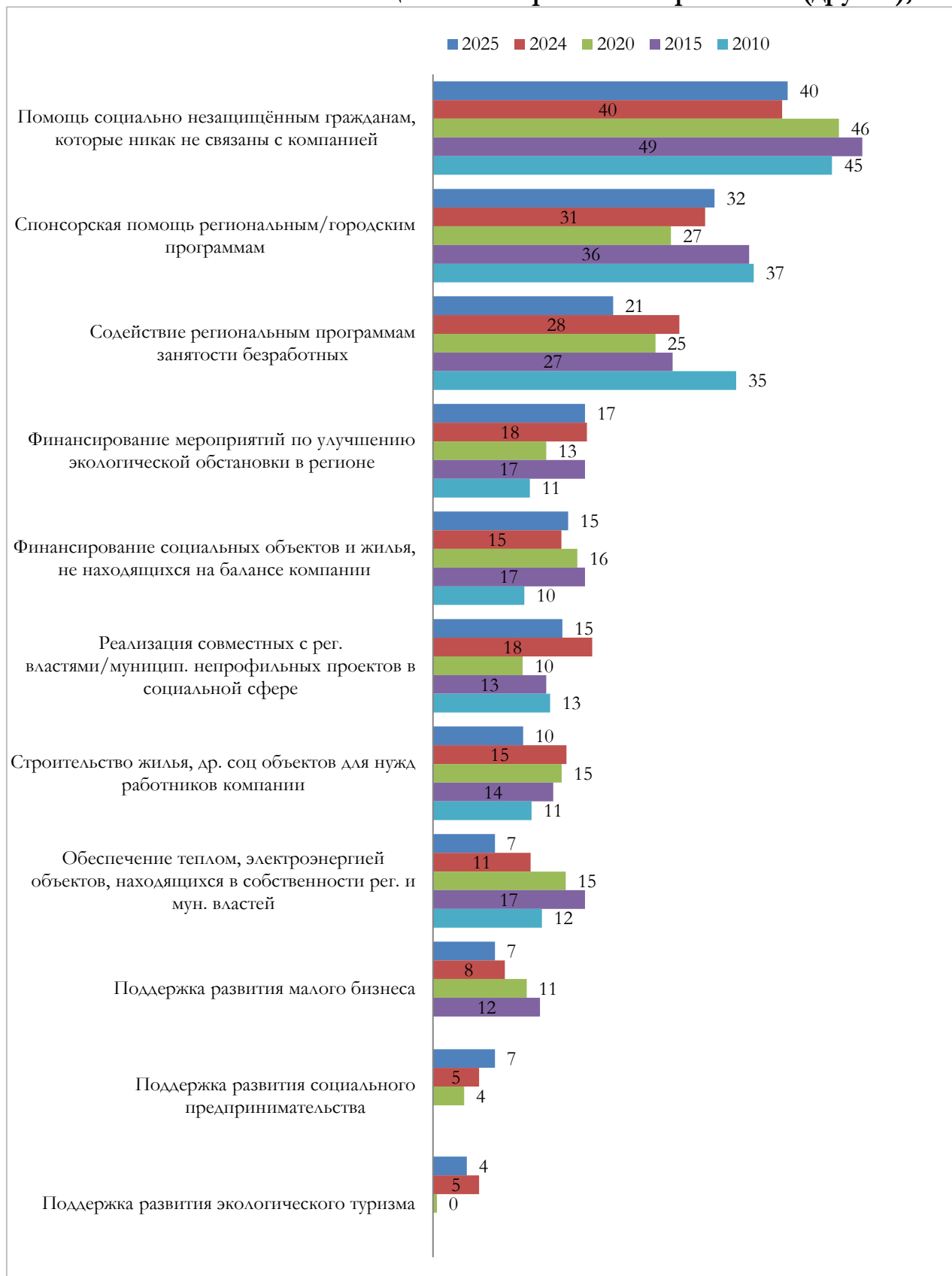
Мероприятия по улучшению экологической обстановки в регионе финансировали от 11 % до 17 % компаний в различные периоды. Некоторый рост доли произошёл, но это направление остаётся на периферии интересов бизнеса.

То же можно сказать и о финансировании социальных объектов и жилья, не находящихся на балансе компании, о реализации совместных с региональными властями и муниципалитетами непрофильных проектов в социальной сфере. Их указали в 2025 году порядка 15 % организаций.

Строительством жилья, других социальных объектов для нужд работников компании занимались редко – в 10 % случаев. Динамика по этому направлению негативная после роста доли в 2020 года до 14,7 %.

Остальные направления – обеспечение теплом, электроэнергией объектов, находящихся в собственности региональных властей и муниципалитетов; поддержка развития малого бизнеса; поддержка развития экологического туризма – распространены мало. Интерес к ним, скорее, снижается.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (Другие), %

Доли приводятся к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Компании реализуют социальные программы в регионах преимущественно через прямые и самостоятельные механизмы финансирования, что обеспечивает гибкость и контроль над распределением ресурсов. На первом месте финансирование по прямым запросам о помощи со стороны организаций или физических лиц – вариант отметили 51,4 % компаний в 2025 году. Примерно такую же долю составил ответ «через реализацию собственных социальных и благотворительных программ» (доля последовательно выросла с 2015 года на 12,9 п. п.)⁸.

Средним сегментом стали институциональные каналы: поддержка через благотворительные фонды, фонды местных сообществ (за десять лет +13,5 п. п.), а также поддержка программ корпоративного волонтерства (в 2015 и 2020 годах этим занимались только 11–13 % ответивших предприятий).

В социальных программах, реализуемых органами власти, участвовали в 2025 году 34,3 % организаций. Во все волны исследования доля сохранялась, за исключением 2020 года, когда она была минимальна – 17,3 %.

Собственные объекты социального назначения содержат 30,7 % предприятий. Здесь так же провал зафиксирован в кризисном, 2020 году, когда доля была ниже на 8,1 п. п.

Относительно мало распространены такие способы как «предоставление бесплатных товаров и услуг» и «партнёрские программы с госструктурами и НКО». На этих вариантах остановились в 2025 году 22,9 % участников. В первом случае динамика нисходящая: в 2015 году около 40 % компаний предоставляли бесплатные товары и услуги.

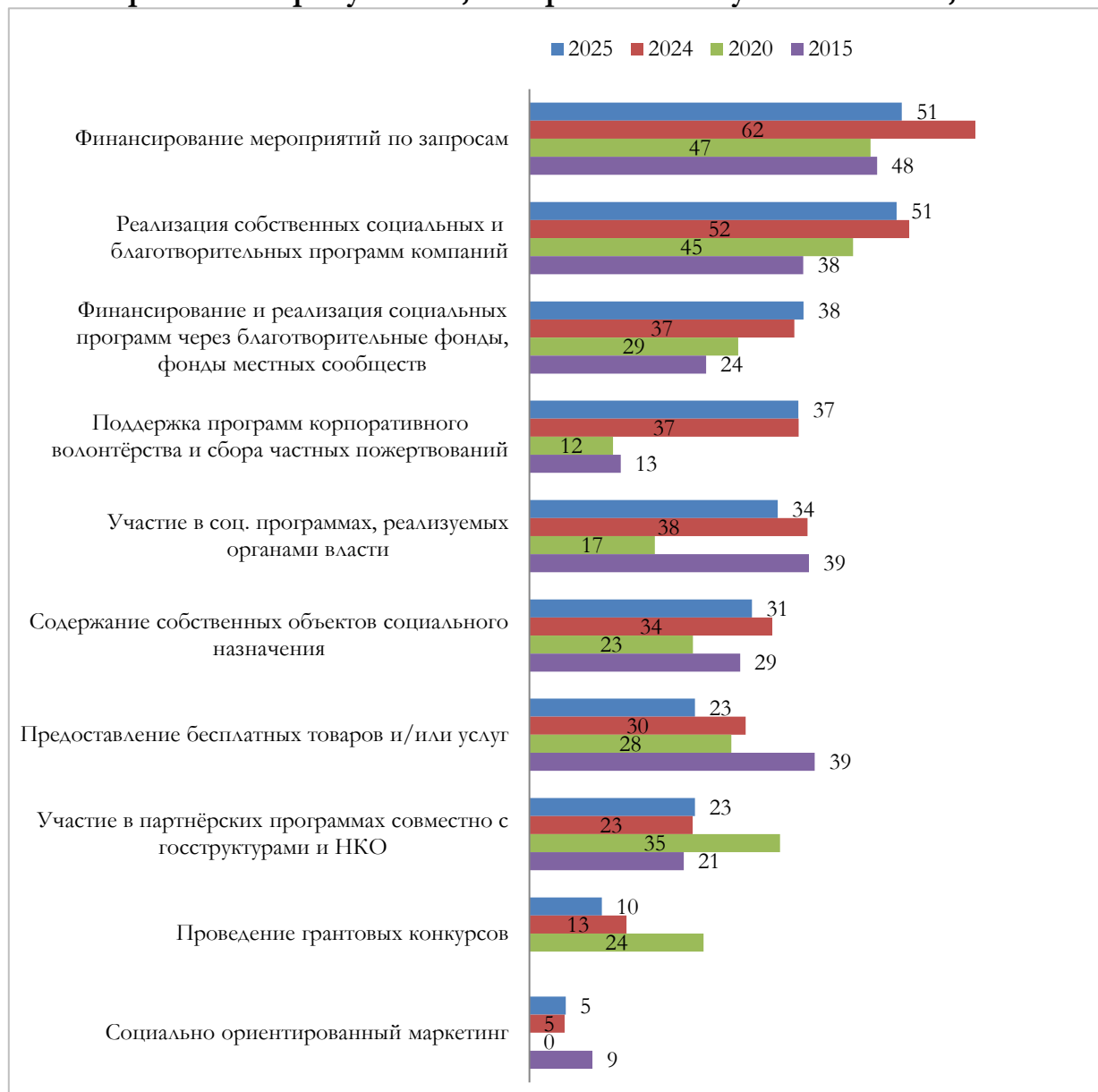
Десятая часть опрошенных сообщила в 2025 году, что проводят грантовые конкурсы. Популярность этого направления резко снизилась – в 2020 году, когда вариант был добавлен в список, его отмечали 24 % организаций.

Социально ориентированный маркетинг во все периоды остаётся наименее популярным механизмом: в 2024 и 2025 годах доля составила только 5 %.

В целом, к последнему отчётному периоду заметен стратегический сдвиг к самостоятельности, но роль институциональных форм по-прежнему высокая.

⁸ Вопрос был включён в анкету после 2020 года. Данные для сравнения доступны с 2015 года.

Механизмы финансирования и реализации социальных программ в регионах присутствия, которые используют компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний

Цели устойчивого развития (ЦУР-2030) были сформулированы Генеральной ассамблеей ООН в 2015 году в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех».

После началась институционализация Повестки ЦУР в корпоративные модели: компании начали соотносить свои проекты и КРІ с ЦУР, менять

стандарты раскрытия нефинансовой информации, практики управления рисками. В то же время шёл процесс по адаптации и внедрению ЦУР в стратегии государственного развития.

В 2019–2021 годах ЦУР в бизнесе стали обязательными по ряду климатических требований и по соответствию логике рисков: инвесторы и регуляторы стали ожидать конкретных данных от предприятий о выбросах CO₂, о цепочках поставок, об управлении рисками. Этот подход превратил абстрактные ЦУР в практический набор требований и метрик ESG (E – ecology, S – social, G – governance). В период с 2022 по 2024 годы в Европе регуляторные меры стали более жёсткими. При этом работа на «дружественных» рынках также нередко требует соблюдения европейских подходов.

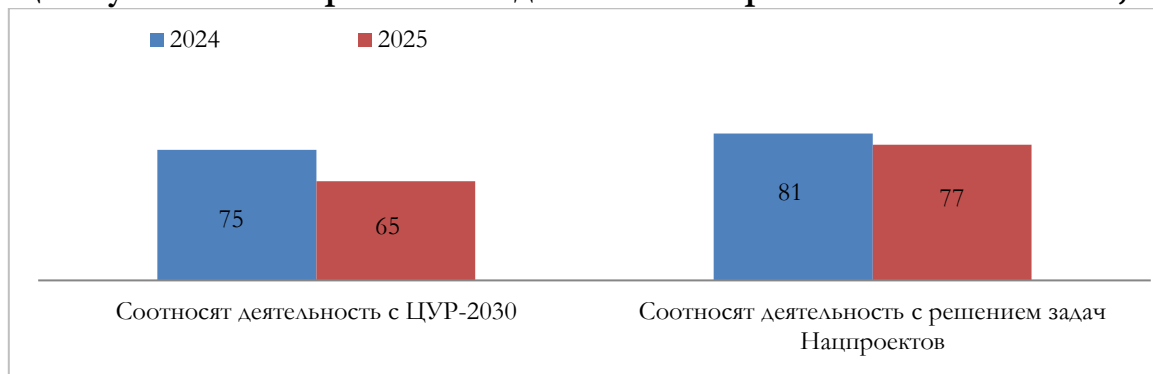
В России ЦУР встраивались преимущественно через корпоративную устойчивость и мягкое регулирование: с начала 2020 годов сформировался круг рекомендаций и «мягкого права» (в том числе от Банка России по климатическим рискам и нефинансовой отчётности). При этом российские крупные компании и финансовые организации долго ориентировались на сопоставимость с международными практиками, чтобы сохранять доступ к рынкам капитала и к экспортным цепочкам. Начиная с 2024 года, фокус был смещён на прикладные эффекты, технологичность и цифровизацию, операционную устойчивость, кадровую устойчивость, а также на совместимость с требованиями дружественных юрисдикций.

Проблематика ЦУР начала освещаться в докладах о состоянии делового климата уже после 2020 года.

В 2024 году три четверти респондентов сообщили, что их компании соотносят свою деятельность с ЦУР-2030. В отчётном, 2025 году доля снизилась до 64,5 %, что может объясняться комбинацией факторов и причин – экономических вызовов и изменением приоритетов российского бизнеса. Санкции, импортозамещение и новая глобальная повестка уменьшили релевантность ЦУР для бизнеса.

В то же время доля компаний, которые ориентируются в своей работе на решение задач Нацпроектов РФ, изменилась незначительно – 77,1 % предприятий в 2025 году против 81 % в 2024 году.

Цели устойчивого развития в деятельности российских компаний, %

Значения округлены до целого числа.

Согласно данным за 2025 год, стратегия устойчивого развития разработана и принята в трети опрошенных компаний.

В 21,7 % организаций стратегия находится в разработке. 18,4 % компаний планируют приступить к развитию стратегии устойчивого развития в ближайшей перспективе. 8,4 % компаний не собираются разрабатывать такой документ.

Чуть менее пятой части опрошенных затруднились с ответом на вопрос. Распределение оценок за год не изменилось.

Безопасность и охрана труда остаётся главным приоритетом компаний в области устойчивого развития (доля 76,3 % в оба года). Следующим по значимости направлением 55,2 % респондентов назвали развитие сотрудников и социальное обеспечение (обучение, прозрачные карьерные треки, защита прав человека, компенсационные пакеты и т.п.). Для российского бизнеса внимание к теме устойчивого развития находится в тесной связи с существующим кадровым дефицитом, необходимостью повышать кадровый потенциал сотрудников.

В 2025 году значительно выросла доля компаний, которые ставят перед собой задачу повышения энергоэффективности и/или использование альтернативных источников энергии – до 29,9 % (+8,6 п. п. за год). Также компании стали чаще отмечать задачу повышения информационной открытости, развития процесса отчётности, её указала четверть опрошенных предприятий.

Остальные направления в области устойчивого развития (разработка устойчивых (зелёных) продуктов, развитие локальных сообществ, участие в устойчивом развитии территорий, переход на экономику замкнутого цикла, сокращение выбросов CO₂) выглядят для российского бизнеса не столь значимыми – их выбрали около десятой части компаний.

Доля организаций, обозначивших, что у них нет целей в области устойчивого развития, осталась прежней – около 10 %.

Задачи в области устойчивого развития, которые ставят перед собой компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Как и годом ранее, респонденты поставили на первое место среди барьеров, которые не позволяют российскому бизнесу формировать повестку устойчивого развития в своих компаниях, отсутствие финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства. При этом уровень значимости этого барьера вырос – его отметила почти половина опрошенных (47,5 %), в 2024 году доля была меньше на 8,1 п. п.

38,3 % компаний назвали главным барьером – отсутствие запроса со стороны рынка и потребителей. Этот вариант компании стали выбирать чаще.

Почти столько же участников опроса (35,2 % компаний) считают, что трансформация текущих процессов протекает долго и сложно.

Четверть предприятий видит смену глобальной повестки, которая приводит к необходимости решать тактические задачи внутри страны, не сопряжённые с ЦУР. В 2024 году об этом заявляли 32 % респондентов.

22,2 % компаний уверены, что достижению целей устойчивого развития мешает недостаток компетенций сотрудников в этой области. В 16,7 % предприятий отсутствует понимание ценности устойчивого развития для бизнеса (чёткого бизнес-кейса).

По оценке 14,2 % компаний, цели устойчивого развития не приоритетны в настоящий момент. В 11,7 % предприятий нет ответственных / функции для управления устойчивым развитием.

В целом, оценки значимости различных барьеров в 2024 и 2025 годах довольно близки.

Барьеры, не позволяющие развивать компанию с учётом повестки устойчивого развития, %

Дали приведены к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

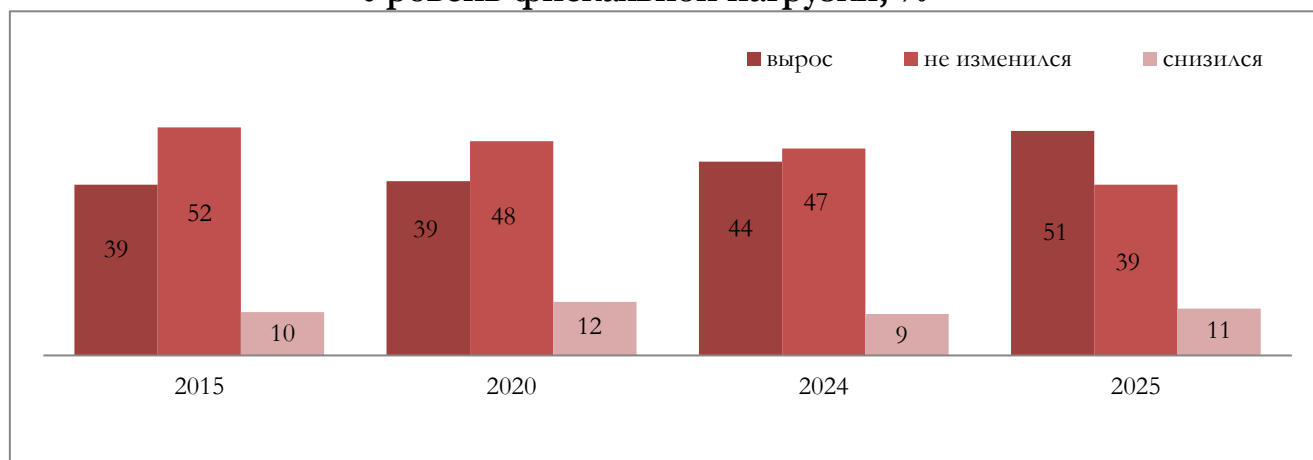
Фискальная нагрузка

В 2025 году оценки динамики фискальной нагрузки заметно ухудшились: доля компаний, сообщивших о росте фискальных платежей, впервые превысила половину (50,8 %), тогда как доля нейтральных ответов сократилась до 38,6 %.

В 2015, 2020 и 2024 годах преобладали оценки «нагрузка не изменилась» – 51,6 % в 2015; 48,5 % в 2020 и 46,8 % в 2024.

Доля ответов «нагрузка снизилась» была и осталась низкой. Она изменялась в пределах 9–12 % во все периоды исследования.

Уровень фискальной нагрузки, %

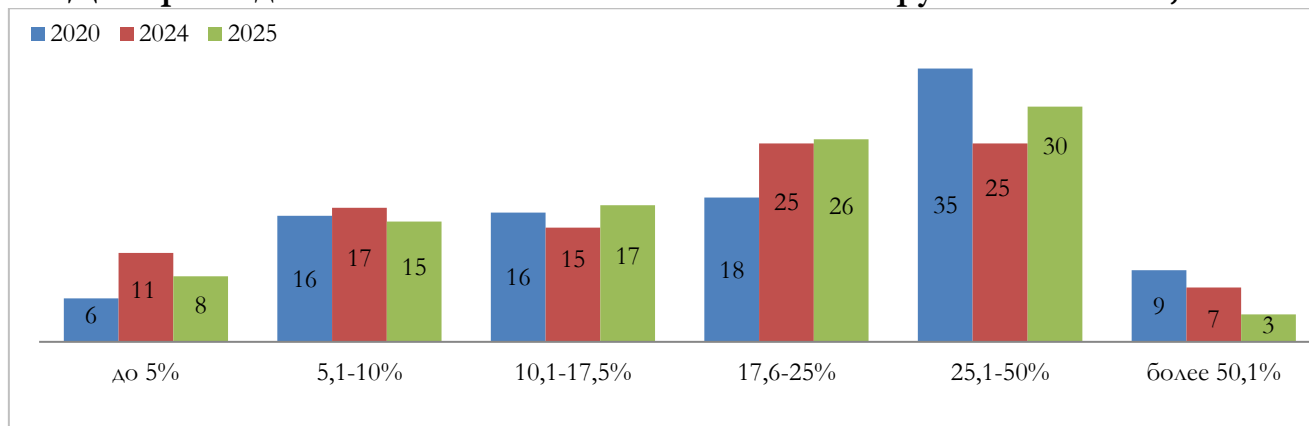
Значения округлены до целого числа.

Средний размер совокупной фискальной нагрузки (налоги и сборы, таможенные платежи, расходы на обязательное страхование и так далее) в 2025 году составил 22,4 % в выручке компании. За год он почти не изменился – в 2024 году среднее значение было равно 21,9 %.

В 2020 году фискальная нагрузка по предоставленным данным от компаний отличалась примерно на 5 п. п. и достигала в среднем 26 % от выручки.

Вероятно, субъективная оценка роста налоговой нагрузки отражает изменение ставок без привязки к величине выручки.

Доля расходов на все обязательные платежи в выручке компании, %

Значения округлены до целого числа.

В 2025 году наиболее часто компании – в 29,9 % случаев – сообщали, что их уровень фискальной нагрузки находится в интервале от четверти до половины всей выручки. Следующим по популярности интервалом стал «от 17,6 до 25 % выручки» – его составили ответы четверти опрошенных предприятий.

Суммарно две трети компаний отправляют на фискальные платежи до четверти своей выручки, а более 95 % опрошенных предприятий – до половины выручки.

За годы, по которым доступны данные, произошёл некоторый сдвиг значений – доля компаний с крайне высоким уровнем фискальных платежей последовательно снижалась: 9,1 % (2020) → 6,9 % (2024) → 3,5 % (2025). Одновременно с этим средний сегмент (когда платежи составляют до 25 % выручки) расширился: 18,3 % → 25,2 % → 25,7 %.

Стоимость кредитных средств

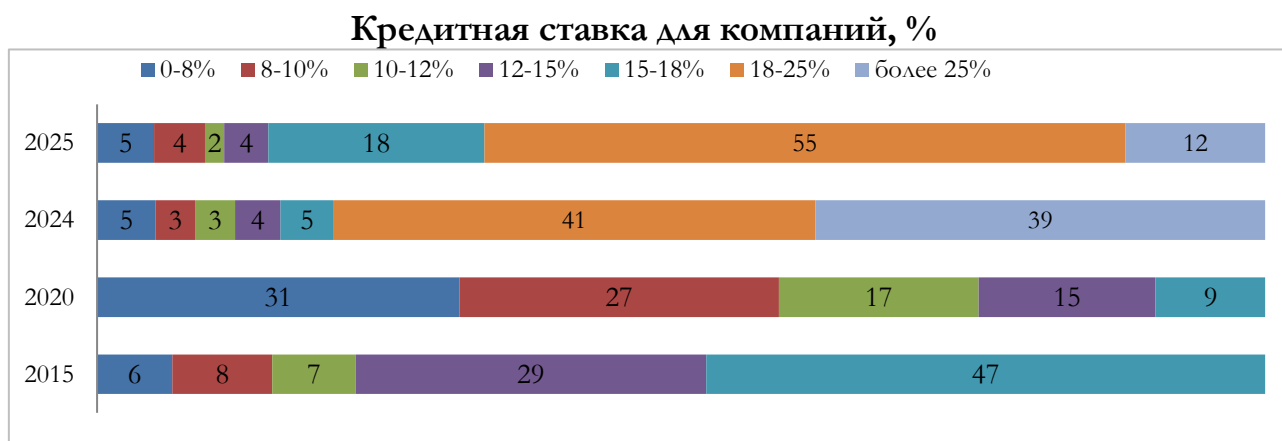
В 2024 году Центробанк РФ поднял ключевую ставку с 16 % до 21 %. Последнее значение сохранялось до июня 2025 года, когда произошло первое снижение ключевой ставки до 20 %. Во втором полугодии 2025 года шло последовательное смягчение денежно-кредитных условий, и к концу года размер ставки составил уже 16 %.

Согласно оценке Центробанка РФ, снизить ставку позволило замедление текущего роста цен и возвращение экономики к более сбалансированной траектории.

Резкий взлёт уровня ключевой ставки, произошедший в 2024 году, негативно повлиял на стоимость заёмных средств для российского бизнеса. И в 2024, и в 2025 годах подавляющее большинство компаний (порядка 85 %) сообщили, что могут рассчитывать только на ставки выше 15 %. Причём в 2024 году ставку более 25 % годовых ожидали порядка 40 % опрошенных предприятий. В 2025 году этот интервал указывали реже – в 12 % случаев. В целом, ответы респондентов оказались смещены к варианту «ставка будет 18–25 %» – его выбрали 55 % компаний.

Пять лет назад заёмные средства по ставке выше 15 % ожидала получить только десятая часть компаний-участниц опроса. Тогда 58,3 % организаций рассчитывали на ставки до 10 % годовых.

В 2015 году ситуация выглядела хуже, чем в 2010 году, но однозначно лучше, чем в 2024–2025 годах. Около половины компаний (46,9 %) были готовы взять кредит по ставке более 15 %, а 29,4 % опрошенных предприятий отметили интервал «от 12 до 15 % годовых». И в 2015, и в 2020 годах варианты «ставка в размере 18–25 %» и «более 25 %» даже не были представлены в анкете. Это реальность именно последних двух лет.

Из распределения исключены данные компаний, пропустивших вопрос. Значения округлены до целого числа.

Государственная поддержка

За все прошедшие годы – начиная с 2008 года – господдержка предпринимательства и промышленности в России эволюционировала от фрагментированных инструментов и «точечных» субсидий и льгот к многоуровневой системе. В 2010-е годы постепенно формировалась архитектура поддержки крупных проектов через отраслевые госпрограммы и институты

развития, к середине десятилетия акцент сместился к стимулированию инвестиций в промышленность и модернизацию. В дальнейшем усилилась нацеленность на результат (инвестиции, выпуск продукции, создание и развитие технологий, экспорт) вместо финансирования процесса, что видно по распространению механизмов компенсации процентных расходов, поддержки проектного финансирования.

Снижению «токсичности» мер поддержки в восприятии бизнеса и органов власти во многом способствовало утверждение стратегических документов, где оказание поддержки бизнесу было прописано как обязательный элемент политики (региональный инвестиционный стандарт, региональный экспортный стандарт, программы развития промышленности субъектов РФ и т. д.). Таким образом, к середине 2020-х годов господдержка стала элементом делового климата, способствующим созданию единого экономического пространства для предпринимательства в пределах всей страны.

К 2025 году система стала ещё более многослойной и технологически ориентированной: в перечнях федеральных мер значительное место заняли поддержка приоритетных отраслей и технологий (электроника и радиоэлектроника, станкоинструментальная промышленность, робототехника и другие направления). Помимо этого, в 2020–2025 годы периодически вводились антикризисные меры (субсидии на пополнение оборотных средств системообразующим предприятиям, кредитные каникулы, отсрочка уплаты социальных страховых взносов).

В целом, по сравнению с концом 2000-х годов господдержка стала более проектной и увязанной с целями развития: сегодня государство чаще поддерживает инвестпроекты и технологические направления, увязывая получение льгот и финансирования с приоритетами в сфере обеспечения технологического лидерства, обязательствами по локализации, выпуску приоритетной продукции, ликвидации разрывов в производственных цепочках.

Начиная с 2019 года происходило усиление роли льготного долгового финансирования как альтернативы прямым субсидиям.

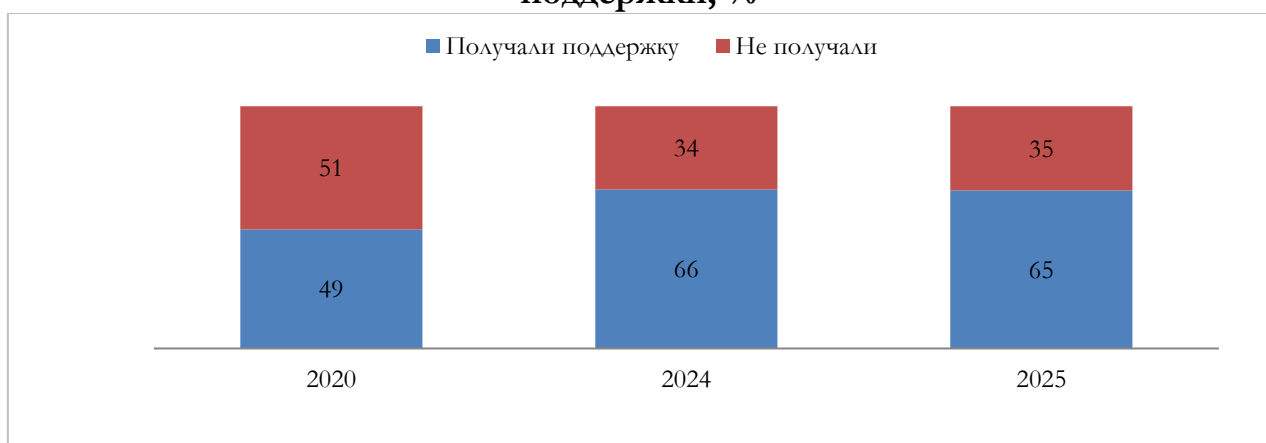
Важной институциональной переменной стал переход с 2024 года от регулирования правил предоставления финансовых мер государственной поддержки нормативными правовыми актами к единым правилам предоставления бюджетных субсидий, грантов. Непростой период адаптации как бизнеса, так и органов власти к формату решений о порядке предоставления конкретных мер

поддержки, выпускаемых ответственным за распределение бюджетных средств органом власти, всё ещё продолжается.

Трансформация системы поддержки была сопряжена с ростом интереса бизнеса к различным мерам и инструментам государственной помощи. Следуя этому тренду, в 2017 году в исследование о деловом климате был добавлен блок вопросов об осведомлённости компаний о мерах поддержки, востребованности и распространённости тех или иных мер, о барьерах, которые мешают бизнесу воспользоваться поддержкой.

По сравнению с 2020 годом доля компаний, воспользовавшихся в отчётный период государственной поддержкой в виде субсидий, грантов, государственных гарантий, займов институтов развития, налоговых льгот или инструментов нефинансовой поддержки, значительно выросла, достигнув 65,2 % в 2025 году.

Соотношение компаний по критерию получения государственной поддержки, %

Значения округлены до целого числа.

Примерно в равной степени оказались востребованы льготные займы, субсидии и налоговые льготы. Ими воспользовались более двух третей получателей поддержки.

Доля организаций, которые обращались за льготными займами, значительно выросла за год – на 23,7 п. п., а в 2020 году доля составляла 42,3 %.

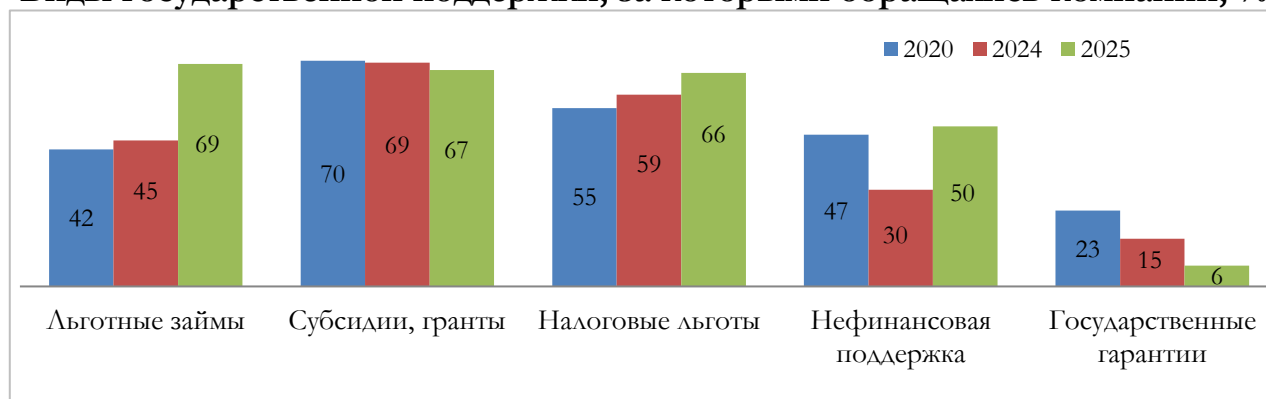
66 % предприятий, получавших поддержку в 2025 году, применяли налоговые льготы. По сравнению с 2020 годом, их распространённость выросла: тогда налоговые льготы респонденты отмечали реже – в 55,1 % случаев.

При этом популярность субсидий и грантов почти не изменилась: за ними обращались 66,9 % компаний (-2,3 п. п. от значения 2024 года, -2,9 п. п. от значения 2020 года).

Нефинансовой поддержкой воспользовались 47,3 % организаций. Здесь наблюдается возвращение к значению 2020 года после снижения до 29,9 % в 2024 году.

Государственные гарантии получили в 2025 году чуть более десятой части предприятий, воспользовавшихся поддержкой. В последние пять лет динамика отрицательная: в 2020 году госгарантии привлекали 23,4 % компаний.

Виды государственной поддержки, за которыми обращались компании, %

Доли приведены только к множеству компаний-получателей поддержки.

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа. Из рассмотрения исключены компании, пропустившие вопрос.

17,6 % компаний, ответивших на вопрос, планируют в ближайшем будущем обратиться за налоговыми льготами. В субсидиарной поддержке заинтересованы в перспективе 16,5 % организаций.

12,2 % компаний намерены воспользоваться инструментами нефинансовой поддержки.

Примерно столько же предприятий ответили, что собираются в будущем получить льготные займы или государственные гарантии.

В 2020 и 2024 годах участники значимо чаще выбирали варианты «планируем обратиться за льготными займами», «за нефинансовой поддержкой».

Изменения в оценках получателей субсидий и грантов⁹:

- базовыми инструментами остаются отраслевые субсидии и субсидии на НИОКР по приоритетным направлениям гражданской

⁹ Исключая субсидии и гранты, предоставляемые субъектам МСП, а также в рамках поддержки экспортной деятельности компаний

промышленности. Лидерство наиболее многочисленной группы субсидий (субсидии организациям отдельных отраслей и секторов) не менялось на протяжении всего периода 2020–2025 гг., хотя по сравнению с данными за 2024 год доля получателей снизилась с 24,2 % до 19,2 %.

- Поддержка НИОКР в приоритетных направлениях промышленности через субсидии остаётся устойчивым элементом с долей 11,2 % в 2025 году, но без роста охвата.
- Региональные субсидии на инвестпроекты по модернизации и развитию промышленных предприятий на условиях софинансирования в 2025 году находятся в списке заметно выше, чем в 2024: доля их получателей выросла с 8,1 % до 13,6 %. Вероятно, это связано с тем, что компании активнее используют меры господдержки, которые доступны непосредственно в регионах присутствия конкретных предприятий, проектов.
- субсидии на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, выданным на реализацию инвестиционных проектов, заметно потеряли свою распространённость. Если в 2020 году 17 % участников опроса возмещали свои затраты на обслуживание кредитов по инвестпроектам за счёт таких государственных программ, как постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3, то в настоящее время факта осуществления инвестиций недостаточно для получения поддержки: в новых версиях подобных программ к этому критерию добавляются условия на отраслевую принадлежность проекта и нахождение продукции в перечне правительства, требование по участию субъекта РФ, да и минимальный размер инвестиций в проект повышен в разы и исчисляется миллиардами рублей. К 2025 году наблюдается снижение относительной роли этого инструмента в пакете поддержки до 8 % и замещение его другими механизмами финансирования.
- Доля получателей субсидий на инфраструктуру и технологическое присоединение также стала ниже: 6,4 % (2020) → 7,3 % (2024) → 4,0 % (2025). Это похоже на переход от «капитальных» субсидий к иным формам обеспечения проектов (региональные пакеты, проектное финансирование, инфраструктурные решения вне этой строки).

- Гранты/субсидии технологической и цифровой направленности по своему назначению являются таргетированными, что отражается на фактическом охвате ими получателей. Так, гранты на отечественные ИТ-решения получали 4 % компаний в 2025 году и 5,6 % – в 2024 году; примерно столько же компаний отметили, что они участвуют в грантовой программе «доращивания» технологических компаний под нужды крупных российских корпораций. Гранты на разработку конструкторской документации на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности, выбрали только 0,8 % получателей поддержки против 2,4 % в 2024 году. Такую же долю составили субсидии на компенсацию части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания (развития) производства высокотехнологичной промышленной продукции (в 2024 года она была более 4 %) ¹⁰.
- Субсидией участникам промкластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов в целях импортозамещения воспользовались в 2025 году 3,2 % предприятий ¹¹.

¹⁰ Меры были добавлены в анкету в 2023-2024 годах.

¹¹ Мера была добавлена в анкету в 2025 году.

Получение субсидий, грантов, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

«Массовое ядро» налоговой поддержки в 2025 году формируют льготы на уровне субъектов РФ – на имущество и прибыль, а также пониженные ставки страховых взносов.

По льготе на имущество прослеживается нисходящий тренд к 2025 году: после высокого уровня значения (24 % в 2024 году) доля снизилась до 19,2 %, что также ниже и значения за 2020 год, когда доля составляла 21,3 %.

Льготы по налогу на прибыль на уровне субъекта РФ показывают устойчивое снижение: 22,3 % (2020) → 17,8 % (2024) → 16 % (2025).

Пониженные ставки страховых взносов применяли в 2025 году 19,2 % организаций. В предыдущую волну исследования доля была примерно на том же уровне.

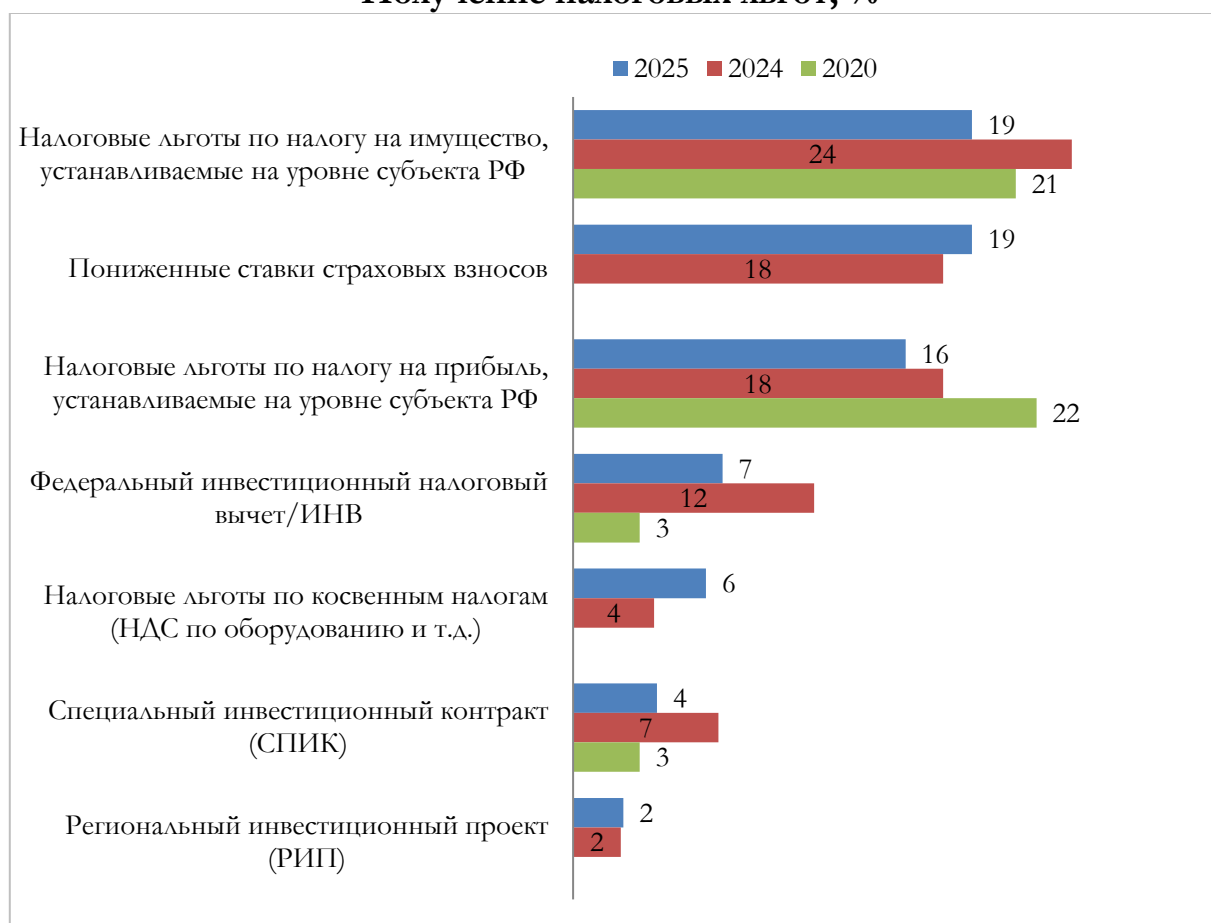
Инвестиционный налоговый вычет сохраняет заметную роль, как это было в 2024 году: здесь необходимо отметить, что в анкете за 2025 год вариант был разделён на два – Федеральный ИНВ и Региональный ИНВ. Если суммировать данные по обоим вариантам, то доля составит 12,8 %, что примерно равно значению 2024 года. Пять лет назад ИНВ применяли значительно реже – только 3,2 % компаний из числа получателей поддержки.

Остальные налоговые меры заметно менее распространены.

Динамика применения льгот по косвенным налогам положительная – примерно с 3-4 % в 2020 году и 2024 годах доля выросла до 6,4 %, однако, эта мера остаётся второстепенной среди льгот.

Применение СПИК ограничено небольшим кругом компаний среди участников опроса и характеризуется волнообразной динамикой в пятилетний период: 3,2 % (2020) → 7 % (2024) → 4 %. Доля компаний, которые реализуют региональные инвестиционные проекты (РИП), осталась без изменений (2 %).

Получение налоговых льгот, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

Займы институтов развития (ВЭБ.РФ, ФРП и других) – самый массовый инструмент во все волны исследования: 13,8 % (2020) → 22,6 % (2024) → 17,6 % (2025). Падение в 2025 году по сравнению с 2024 годом может объясняться и более жёсткой системой отбора проектов, и ограничением лимитов, и возможным перераспределением спроса в пользу других каналов льготного финансирования.

На второе место вышла Кластерная инвестиционная платформа (льготное банковское кредитование проектов по производству приоритетной продукции), которой воспользовались 7,2 % получателей поддержки. В этом случае произошёл выраженный прирост доли – почти на 5 п. п.

Льготный лизинг показывает небольшой рост охвата в 2025 году по сравнению с прошлым отчётным периодом: 5,3 % (2020) → 4,8 % (2024) → 6,4 % (2025).

Льготное банковское кредитование для производителей отдельных видов продукции (производителям электроники, ПО и т.п.) немного потерял позиции – его отметили 4,8 % получателей поддержки против 6,5 % в 2024 году.

Правда, в случае с льготным лизингом и льготным банковским кредитованием для производителей отдельных видов продукции разница в 1,6 пункта может указывать на статистическую погрешность.

Доля получателей государственных гарантий за пять лет значительно снизилась: с 9,6 % (2020) до 2,4 % (2024) и составила 0,8 % в 2025 году. К этому инструменту компании почти не прибегают.

Массовыми мерами поддержки не стали и «Фабрика проектного финансирования» и «промышленная ипотека» – респонденты отмечали их крайне редко. Последняя при этом потеряла в уровне востребованности вполнину, так как многие предприниматели в 2025 году сталкивались с отказами региональных банков-операторов в рассмотрении заявок в связи с исчерпанием лимитов.

Получение льготного финансирования, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

Самые заметные изменения в структуре поддержки внешнеэкономической деятельности – по наиболее востребованным мерам: серьёзно снизилась доля получателей поддержки участия в международных выставках, ярмарках, деловых миссиях (с 18,1 % в 2020 до 15,5 % и 8,8 % в 2024 и 2025 годах, соответственно), также более чем в два раза уменьшилась доля компаний, воспользовавшихся субсидией на транспортировку продукции (в 2020 и 2024 годах она составляла 15-16 %).

Снижение по обеим позициям носит синхронный характер, что повышает вероятность усиления в будущем негативного влияния на экспорт таких факторов, как рост протекционизма, изменение географии экспорта из-за санкционных ограничений, рост издержек на транспортировку продукции и так далее.

Льготное кредитование экспортной деятельности со стороны ВЭБ, Росэксимбанка немного расширилось: доля респондентов, отметивших этот вариант, выросла с 1,6 % до 4 %.

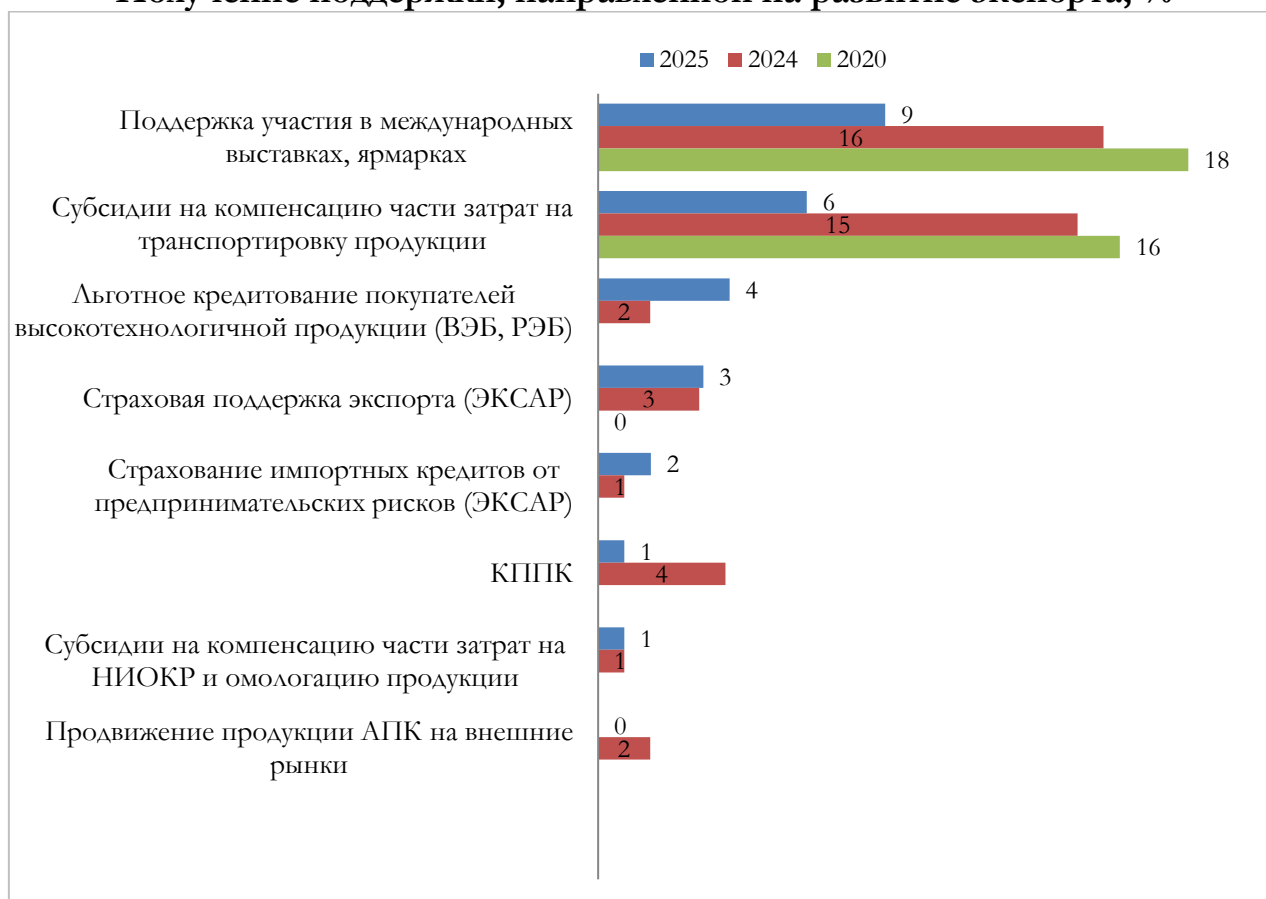
Страховой поддержкой экспорта, оказываемой ЭКСАР, воспользовались 3 % респондентов, как и годом ранее.

Остальными мерами (страхованием импортных кредитов от предпринимательских рисков, поддержкой компаний, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности (КППК), субсидиями на компенсацию части затрат на НИОКР и омологацию продукции) получатели поддержки воспользовались менее чем в 2 % случаев.

По КППК наблюдается заметное падение востребованности, что связано с отсутствием новых отборов в условиях недофинансирования программы.

Продвижение продукции АПК на внешние рынки не отметил ни один из опрошенных (что говорит о характере выборки респондентов – крупные промышленные компании, а не о действительной востребованности этой меры).

Получение поддержки, направленной на развитие экспорта, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

В части поддержки малого и среднего предпринимательства банковское кредитование по льготной ставке остаётся основным инструментом, которым воспользовались в 2025 году чуть менее четверти компаний-субъектов малого и

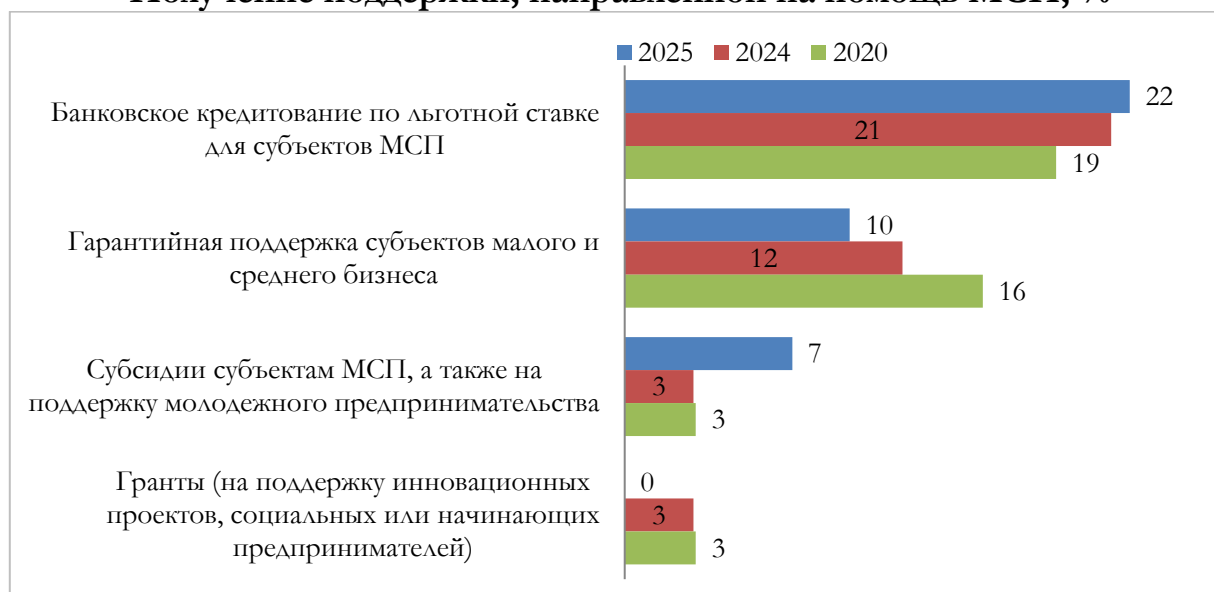
среднего бизнеса. Доля выглядит относительно стабильной по сравнению с 2024 годом, а по сравнению с 2020 годом доля получателей выросла на 3 п. п.

В 2024-2025 годах гарантийная поддержка субъектов МСП стала чуть менее весомой в структуре финансовой помощи, оказываемой МСП: за ней обращалась десятая часть малых и средних организаций против 15,6 % в 2020 году.

Популярность субсидий, направленных на поддержку субъектов МСП, а также молодёжного предпринимательства, в 2020 и 2024 годах оставалась на одном уровне. В 2025 году она выросла в относительном выражении – этими субсидиями воспользовались уже 7,3 % компаний-субъектов МСП.

Гранты на поддержку инновационных проектов, социальных или начинающих предпринимателей в отчётный период не отметил ни один из опрошенных, что связано с завершением в 2024 году срока действия Федерального проекта «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» в рамках государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Получение поддержки, направленной на помощь МСП, %

Доли приведены к числу респондентов МСП, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

В 2025 году к традиционным вариантам нефинансовой и иной подобной поддержки, объединенным на сей раз в блок «Административные и организационные меры поддержки», добавился новый вариант ответа – это получение статуса российского производителя для доступа к государственной поддержке в соответствии с постановлением Правительства РФ от 17 июля 2015 г. № 719. Данное изменение было обусловлено вступлением в силу с отчётного года

обновлённых правил применения национального режима при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд и закупок компаний с госучастием, требующих наличия такого статуса для многих групп промышленной продукции.

Среди всех нефинансовых видов поддержки выделяется консультационная и информационная поддержка – ею воспользовались 22,4 % получателей поддержки. Доля почти вернулась к значению 2020 года, когда она составляла 24,5 %, прибавив по сравнению с данными за 2024 год 4,6 п. п.

Получение статуса российского производителя и доступа к государственной поддержке занимает вторую позицию по распространённости с долей 14,4 %.

Роль государственных электронных систем, баз данных для поиска продукции, поставщиков в отчётный период снизилась. Этот вариант респонденты отмечали в два раза реже, чем в 2024 году.

В части востребованности соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) выраженных изменений нет. Как и льготный доступ к инфраструктуре, аренде недвижимого имущества на льготных условиях, СЗПК применяли 2,4 % компаний из множества получателей поддержки.

Получение иных видов поддержки, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

Несколько компаний дали собственные ответы на вопрос, какого рода поддержку они получали от государства: принимали участие в федеральном проекте «Производительность труда», пользовались субсидией на возмещение

своим работникам части расходов по договорам найма (поднайма) жилых помещений; применяли льготу по НДС (ОГТ, ГЕО-коэффициенты в соответствии с п.9.1 ст. 342 НК РФ), льготу по НДС (в соответствии с п. 1. ст. 342.2 НК РФ, п.3 ст. 342.5 НК РФ).

Дополнительно в 2025 году компаниям был задан вопрос, насколько хорошо они осведомлены о новых мерах поддержки, ряд из которых вступил в силу в 2025 году: о субсидиях на возмещение затрат, связанных с роботизацией; о льготе по налогу на прибыль для малых технологических компаний (МТК); о компенсации расходов МСП, связанных с эмиссией акций, облигаций, а также о преференциях российской промышленной продукции при проведении госзакупок и закупок компаний с госучастием.

Меры различаются по уровню информированности: максимальная узнаваемость у субсидий на роботизацию (85,4 % в принципе знают об этой мере, 54,5 % компаний ответили, что они хорошо осведомлены о ней).

Льгота по налогу на прибыль для МТК находится на 2-м месте по осведомленности: 43,2 % организаций хорошо осведомлены, 36,8 % – что-то о ней слышали.

Уровень информированности о наличии преференций российской продукции при госзакупках и закупках компаний с госучастием ближе к среднему: 37,8 % опрошенных хорошо осведомлены, 36,2 % компаний что-то слышали, не знают о мере – 25,9 % организаций.

Минимальный уровень узнаваемости – у меры «компенсация расходов МСП, связанных с эмиссией, акций и облигаций». 37 % респондентов ничего не знают об этой мере, что-то слышали о ней 34,2 % организаций, хорошо осведомлены 28,8 % компаний. Более трети респондентов осталась вне информационного поля, что значительно снижает вероятность применения меры на практике.

Осведомлённость о новых мерах поддержки в 2025 году, %

Значения округлены до целого числа.

Из общего числа опрошенных компаний лишь 14 % сообщили, что за отчётный период смогли воспользоваться одной или несколькими мерами из данного списка. Субсидиями на роботизацию, пониженными ставками по налогу на прибыль для МТК и преференциями при госзакупках и закупках компаний с госучастием воспользовалось примерно одинаковое число предприятий (по 5 % от общего числа респондентов, что составляет 35 % от числа воспользовавшихся этими мерами поддержки).

Компенсацию расходов МСП, связанных с эмиссией, акций и облигаций, получали 1,9 % организацией, если рассчитывать долю от всего множества респондентов, или 13,8 % от числа получателей мер из списка.

Также несколько компаний привели собственные ответы – например, «субсидии Минпромторга России производителям и эксплуатантам Беспилотных авиационных систем», а также «налоговые льготы для производителей Беспилотных авиационных систем».

Институты развития являются эффективным и уже привычным для бизнеса «проводником» в процессе распределения мер поддержки и их участие. Они облегчают и ускоряют доступ конечного получателя к бюджетным ассигнованиям, выделяемым на развитие той или иной отрасли или сферы деятельности. Согласно данным опроса, 47,3 % компаний обращались в отчётный период за поддержкой к институтам развития, доля за год стала меньше на 5 п. п.

В 2025 году список был значительно расширен: в него были добавлены институты инновационной и технологической направленности. Напрямую сопоставить данные за различные периоды сложно.

Лидером традиционно остаётся Фонд развития промышленности, который указали 40,8 % компаний, ответивших на вопрос.

Далее идут региональные ФРП (с долей 22,4 %), Российский экспортный центр (19,4 %) и региональный фонд поддержки МСП (15,3 %).

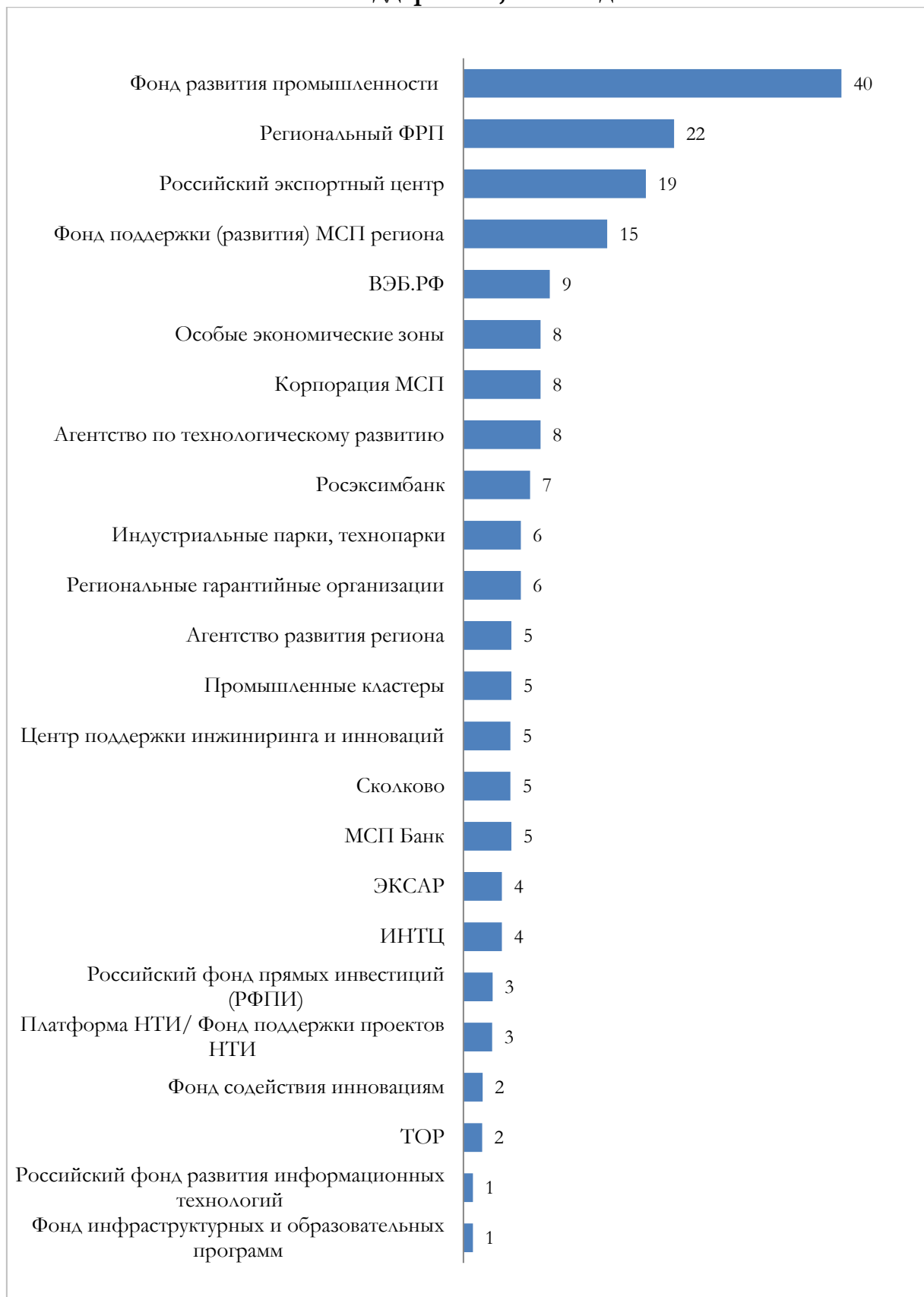
На уровне 8–10 % фиксируется группа институтов без явного доминирования одного из них: ВЭБ.РФ (9,2 %), Корпорация МСП (8,2 %), ОЭЗ (8,2 %), Агентство по технологическому развитию (8,2 %). Фактически близкие значения доли говорят о том, что равные группы компаний выбирали для себя различные категории поддержки в зависимости от своих показателей и задач (будь то проектное финансирование, выбор режима или площадки, технологическая кооперация). Отдельно стоит Корпорация МСП, адресующая поддержку именно малым и средним организациям.

Следующими в списке оказались специализированные институты со сравнительно умеренной востребованностью: Росэксимбанк (7,1 %), региональные гарантийные организации (6,1 %), индустриальные парки/технопарки (6,1 %), а также ряд институтов на уровне востребованности 5 % (МСП Банк, промышленные кластеры, агентства развития региона, Сколково, Центр поддержки инжиниринга и инноваций).

Нишевые институты развития представлены долями 2–4 % (ЭКСАР и ИНТЦ — по 4,1 %; РФПИ и платформа НТИ — по 3,1 %; ТОСЭР и Фонд содействия инновациям — по 2,0 %), а на уровне 1 % находятся РФРИТ и Фонд инфраструктурных и образовательных программ. Этими институтами пользуются и к ним обращаются, но преимущественно по узким и конкретным задачам и внутри ограниченного круга компаний.

9,2 % компаний выбрали ответ «другой институт развития», однако, из них лишь малая часть решила уточнить, поддержкой какого именно института они воспользовались. Их ответы включают следующие: «Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН (ИБПК СО РАН)», «Фонд развития территорий» и «Фонд по поддержке социальных проектов».

Институты развития, к которым обращались компании за поддержкой, 2025 год%

Доли приведены к общему числу респондентов, ответивших на вопрос об институтах развития. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2025 году список причин, по которым компании не стали обращаться за государственной поддержкой, был дополнен двумя вариантами – «отсутствие мер поддержки, необходимых для проекта компании» и «применение норм бюджетного законодательства (казначейское сопровождение и т. д.)». Также была изменена формулировка ответа «избыточно высокая ответственность при нарушении условий предоставления поддержки» на более жёсткий вариант «риски административной и уголовной ответственности при нарушении условий предоставления поддержки».

В 2025 году большинство компаний (37,3 %), не получивших поддержку в отчётный период, объясняли это административными барьерами – сложностью процедур получения и отчётности. Около трети респондентов заявили, что в настоящее время отсутствуют меры поддержки, необходимые для проекта компании.

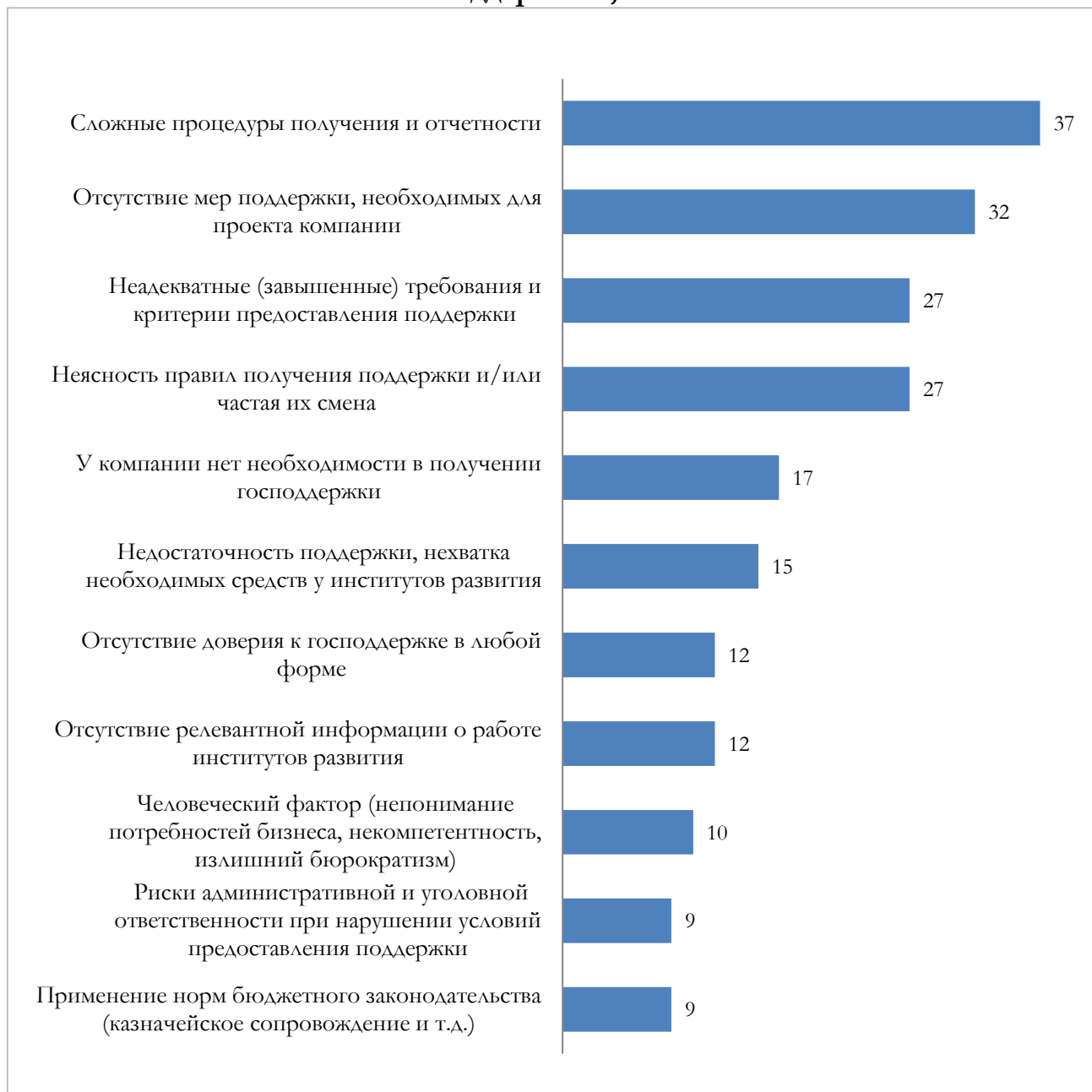
Барьеры в части правил и требований – неадекватные (завышенные) критерии и неясность правил вместе с частой их сменой – указали 27,1 % компаний. Формальные или слишком высокие критерии отбора и неопределённость регуляторики выступают как самостоятельные стоп-факторы.

Мотивация в получении поддержки отсутствует в принципе у 16,9 % предприятий. Существующей поддержки недостаточно и (или) у институтов развития не хватает средств, считают 15,3 % респондентов.

Менее распространены причины, связанные с отсутствием информации и с низким уровнем доверия господдержке, в целом, и претензии к компетенциям лиц, принимающих решения, в частности. Их отметили чуть более десятой части организаций, не обращавшихся за поддержкой.

Отдельной строкой в опросе 2025 года были выделены риски административной и уголовной ответственности при нарушении условий предоставления средств (доля 8,5 %). Это важные сигналы: сдерживающим фактором становятся не правила, а ожидание рисков и проблем в связи с правоприменением. Применение норм бюджетного законодательства, включая казначейское сопровождение, как барьер для получения поддержки, набрало такую же долю ответов.

Причины, по которым компании не пользовались государственной поддержкой, %

Дали приведены к общему числу респондентов, НЕ получавших поддержку в 2025 году. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Также компании могли привести собственные ответы на вопрос, по какой причине они пока отказываются от инструментов господдержки: «*есть негативный опыт прежних лет*»; «*ранее не могли принимать участия в связи формой собственности, сейчас возможности появились, но все предприятия заняты выполнением ГОЗ и наращиванием производства под эти цели*»; «*отсутствует прозрачность в конкурсных процедурах (нет общедоступной информации для участников конкурса)*»; «*нет действенных мер поддержки*»; «*произошла отмена налоговой льготы со стороны региональных властей*»; «*нужна не*

поддержка, а адекватные условия для создания и ведения бизнеса»; «не соответствуем критериям предоставления господдержки»; «не было свободных средств участвовать в проектах софинансирования»; «компания только начала работу»; «акционер из нефружественной юрисдикции».

Говоря о типах государственной поддержки, необходимых для собственного бизнеса, большинство опрошенных (около 60 %) компаний сообщили в 2025 году, что в развитии их компаний могли бы помочь финансовые инструменты поддержки (налоговые льготы, субсидии и льготные займы). Динамика показывает некоторое перераспределение внутри этого «портфеля»: налоговые льготы сначала выросли в популярности (59,8 % в 2020 → 68,7 % в 2024), а в отчётный период их стали указывать реже на 8,7 п. п. В то же время интерес к льготным займам последовательно усиливался: 46,6 % → 51,8 % → 55,6 %.

По отношению к субсидиям зафиксирована преемственность мнений – примерно одинаковые доли респондентов называли их лучшими мерами поддержки для компаний во все годы проведения исследования.

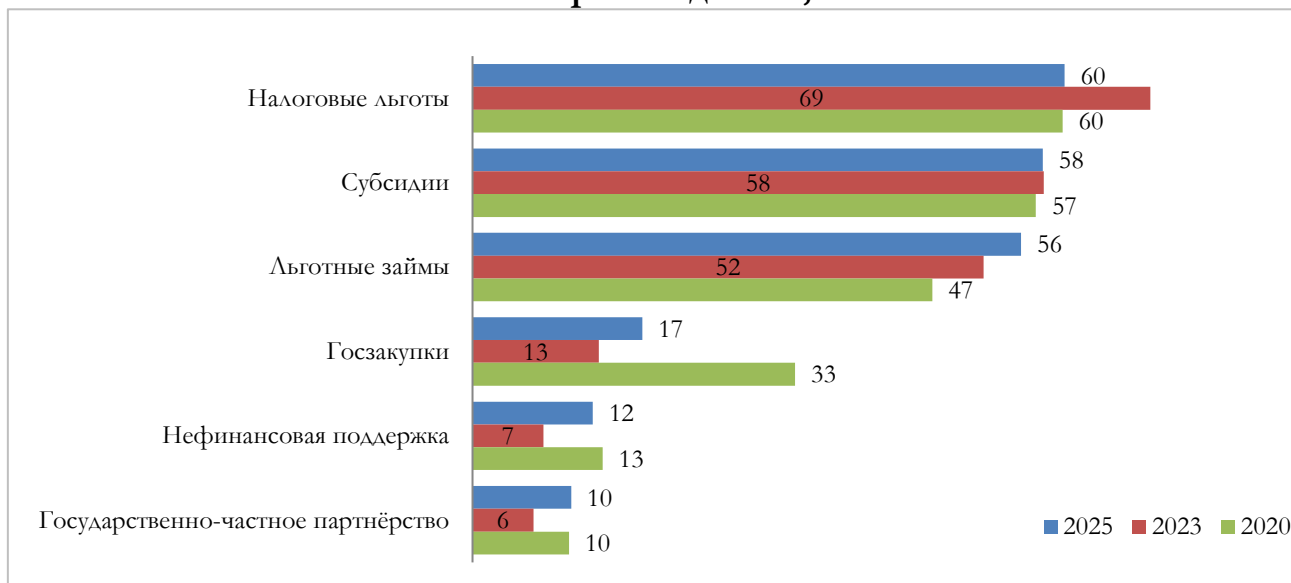
С большим отрывом от первой тройки в 2025 году следуют инструменты госзакупок (доля 17,2 %), нефинансовая поддержка (12,2 %) и ГЧП (10 %).

В 2020 году госзакупки были более востребованы со стороны компаний – тогда их отмечали 32,7 % участников. В 2024 году доля резко просела – до 12,8 %, в отчётный период она немного восстановилась, но по-прежнему находится намного ниже уровня 2020 года.

Компании были примерно в равной степени заинтересованы в нефинансовой поддержке в 2020 и в 2025 году, а в 2024 году популярность этой меры снижалась – доля составляла 7,2 %.

Оценка потенциала ГЧП как меры, способной помочь развитию компании, на всём горизонте довольно стабильна – этот инструмент компании скорее не рассматривают в таком качестве (его упоминали в 6–10 % случаев в исследуемый период).

Меры государственной поддержки, необходимые для компании, по мнению респондентов, %

Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Для ускорения экономического роста в России наиболее эффективны, по мнению двух третей респондентов, налоговые льготы. На втором месте оказались льготные займы, составившие долю 58,5 %, а на третьей позиции с большим отрывом – субсидии с долей 44 %.

Интерес к другим мерам из списка здесь выражен в большей степени, чем в блоке инструментов, необходимых для собственного бизнеса компаний: доля выбравших госзакупки достигает 31,4 %, затем следует ГЧП с долей 22 % и нефинансовая поддержка с долей 17 %.

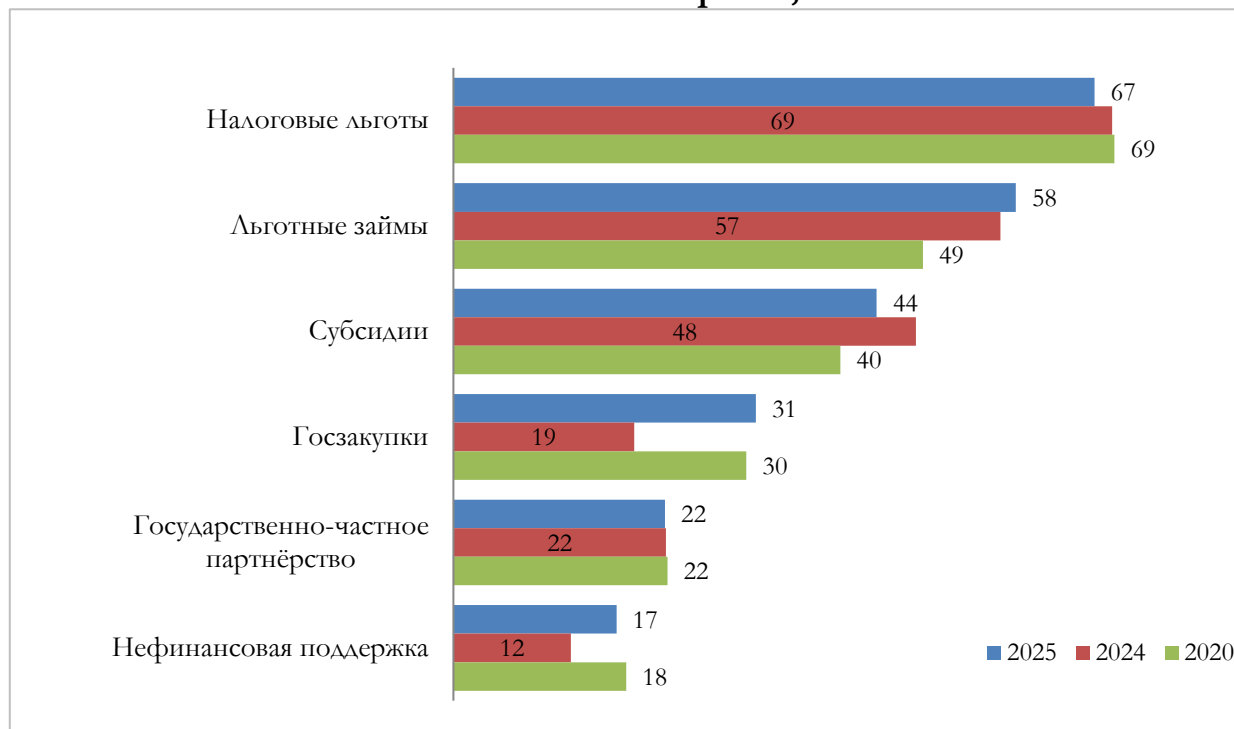
Если говорить о динамике оценок, то по налоговым льготам на всём горизонте наблюдается стабильно высокий уровень значений без выраженного тренда, а по льготным займам опять же заметно усиление позиций – доля выросла с 2020 года на 10 п. п.

Доля компаний, голосующих за субсидиарную поддержку, сначала прибавила около 8 п. п. к 2024 г., а затем, в 2025 году она сократилась до 44,0 %.

По госзакупкам наблюдалось снижение интереса, которое резко восстановилось в 2025 году, когда доля вернулась к значению 2020 года – 30,5 %.

Оценки эффективности ГЧП с точки зрения ускорения экономического роста оставались почти без изменений. По нефинансовой поддержке динамика схожа с динамикой в случае госзакупок: сначала, в 2024 году снижение, а потом в отчётный период восстановление до оценок 2020 года.

Меры государственной поддержки, необходимые для ускорения экономического роста, %

Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Финансовые меры остаются базово привлекательными для российского бизнеса – и с точки зрения развития самих компаний, и с точки зрения ускорения экономического роста. За прошедшие годы усиливается акцент на льготных займах в обоих срезах.

По оценкам респондентов, госзакупки как драйвер макроэффекта существенно важнее для роста экономики, нежели в контексте развития самих компаний.

Нефинансовая поддержка и ГЧП в обоих случаях относятся к группе менее приоритетных мер, но с целью ускорения экономики они воспринимаются как более эффективные.

В целом, 2025 год выглядит как частичное восстановление после ослабления показателей в 2024 году: ряд значений вернулись к уровням, сопоставимым с 2020 годом.

Инновационная деятельность и технологическое развитие компаний

Во все периоды проведения исследования примерно одинаковая доля компаний – около пятой части опрошенных – не видят перед собой особых препятствий для инновационной деятельности.

Главным ограничением для генерации и внедрения инноваций на уровне предприятий остаётся недостаток собственных финансовых средств – на горизонте с 2020 по 2025 годы на него указывали более половины компаний. В 2015 году, когда в анкету были включены вопросы об инновационной деятельности, был зафиксирован максимум доли подобных ответов – 68,5 %.

Дефицит квалифицированных кадров также серьёзно ограничивает разработку и внедрение инноваций. Доля этого варианта последовательно росла – 31,5 % (2015) → 35,4 % (2020) → 38,9 % (2024) → 44,8 % (2025). Значимость нехватки кадров однозначно усиливается.

Трудностей при привлечении кредитных средств для инновационного развития компаний в 2025 году также стало больше: 38,1 % участников отметили этот вариант против доли 32,8 % в 2024 году и 21,5 % в 2020 году.

На следующем месте по значимости – санкционное давление, в том числе новые ограничения на поставку технологий (23,2 %). С этим ограничением компании столкнулись не так давно, и год назад – в 2024 – влияние этого фактора было выше.

ТОП-5 препятствий инновационной деятельности компаний, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Чуть более пятой части компаний считают, что инновационную активность ограничивает низкая предсказуемость условий хозяйственной деятельности. Значение доли вернулось к привычной области значений после снижения в 2024 году до 14,6 %.

Отсутствие поддержки инноваций со стороны государства на федеральном уровне выделили 18,2 % респондентов в 2025 году, а поддержки на региональном уровне не хватает 14,4 % организаций. Недостаточность применяемых мер налогового стимулирования инновационных разработок отметили 17,7 % компаний в отчётный период. По этой группе ограничений наблюдается снижение значимости за прошедшие десять лет. Так, в 2015 году на отсутствие налоговых стимулов жаловалась почти треть опрошенных предприятий.

Факторы, связанные с дефицитом научно-технической инфраструктуры, находятся на втором плане после финансовых и кадровых барьеров. Отсутствие на рынке нужных технологических решений фиксируют в 2025 году 15,5 % организаций. Низкое качество или высокую стоимость услуг российских научных и конструкторских организаций отмечают 13,8 % компаний.

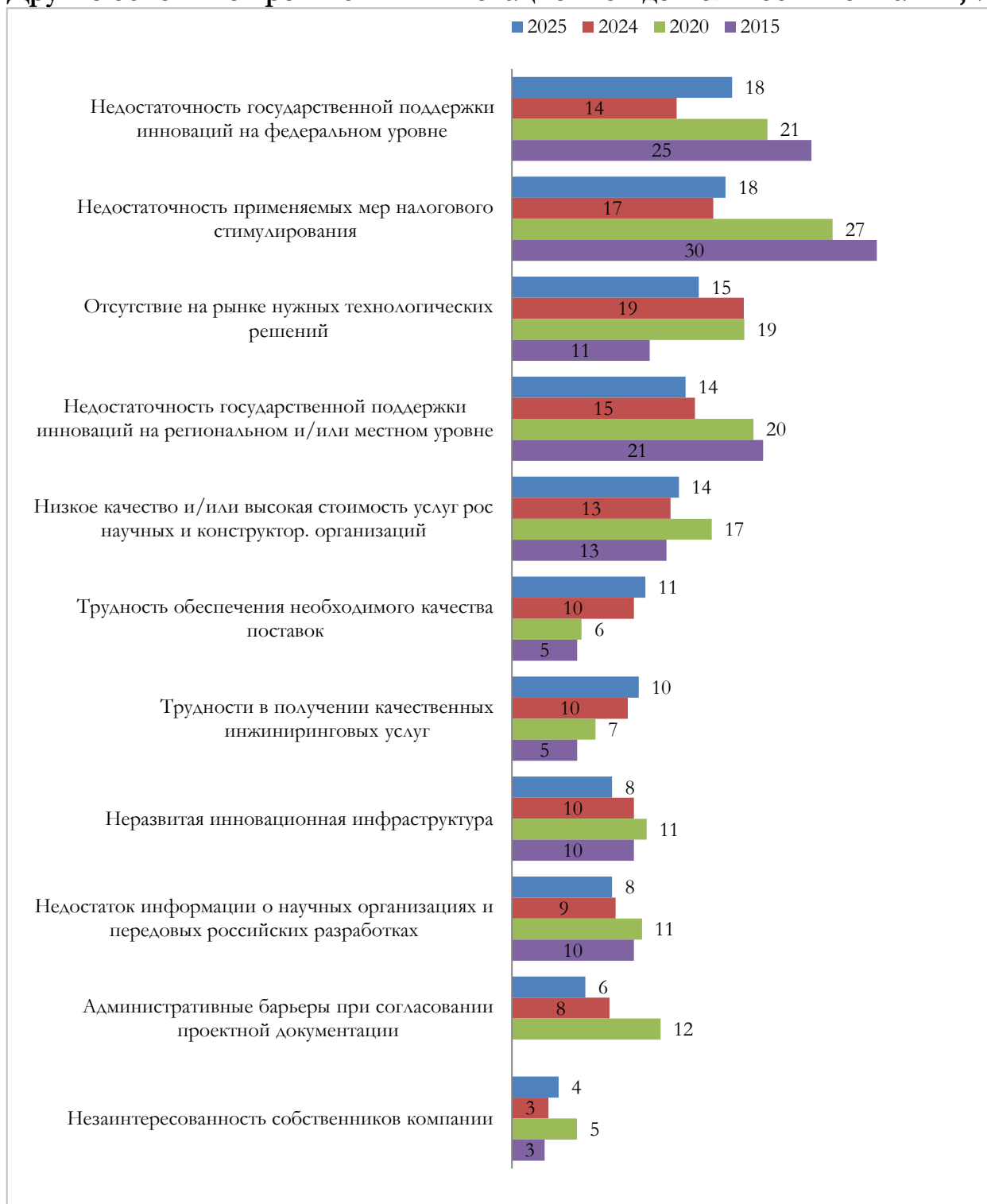
Порядка десятой части опрошенных остановились на вариантах: «трудность обеспечения необходимого качества поставок», «трудности в получении качественных инжиниринговых услуг», «неразвитая инновационная инфраструктура», «недостаток информации о научных организациях и передовых российских разработках».

В 2015 и 2020 годах компании сталкивались с проблемами, связанными с качеством поставок и с качеством инжиниринговых услуг, несколько реже, чем в последние два года.

Административные барьеры при согласовании проектной документации назвали ограничением инновационной активности 6,1 % респондентов – в этом случае доля сократилась в два раза.

4 % опрошенных уверены, что разработку и внедрение инноваций останавливает незаинтересованность собственников предприятий.

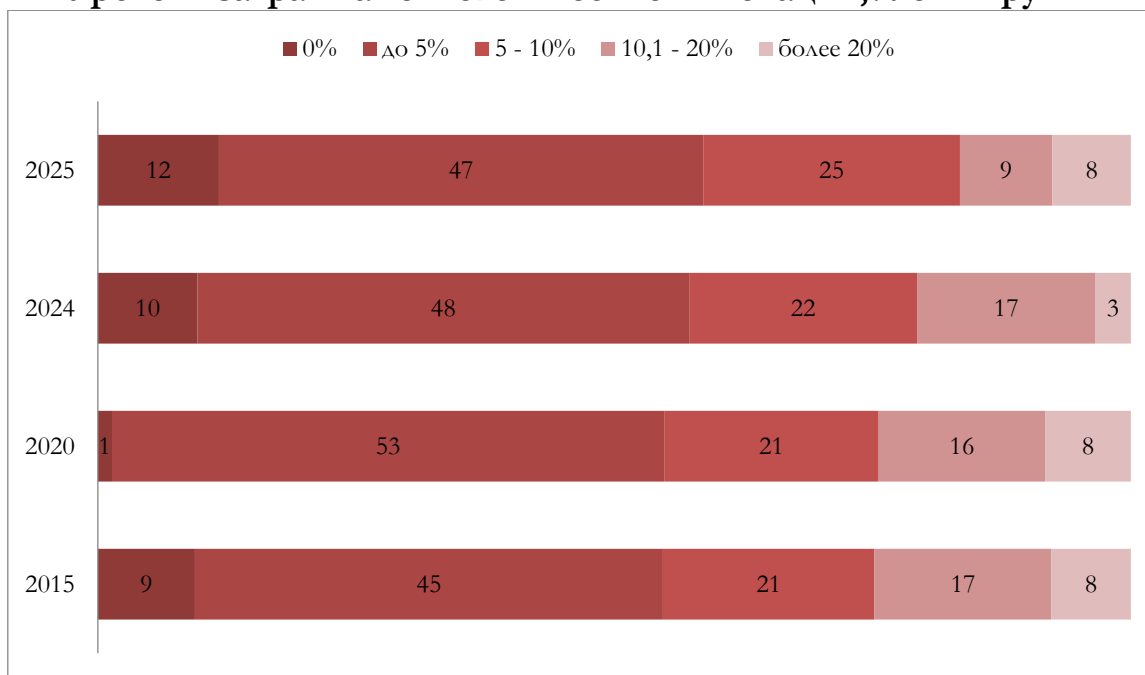
Другие основные препятствия инновационной деятельности компаний, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Затраты на НИОКР, технологическую подготовку производства, приобретение патентов и лицензий, цифровизацию производства, в среднем, составили в 2024 и 2025 годах 7,7 %. Медианное значение также совпадает – 5 %.

Уровень затрат на технологические инновации, % от выручки

Значения округлены до целого числа. Исключены ответы «0 %».

Во все рассматриваемые периоды результаты довольно близки. Основную массу составили компании, у которых затраты на инновации не превышали 5 %, – их доля в 2025 году 46,9 %. Почти в два раза реже респонденты указывали значения в интервалах «от 5 до 10 % выручки».

В 2025 году примерно на 8 п. п. сократилась доля организаций, чей уровень затрат на инновационные разработки был в интервале от 10,1 до 20 % выручки.

Из отличий между годами ещё можно выделить, что в 2020 году компании крайне редко выбирали отрицательный ответ.

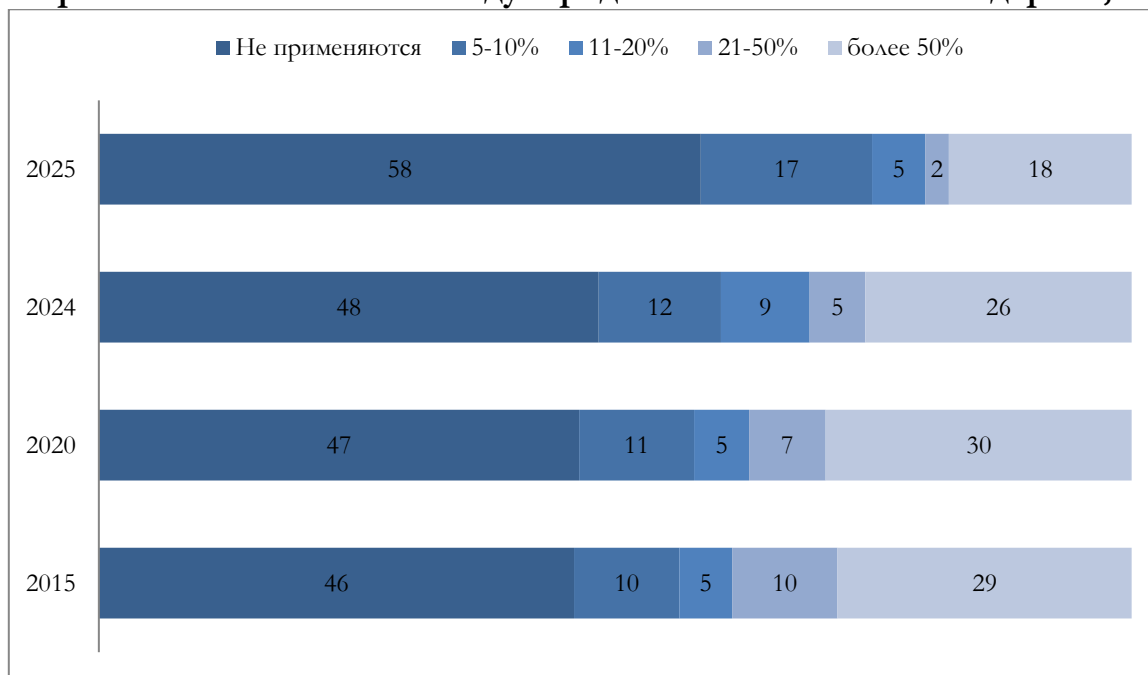
Большинство компаний (58,3 %) не использовало в 2025 году европейские или иные международные стандарты при изготовлении продукции. Доля отрицательного варианта выросла за последние десять лет на 12,3 п. п.

Одновременно с этим предприятия значительно реже стали отвечать, что они применяли европейские или другие международные стандарты при изготовлении более половины всей продукции: в 2015 году доля таких компаний достигала 28,5 %, теперь она снизилась до 17,7 %.

Также респонденты реже отмечали интервал «от 21 до 50 %» – в 2,3 % случаев в 2025 году против 10,2 % в 2015 году.

Динамика по этому показателю отражает переход к национальным и межгосударственным стандартам при производстве продукции.

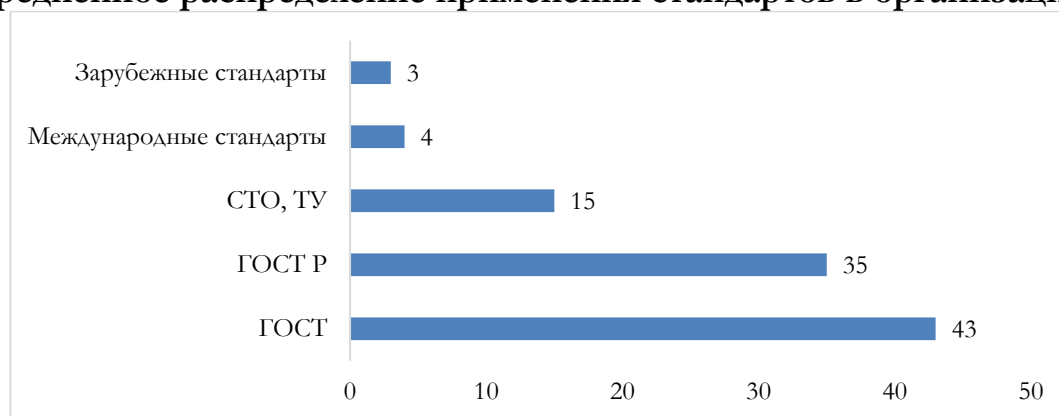
Часть продукции компании, которая производится с применением европейских или иных международных технических стандартов, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

Проведённый в 2025 году Комитетом РСПП по техническому регулированию опрос подтвердил, что более 70 % применяемых предприятиями стандартов являются национальными или межгосударственными.

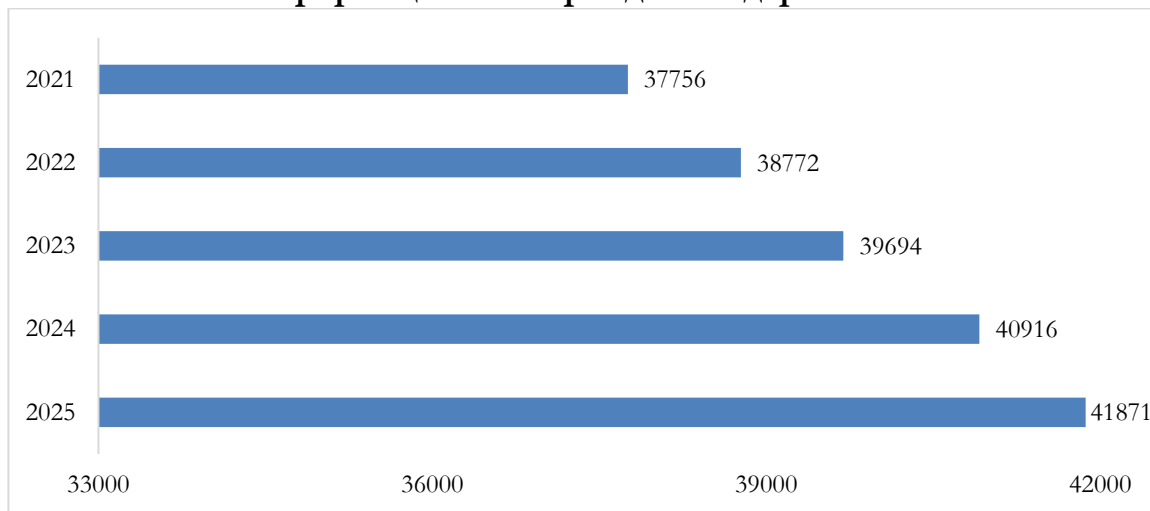
Усредненное распределение применения стандартов в организации, %

В рамках национальной и межгосударственной стандартизации продолжена работа по разработке и принятию документов по стандартизации, на основе международных и региональных стандартов. Более того, отмечен тренд в части принятия национальных стандартов, которые по своей новизне могут стать основой для принятия международных стандартов (искусственный интеллект, «smart» документы и т. д.).

Учитывая динамику роста российских документов по стандартизации в Федеральном информационном фонде стандартов, предполагается, что тенденция по приоритетному использованию национальных и межгосударственных стандартов при производстве продукции сохранится.

Количество российских документов по стандартизации в Федеральном информационном фонде стандартов

В 2024 году в анкету было добавлено два вопроса – «какова доля импортного оборудования, технологических комплексов на предприятии, если сфера деятельности компании предполагает их применение?» и «какой уровень автоматизации оборудования, технологических комплексов на предприятии?».

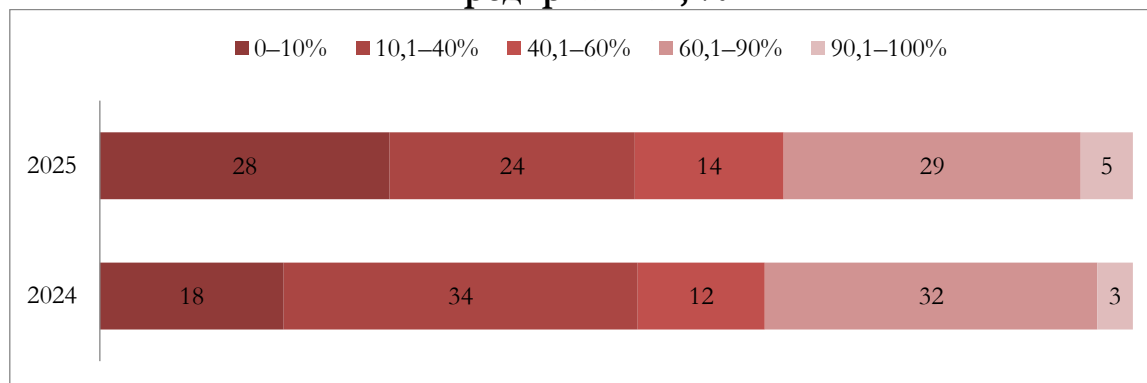
В оба года около трети участников решили пропустить вопрос об оснащении компании импортным оборудованием. Согласно полученным данным, среднее значение доли импортного оборудования, технологических комплексов, используемых на предприятиях, составило в 2025 году 43 %, а медианное значение – 40 %.

В 2025 году около 30 % респондентов сообщили, что доля импортного оборудования на их предприятиях находится в интервале от 60 до 90 %. Примерно такую же долю составил интервал «до 10 %».

Год назад участники значимо реже отвечали, что импортное оборудование в их компаниях не используется или используется в незначительных объемах. Тогда значения были смещены к ответу «от 10 до 40 %».

Пока говорить об устойчивом тренде на сокращение доли импортного оборудования рано, ввиду недостаточности данных для сравнения.

Доля импортного оборудования, технологических комплексов на предприятиях, %

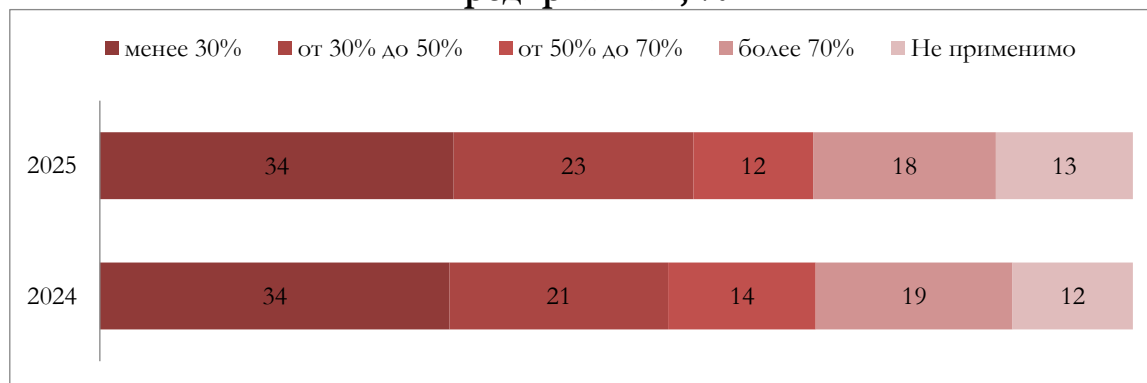
Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

Уровень автоматизации оборудования, технологических комплексов остался в 2025 году без изменений¹².

Чуть более десятой части организаций в оба года выбрали вариант «не применимо». В трети компаний автоматизация затронула менее 30 % всего оборудования. В 23,2 % предприятий уровень уже выше – автоматизировано от 30 до 50 % оборудования или технологических комплексов.

Интервал «от 50 до 70 % оборудования» указали 11,6 % респондентов. Наиболее высокий уровень автоматизации (более 70 % оборудования) – в 17,7 % предприятий.

Уровень автоматизации оборудования, технологических комплексов на предприятиях, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос или ответивших «не применимо», исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

¹² Вопрос был добавлен в анкету в 2024 году.

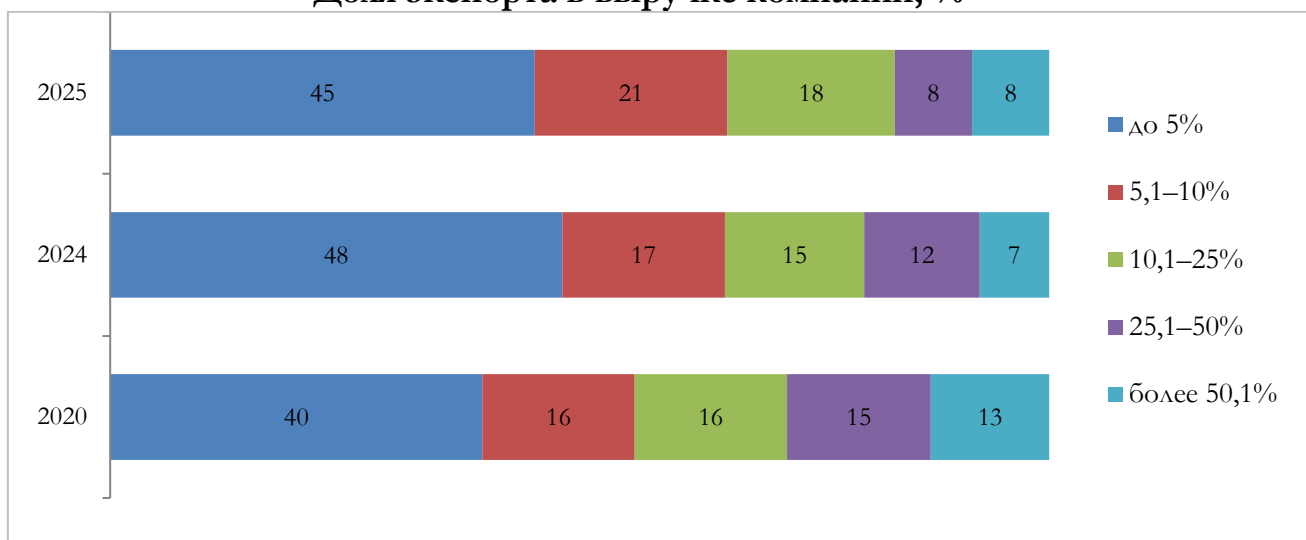
Экспортная деятельность российских компаний¹³

42,5 % компаний, принявших участие в опросе, осуществляли экспортные операции в 2025 году. По сравнению с 2024 годом, доля не изменилась, а в 2020 году доля организаций-экспортёров была несколько выше – 48,8 %.

88,4 % организаций из числа экспортёров поставляли на экспорт несырьевую продукцию. Пять лет назад о поставках именно несырьевой продукции сообщали 70,2 % компаний-экспортёров. Рост доли, скорее всего, объясняется качественным смещением выборки опроса в сторону промышленных компаний, а не изменением приоритетов в экспорте.

Среднее значение доли экспорта в выручке компаний составило 16,2 %, а медианное – 8 %. В 2024 и 2025 годах значения совпадают, в 2020 году средняя доля экспорта достигала 21,4 %, но различие средних статистически не значимо.

Доля экспорта в выручке компаний, %

Приведены данные по всем компаниям, осуществлявшим экспортную деятельность. Значения округлены до целого числа.

В 2020–2025 годах структура экспортных доходов респондентов, в целом, была стабильна. По оценкам большинства компаний (более 40 %), вклад экспортных операций в выручку не превышает 5 %. Чуть более пятой части опрошенных предприятий-экспортёров отметили в 2025 году интервал 5- 10 % выручки. От 15 до 18 % респондентов в период с 2020 до 2025 год указали диапазон значений 10- 25 % выручки.

За пять лет сократилась доля компаний, у которых экспортные операции составляют от четверти до половины выручки, – с 15,3 % в 2020 году до 8,2 % в

¹³ Блок вопросов по экспорту был введён в анкету только в 2020 году

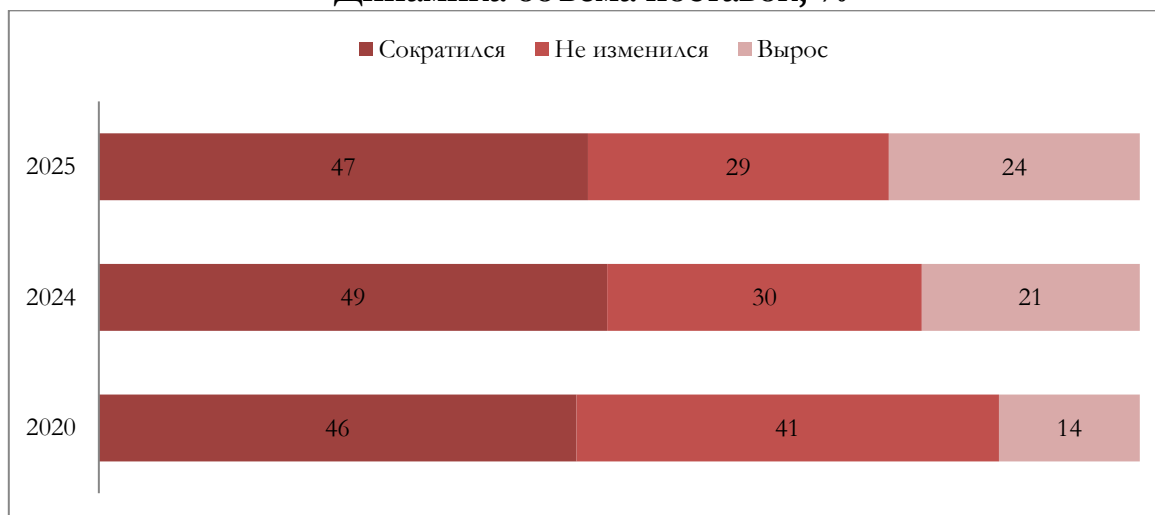
2025 году. Также респонденты стали несколько реже отвечать, что вклад экспорта превышает половину всей выручки компаний.

Сокращение объёма экспортных поставок отмечают из года в год чуть менее половины компаний-экспортёров.

Объём экспортных операций не изменился в 2024-2025 годах примерно у 30 % опрошенных предприятий. В 2020 году компании чаще останавливались на этом варианте (в 40,6 % случаев), при этом они значительно реже, чем в последние два года, сообщали о росте объёмов экспорта.

В 2025 году почти четверть компаний-экспортёров зафиксировала изменение объёмов поставок в сторону увеличения, в целом наметилась позитивная динамика.

Динамика объёма поставок, %

Значения округлены до целого числа.

Несмотря на внешнеэкономическую и внешнеполитическую турбулентность рассматриваемого периода, большинство компаний во все периоды заявляло, что география их экспортных поставок не менялась.

В 2025 году с этим согласились 63 % опрошенных предприятий. Пятая часть респондентов указала ответ «география поставок сократилась». Лишь 17,3 % компаний сумели в отчётный год расширить географию поставок.

По сравнению с 2020 и 2024 годом, ситуация выглядит лучше: тогда доли ответов «география сократилась» была больше примерно на 10 п. п., а ответ «география поставок расширилась» респонденты, напротив, отмечали реже.

Изменение географии поставок, %

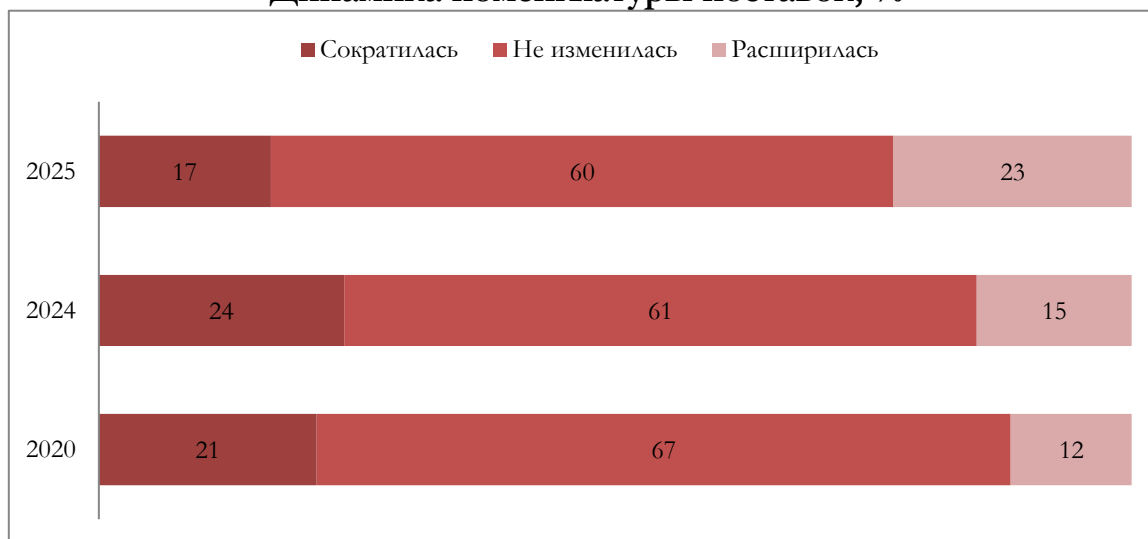
Значения округлены до целого числа.

Перечень поставляемой продукции остаётся без изменений в большинстве случаев: в 2025 году об этом сообщили 60,3 % компаний, в 2024 году – 61,3 % организаций, а в 2020 году и вовсе 67,2 % компаний.

В 2025 году респонденты чаще, чем в другие периоды, отвечали, что им удалось расширить номенклатуру поставок. 23,1 % компаний-экспортёров остановились на этом ответе. В 2020 году его отмечали на 11,4 п. п. реже.

В то же время, за пять лет снизилась доля организаций, которым пришлось сократить номенклатуру поставляемой продукции.

Динамика номенклатуры поставок, %

Значения округлены до целого числа.

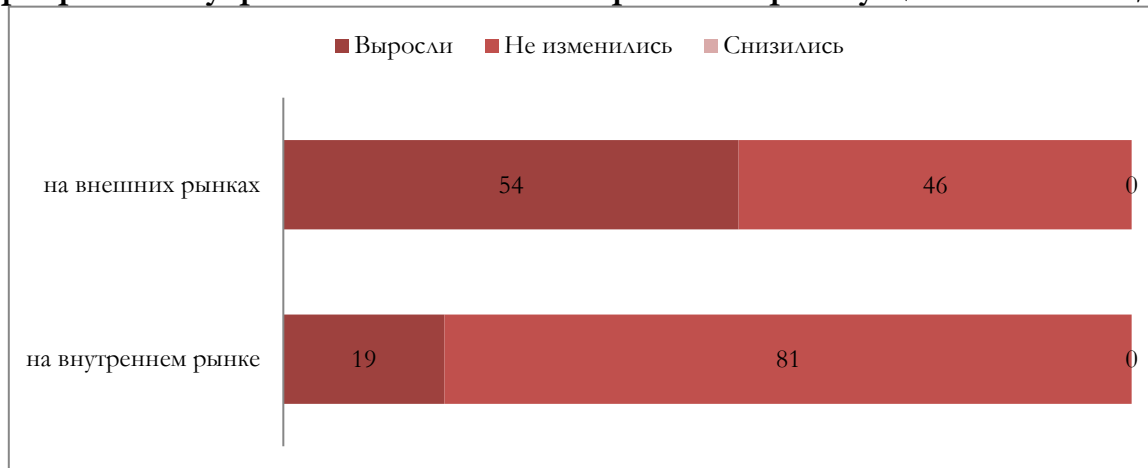
В 2025 году компании-экспортёры также оценили, как изменились внешние и внутренние барьеры при осуществлении ВЭД.

По мнению 53,7 % организаций, барьеры на внешних рынках выросли. Вариант «не изменились» выбрали в этом случае 46,3 % участников.

Барьеры на внутреннем рынке остались без изменений, по оценке 81 % компаний. О росте внутренних барьеров заявили 19 % организаций из числа экспортёров.

Ни один из респондентов не видит снижения барьеров в отчётном, 2025 году.

Барьеры на внутреннем и на внешних рынках при осуществлении ВЭД, %

Значения округлены до целого числа.

Большинство компаний (72,7 %) экспортировали в 2025 году свою продукцию на рынки стран ЕАЭС и СНГ.

21,8 % организаций вели экспортные операции на рынке стран Южной Азии, включая Индию, Пакистан, Бангладеш и другие. В Китай осуществляли поставки 20,9 % предприятий. Такую же долю составили компании, работающие на рынке стран Ближнего Востока.

В два раза реже компании отмечали рынки стран Юго-Восточной Азии, включая Вьетнам, Индонезию, Таиланд, Сингапур, Малайзию и др., и стран Африки.

8,2 % компаний экспортировали продукции на рынок стран Европы.

Чуть меньше – 6,4 % организаций – осуществляли экспорт на рынок стран Латинской Америки.

Только 1,8 % предприятий остановились на варианте «страны Северной Америки».

22,7 % компаний из числа экспортёров не стали отвечать на вопрос о географии их экспортных операций.

Конечные рынки, куда компании поставляли продукцию в 2025 г., %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших на вопрос. Исключены ответы «не ведём экспортную деятельность». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика

Восприятие отношений бизнеса и власти изменилось за прошедшие годы – с 2008 по 2025 – кардинально: если в первые волны исследования преобладали негативные оценки, то в 2024-2025 годах, напротив, позитивные – «власть относится к бизнесу как к локомотиву развития экономики и общества» и «как к равноправному партнёру».

В 2008–2010 годах самым распространённым ответом был «власть видит в бизнесе «кошелёк»» – источник поступлений финансовых ресурсов без адекватной обратной связи или защиты. Такого мнения придерживались около 60 % компаний. В 2015 и 2020 годах респонденты стали реже выбирать этот ответ – в 48 % случаев, но он по-прежнему оставался на первом месте по популярности. Параллельно с этим выросла доля тех, кто указывал на патернализм и

ограниченную автономию компаний в принятии решений, подчёркивая статус бизнеса в качестве «младшего партнёра», – до 36,8 % в 2015 году.

Ситуация резко изменилась в 2024 году, когда уже 28 % участников остановились на варианте «как «к кошельку»» и 28,2 % компаний – «как к младшему партнёру». Лидерскую позицию занял ответ, подчёркивающий роль бизнеса в качестве драйвера экономического и социального прогресса, – его указали 38,8 % организаций. В 2025 году с этим согласилось столько же компаний (в относительном выражении). Если сравнивать с данными за 2008 год, доля варианта «бизнес относится к власти как к локомотиву развития» выросла более чем в два раза.

К тому же респонденты значимо чаще стали отвечать, что власть воспринимает бизнес в качестве равноправного партнёра: доля прибавила с 23,8 % в 2024 году до 33 % в отчётный период (а в 2008 году доля составляла лишь 7,1 %).

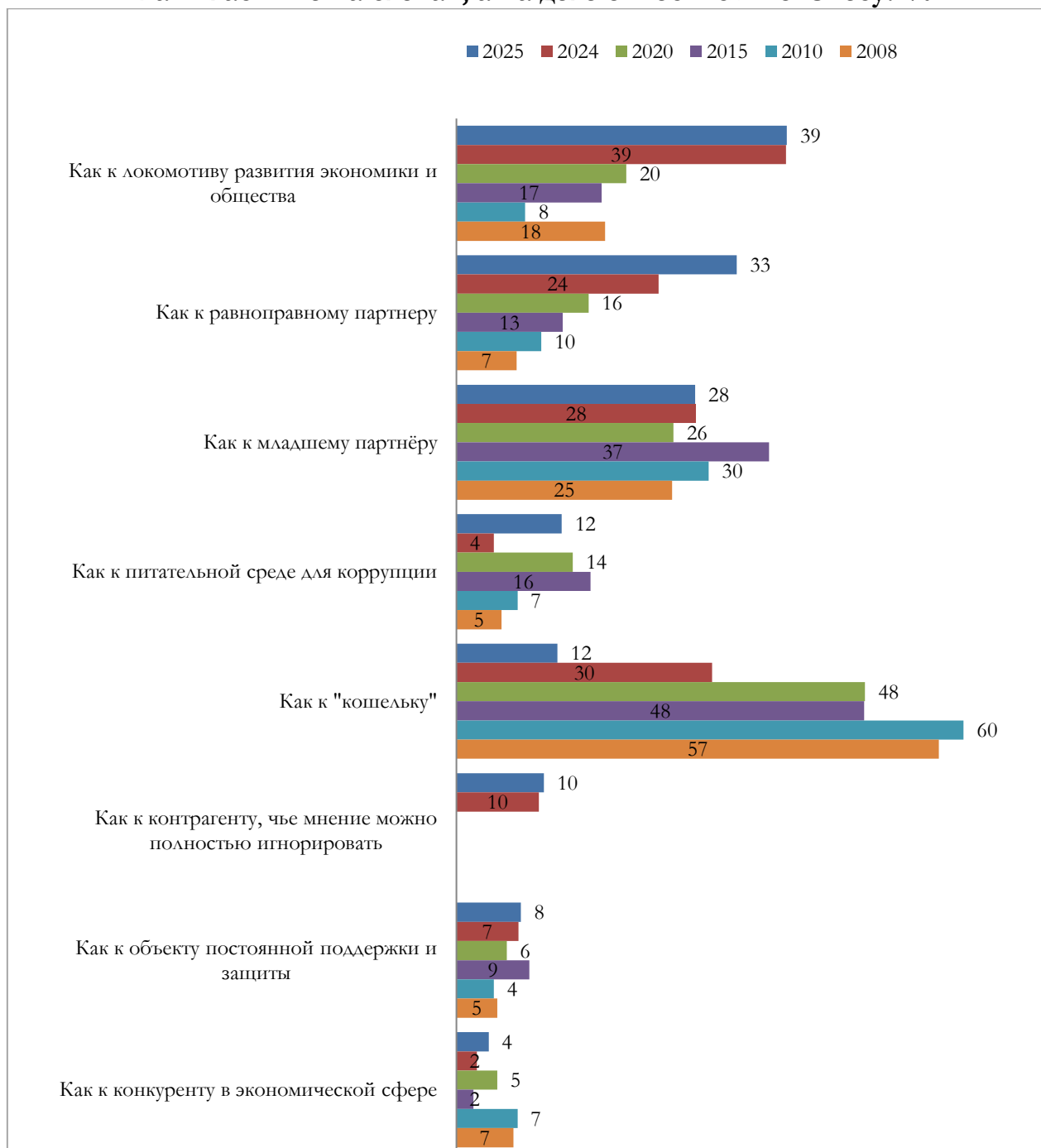
Негативные оценки – «как «к кошельку»», «как к питательной среде для коррупции» или «как к контрагенту, чьё мнение можно игнорировать»¹⁴ – участники указывали в 2025 году в чуть более десятой части случаев.

Надо сказать, о коррупционной составляющей в отношениях бизнеса и власти компании сообщали во все годы довольно редко: её максимум составлял 15,8 % в 2015 году, а минимум – 4,4 % в 2024 году.

Ответы «как к объекту постоянной защиты и поддержки» и «как к конкуренту в экономической сфере» всегда были мало популярны, их доли колебались в пределах 4–9 п. п.

¹⁴ Этот вариант был добавлен в анкету после 2020 года.

Как власть не на словах, а на деле относится к бизнесу? %

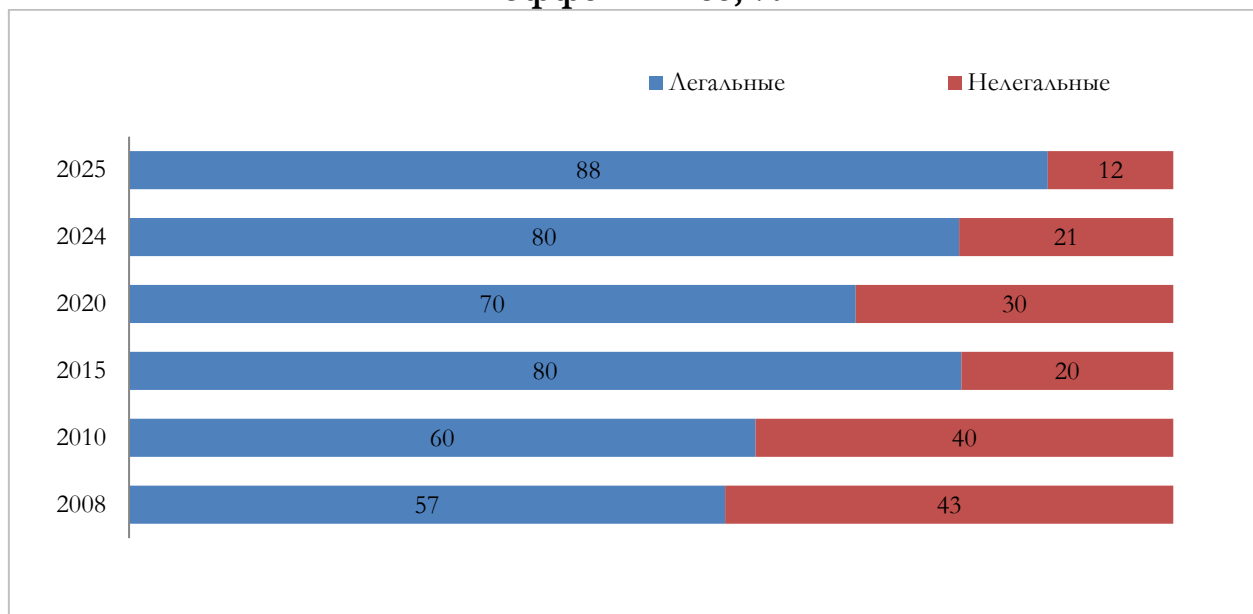
Вопрос предполагал возможность выбора не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

В 2025 году подавляющее большинство респондентов (88 %) полагают, что взаимодействие бизнеса и власти более эффективно вести через легальные механизмы – лоббизм, выборы, участие в конференциях, пожертвование политическим партиям и так далее.

Доля последовательно росла – с 57,1 % в 2008 году до 79,7 % в 2015 году. Затем в кризисный, 2020 год наблюдался откат – и доля ответа «более эффективны легальные методы» сократилась на 10 п. п.

В 2024 году ситуация стала выправляться, и около 80 % компаний признали приоритет легальных методов над нелегальными. Соответственно, отчётный год стал годом подтверждения и усиления оценок 2024 года.

Легальные и нелегальные методы взаимодействия бизнеса и власти: что эффективнее, %

Значения округлены до целого числа.

По оценке большинства респондентов (около 70 %), бизнес и власть взаимодействуют в первую очередь на основе личных контактов на различных уровнях. Во все годы исследования это наиболее универсальный инструмент для оперативного разрешения конкретных вопросов, независимо от экономической конъюнктуры.

Популярность публичного и коллективного взаимодействия (конференции, круглые столы и т.п.) постепенно росла: в 2008 году только 17 % компаний отметили этот вариант, в 2010 году доля прибавила до 29,4 %, в 2015 году – до 37,4 %, в 2020 году – до 43,5 %. В 2024 году уже половина опрошенных подчеркнула значимую роль открытых дискуссионных форматов, а в 2025 году доля достигла 59 % предприятий.

В 2020, 2024 и 2025 годах половина и более компаний предпочитают строить взаимодействие с властью через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения. Ранее эффективность коллективного лоббизма для защиты общих интересов признавала меньшая доля респондентов – в 2008 году 15,6 %, а в 2010 и 2015 годах – 41–46 % организаций.

В данных опроса наблюдается цикличность интереса к прямому

политическому представительству: 24,2 % компаний отметили этот вариант в 2008 году, затем, в 2010 году доля прибавила до 40,9 %. В 2015 году участие в выборных органах власти указала треть организаций. Далее, в кризисный 2020 год популярность этого инструмента снизилась до уровня 2008 года. В 2024-2025 годах оценки снова изменились в большую сторону – 30 % респондентов видят в политическом представительстве полезный и активно используемый инструмент.

Значимость работы в постоянно действующих консультативных и совещательных органах серьёзно возросла: с 7,3 % (2008) до 30,3 % (2025, +23 п. п.), с пиком 36,6 % в 2024 году, отражая признание институционализированных ролей в долгосрочном диалоге.

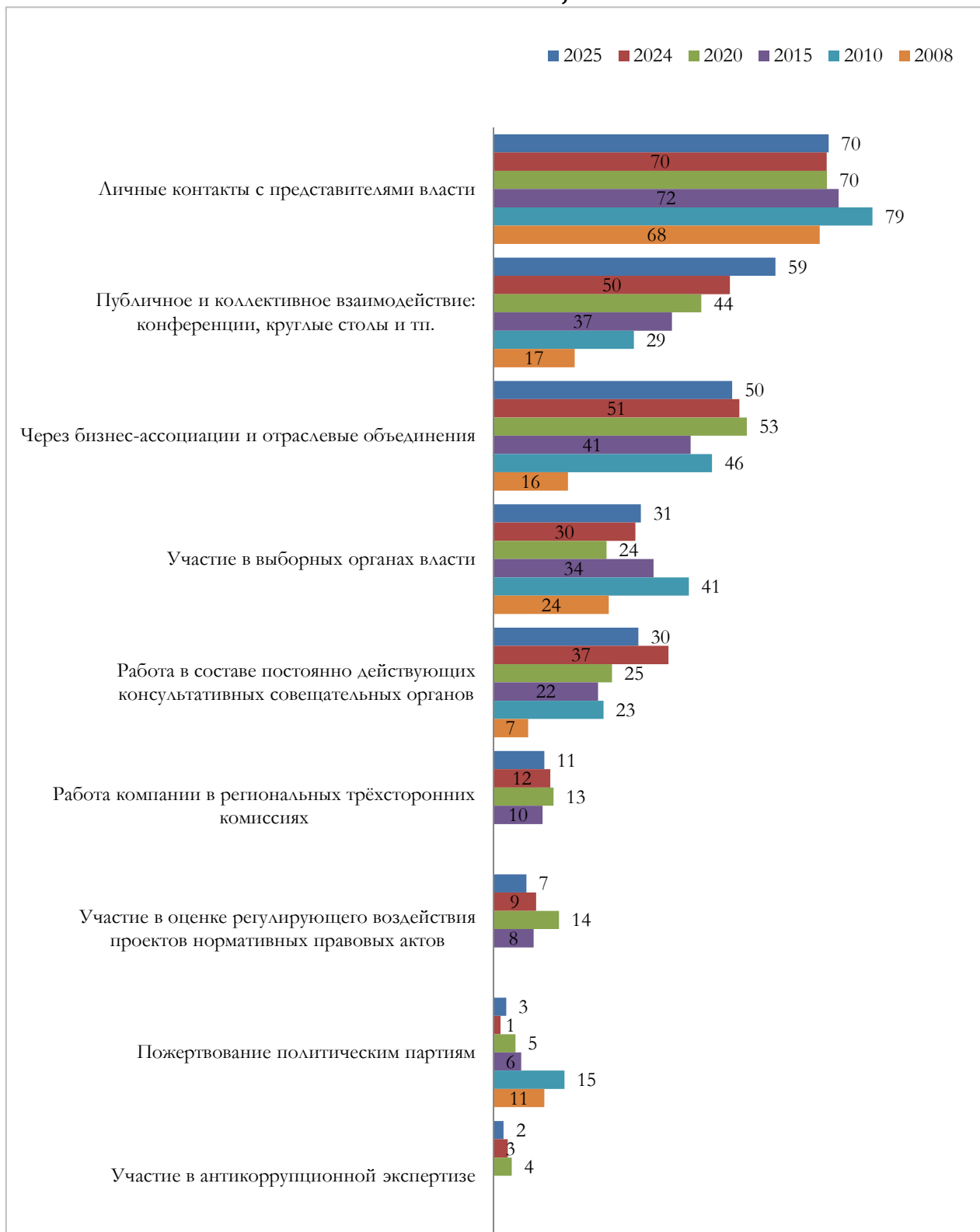
Работа компании в региональных трёхсторонних комиссиях остаётся мало распространённым инструментом – участники опроса указывали этот вариант примерно в 10–13 % случаев.

Участие в оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов находится в конце списка способов и инструментов, которые бизнес применяет при взаимодействии с органами власти. Его отметили 6,9 % компаний в 2025 году. Максимальную долю участие в ОРВ набирал в 2020 году – 13,7 %.

Пожертвование политическим партиям назвали только 2,1 % респондентов в 2025 году. По сравнению с данными за 2008 и 2010 год, интерес к этому способу резко сократился – в первые волны исследования его считали популярным 10,7 % и 14,8 % респондентов, соответственно.

Участие в антикоррупционной экспертизе замыкает список с долей 2,1 %.

Формы взаимодействия бизнеса и власти, наиболее активно используемые компаниями, %

Вопрос предполагал возможность не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

За прошедшие годы изменилось восприятие органов власти ещё и в свете значимого ослабления коррупционной составляющей во взаимодействии бизнеса

и власти.

В 2024-2025 годах три четверти компаний заявили, что уровень коррумпированности – низкий. Средним его назвали 13,6 % в 2024 году и 20 % предприятий – в 2025 году.

В 2008 году, первую волну исследования, большинство респондентов (57,8 %) настаивало на высоком уровне коррумпированности органов власти, и около пятой части опрошенных организаций выбрали оценки «низкий».

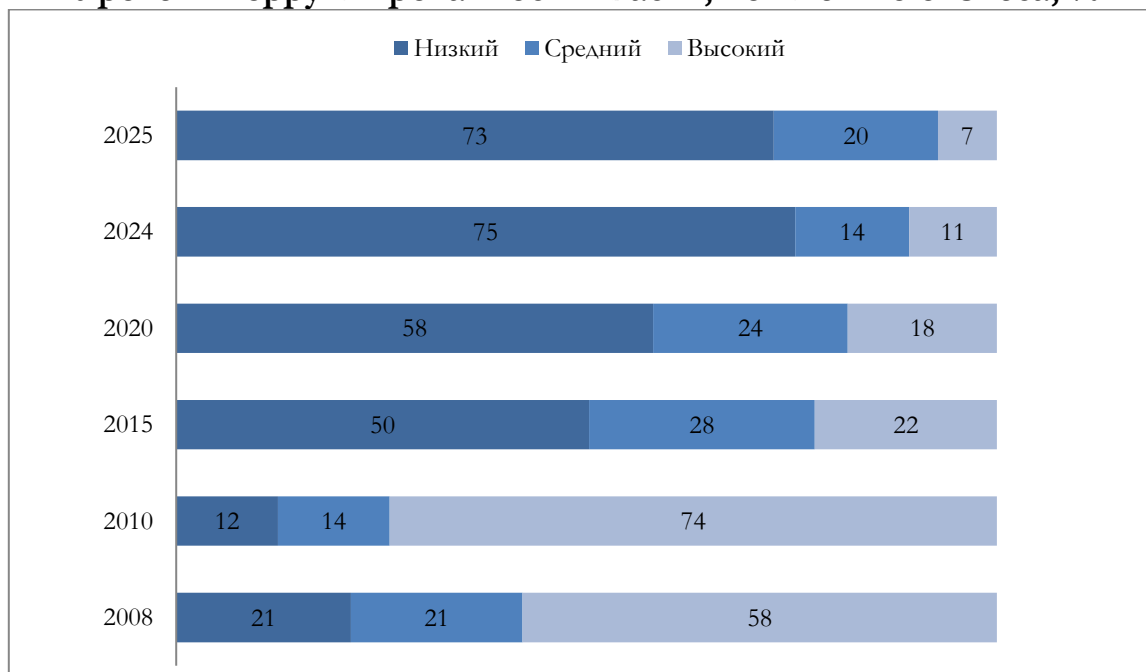
К 2010 году негатив усилился, и доля оценок «коррумпированность властей высокая» возросла до 74 %.

В 2015 году случилось первое значимое улучшение ситуации, когда доля негативных ответов сократилась до 22,2 %, а доля ответов «уровень низкий», наоборот, прибавила до 50,3 %.

Серьёзный перелом оценок произошёл в 2024 году, когда уже 75,4 % респондентов остановились на ответе «уровень коррумпированности низкий».

В отчётный, 2025 год дополнительно к этому «сжалась» доля оценок «высокий» – с 10,7 % до 7,2 %. Компании стали ещё чаще выбирать нейтральные оценки.

Уровень коррумпированности власти, по мнению бизнеса, %

Значения округлены до целого числа.

Защита прав компании

О фундаментальном улучшении институциональной базы говорит значимое сокращение доли компаний, которые в отчётный период сталкивались с какими-либо нарушениями своих законных прав со стороны органов власти: в 2025 году только 12,8 % респондентов сообщили о подобном, а в 2008 году доля достигала 37,4 %.

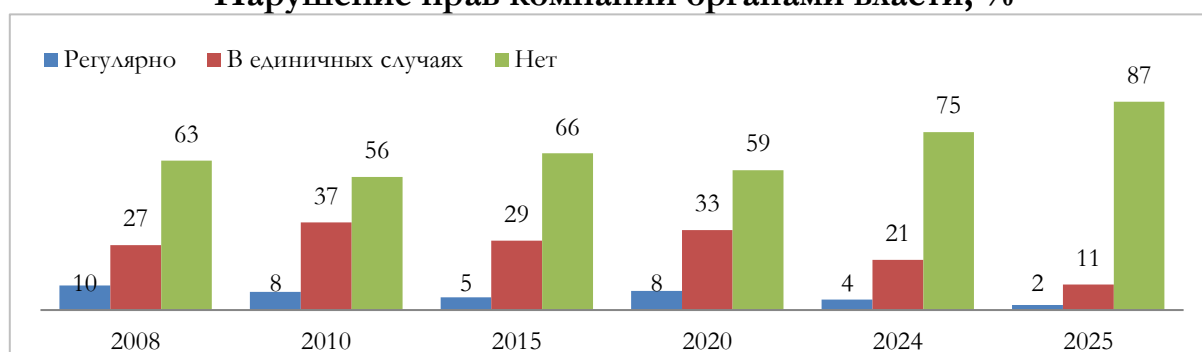
Крайне редко – в 2,1 % случаев – органы власти систематически нарушали права компаний. В первый год опроса о состоянии делового климата на нарушение законных прав жаловалась десятая часть организаций.

В 2010 году наблюдалось временное ухудшение оценок: суммарно доля положительных ответов «да, сталкивались» тогда возросла на 6,8 п. п. до 44,3 %. В 2015 году произошла коррекция оценок – отрицательный вариант респонденты стали выбирать чаще, а ответ «в единичных случаях» – значимо реже (доля сократилась на 7,6 п. п.).

В кризисный, 2020 год отмечался некоторый откат: распределение оценок снова оказалось смещено к интервалу «в единичных случаях». В 2024 году случился качественный перелом ситуации, когда доля отрицательного варианта выросла до 74,5 % (+15,9 п. п.) при одновременном сокращении единичных случаев нарушения законных прав компаний.

В отчётный 2025 год зафиксирован очередной рывок, когда уже максимум опрошенных за все волны исследования – 87,2 % компаний – ответили, что с подобными нарушениями они не сталкивались.

Нарушение прав компаний органами власти, %

*Исключены доли респондентов, пропустивших вопрос
Значения округлены до целого числа.*

Ключевым институтом защиты прав бизнеса во все периоды компании называли судебную систему. Несмотря на то, что вопрос о наиболее эффективных

способах защиты прав после 2020 года был разделён на две части: о публично-правовых спорах и о гражданско-правовых спорах, оценки судебной системы вне зависимости от методологии оставались всегда на одном уровне. От 80 % до 90 % респондентов указывали именно этот вариант.

Значимость административных каналов (обращение к федеральным органам власти) в 2008–2020 годы устойчиво росла: доля прибавила с 2008 года 12,1 п. п. до значения 30,8 %.

После просьбы оценить, что эффективнее при различных видах споров, выяснилось, что федеральные органы власти выглядят в глазах компаний более эффективным каналом при публично-правовых спорах (37,3 % в 2025 году), чем при гражданско-правовых (23,7 %).

Иначе выглядит динамика оценок эффективности обращения к региональным властям: в 2008 и 2010 годах их выбирали чаще, чем в 2015 и 2020 годах: 31,5 % (2008) → 37,5 % (2010) → 28,4 % (2015) → 22,2 % (2020).

Затем при уточнении формулировки вопроса в 2024-2025 годах региональные административные каналы указали как эффективные для публично-правовых споров около 30 % организаций, а для гражданско-правовых – 16-17 %.

Наиболее популярным ответом после судебной системы в 2010 году был «действовать самостоятельно или обратиться к медиатору, посреднику». Тогда чуть менее половины организаций согласились с этим утверждением. К 2020 году доля снизилась до 31,3 %. В 2024-2025 годах действовать самостоятельно считают эффективным при разрешении публично-правовых споров 26-29 % респондентов; при разрешении гражданско-правовых споров сначала, в 2024 году доля составила 25,5 % компаний, а в 2025 году она выросла до 35,6 %.

Следующим по значимости каналом респонденты в 2010–2020 годах называли обращение в общественные или иные объединения предпринимателей. Доля этого варианта составляла более пятой части от всего множества опрошенных. В 2024-2025 годах предприятия разделились в оценках: общественные объединения выделили как эффективные в случае публично-правовых споров 16-17 % компаний, а для разрешения гражданско-правовых споров их эффективность ниже – доля составила 10,8 %.

В 2015 году только 5,2 % компаний заявили, что в защите прав помогут российские третейские суды, органы медиации (например, в Арбитражный центр при РСПП)¹⁵. Через пять лет их доля уже выросла до 15,3 %.

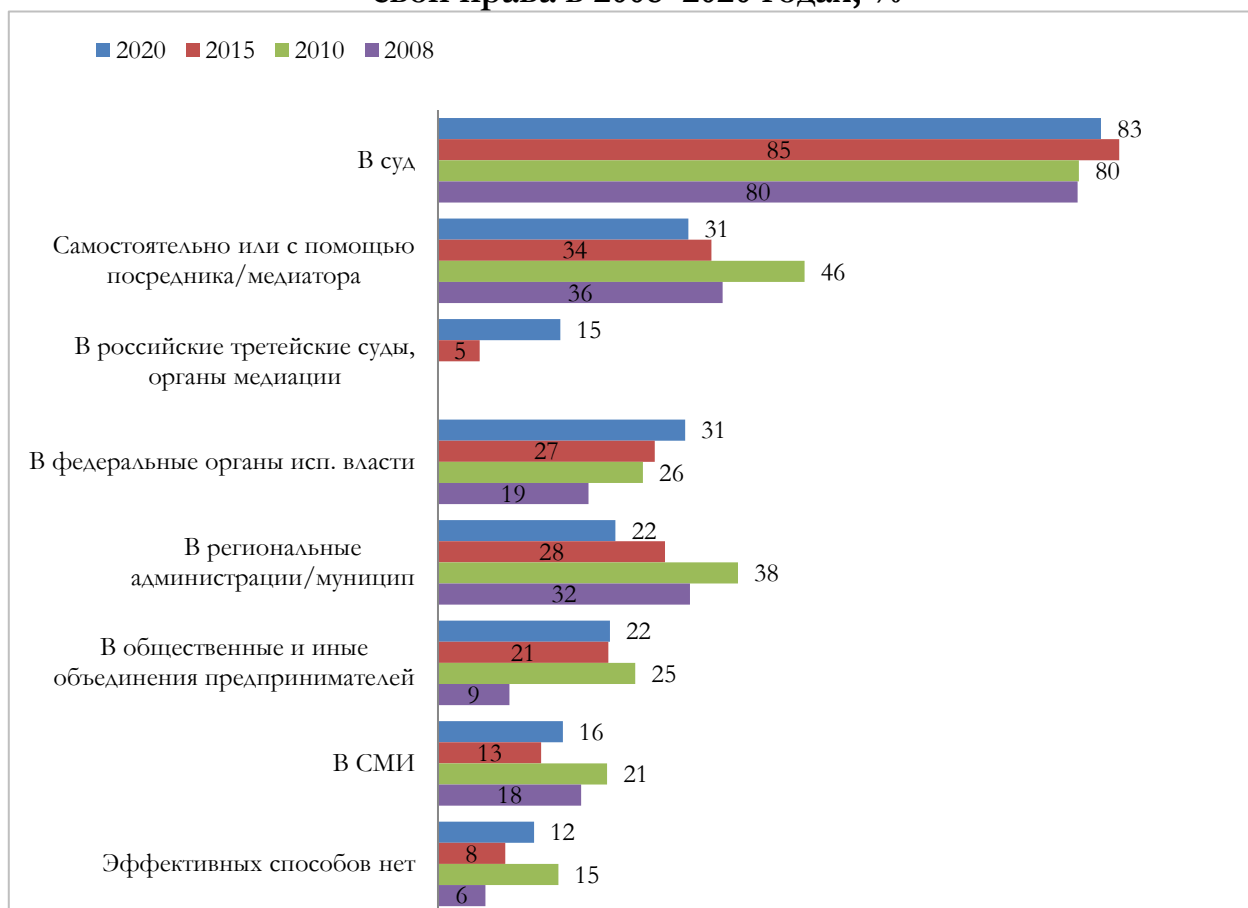
¹⁵ В 2015 году этот вариант был добавлен в анкету.

А в 2024-2025 годах, когда респонденты смогли оценить пользу этого канала при гражданско-правовых спорах, этот институт занял одно из важных мест с долей 26-28 %.

Остальные институты – Уполномоченного по правам предпринимателей, СМИ, платформу «ЗАБИЗНЕС.РФ» – компании рассматривают как надёжный канал при защите прав довольно редко.

Благоприятным индикатором изменений за прошедшие годы стало сокращение доли компаний, отвечающих, что эффективных способов защитить свои права у бизнеса нет.

Динамика оценок, как компании могут наиболее эффективно защитить свои права в 2008–2020 годах, %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

В целом, в публично-правовых спорах бизнес демонстрирует ориентацию на судебно-административный тандем. Популярность обращения в федеральные и региональные органы власти говорит о развитой практике досудебного урегулирования через ведомства. Наряду с административным каналом компании зачастую рассчитывают на собственные силы. Бизнес-объединения и обращение

к омбудсмену, которые были упомянуты в 2025 году 15-16 % участников, дополняют список эффективных способов защиты прав при публично-правовых спорах. Но они играют скорее второстепенную роль.

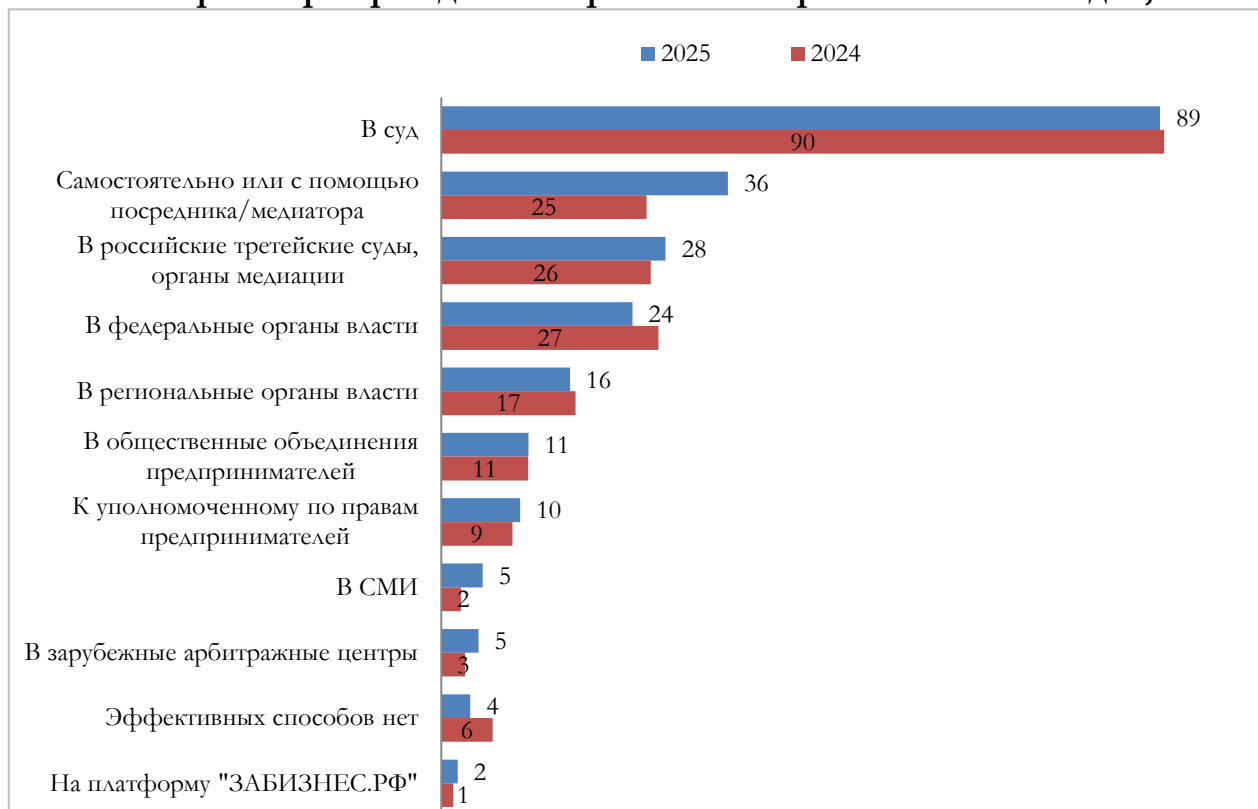
Динамика оценок, как компании могут наиболее эффективно защитить свои права при публично-правовых спорах в 2024-2025 годах, %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Разрешение гражданско-правовых споров компании видят возможным в первую очередь через суды и органы медиации. Помимо этого, в 2025 году возрастает роль самостоятельных действий. Административные каналы (и федеральные, и региональные) имеют более ограниченное применение, чем при публично-правовых спорах, и это логично для межкорпоративных конфликтов. Общественные объединения и омбудсмены также уступают позиции перед органами медиации и возможностью действовать самостоятельно.

Динамика оценок, как компании могут наиболее эффективно защитить свои права при гражданско-правовых спорах в 2024-2025 годах, %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Примерно пятая часть компаний на протяжении всех волн исследования не принимала участия в судебных или третейских разбирательствах.

Около 40 % компаний в 2025 году сообщили, что не вели судебные процессы с контрагентами. Значимо чаще – в 75,4 % случаев – организации отвечали, что не были вовлечены в споры с государственными органами. Также у двух третей предприятий не было арбитражных разбирательств с контрагентами.

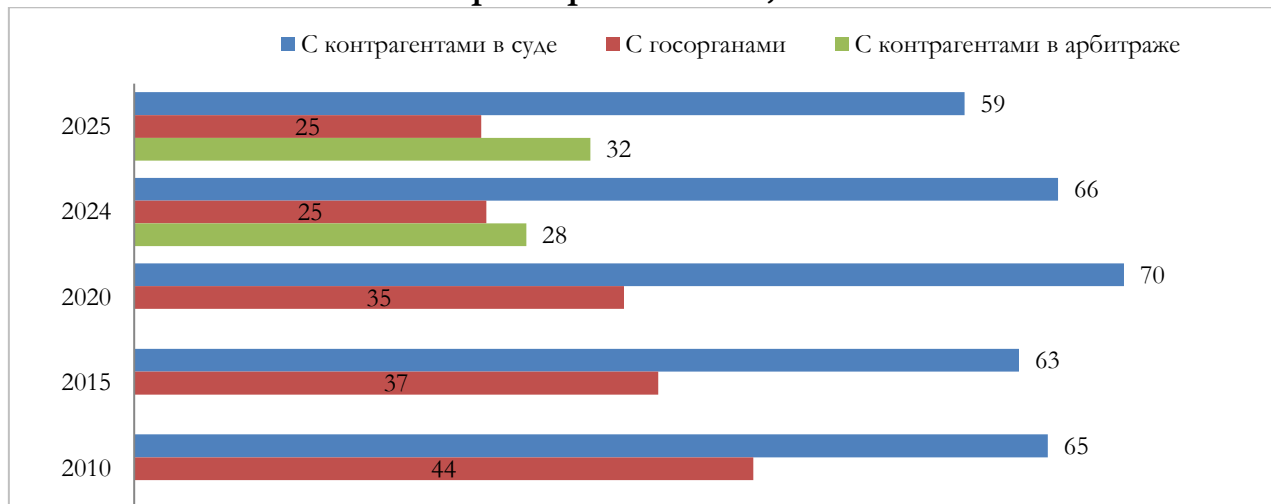
Пик судебных разбирательств с контрагентами пришёлся на кризисный, 2020 год, когда 70 % компаний выбрали положительный ответ.

Судов с государственными органами было больше всего в 2010 году – тогда в разбирательствах участвовали 44 % опрошенных организаций.

По сравнению с 2010–2020 годами, в последние два года компании значимо реже были вовлечены в судебные споры с государственными органами, что говорит о деэскалации судебных рисков именно в отношении с государством.

По арбитражным разбирательствам доступны данные только за 2024–2025 годы, и сравнение результатов показывает, напротив, рост доли – на 4,5 п. п.

Доля компаний, участвующих в судебных и арбитражных разбирательствах, %

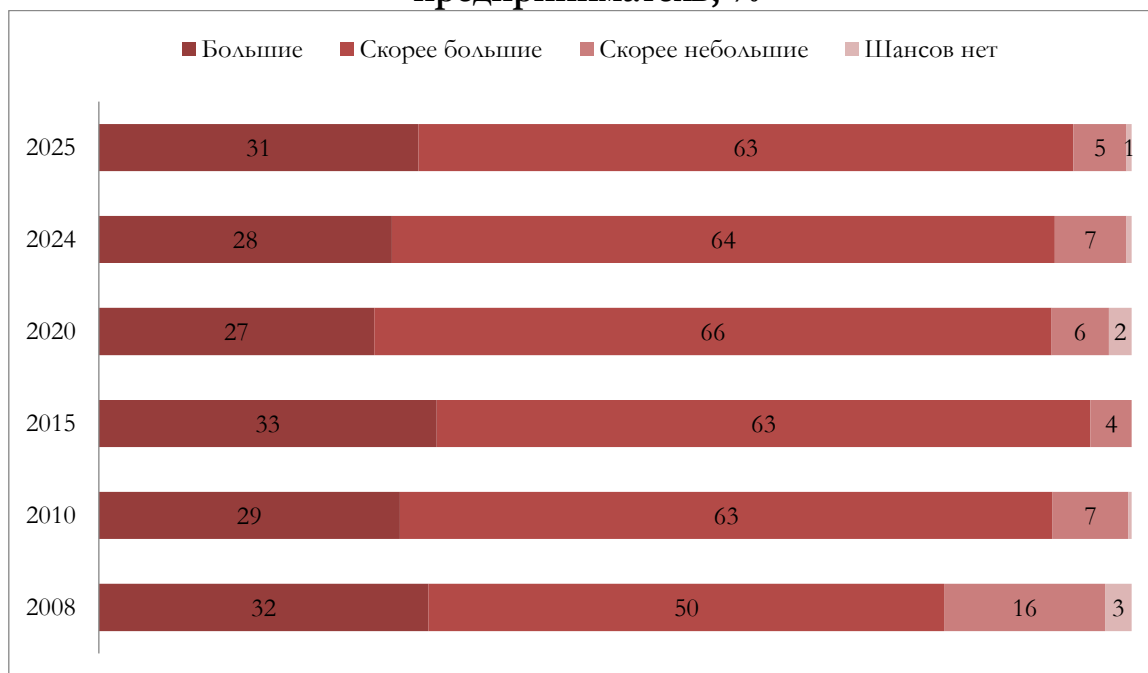

Вопрос предполагал возможность выбрать несколько вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

С высоким уровнем оптимизма компании оценивают свои шансы на победу при судебных разбирательствах с другими предпринимателями на протяжении всех лет исследования. Доля положительных оценок остаётся устойчивой – с пиками в 2015 и 2025 году, когда она составляла 96 % и 94 %, соответственно. В 2008 году был зафиксирован минимум – 81,8 %.

С того момента доля негативных ответов сократилась более чем в два раза.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будет другой предприниматель, %

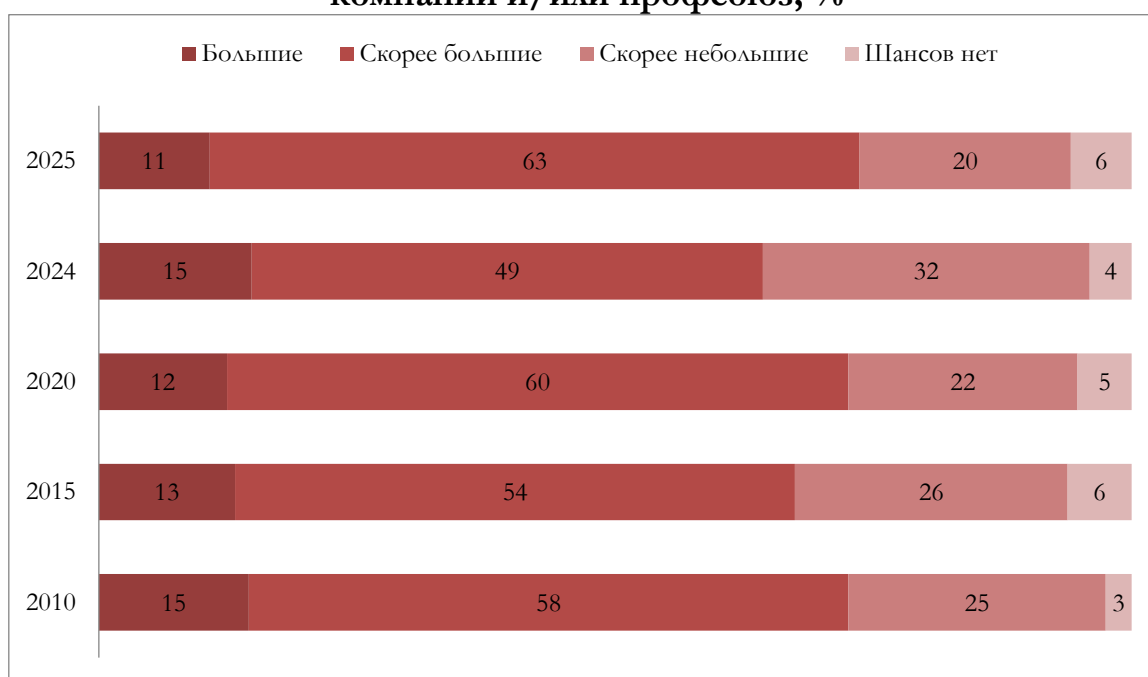
Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

В 2025 году почти три четверти опрошенных организаций ответили, что шансы выиграть судебные процессы, если их оппонентом будут работники или профсоюз, большие. Год назад оценки были более сдержанными: тогда на благоприятный исход надеялись 64,3 % предприятий. Данные за 2020 и 2010 годы больше похожи на результаты, полученные в последний отчётный период.

Доля крайне негативно окрашенного ответа «шансов нет» во все волны исследования оставалась незначительной – от 3 до 6 %.

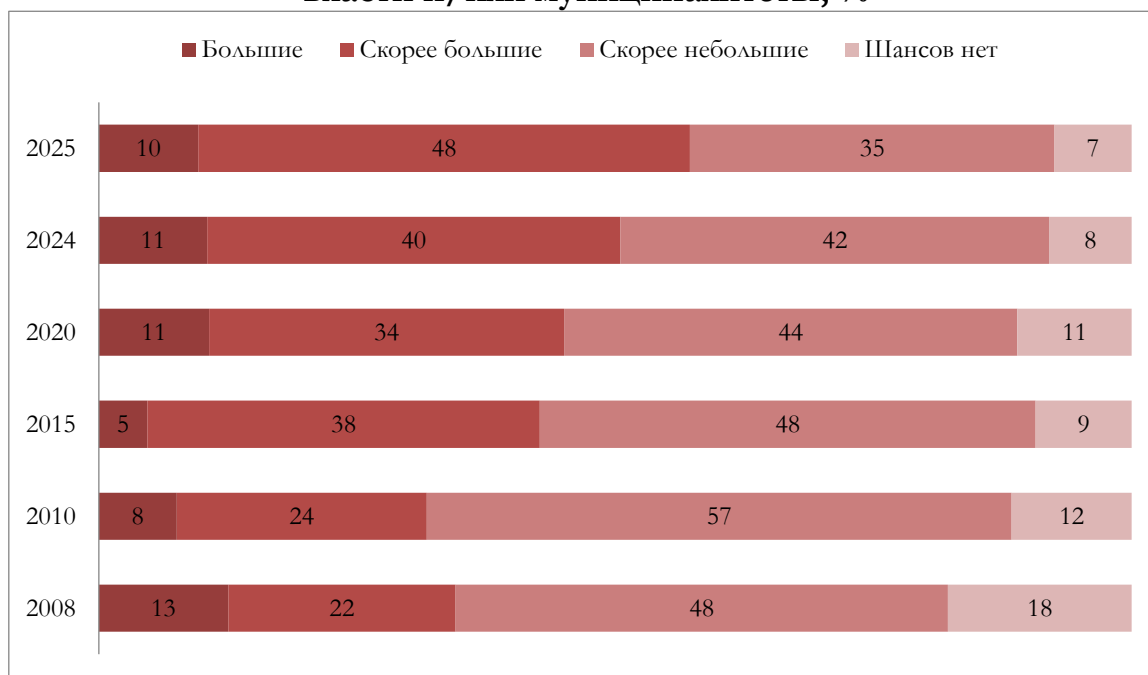
Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут работники компании и/или профсоюз, %

Значения округлены до целого числа. Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

Динамика оценок шансов на победу, если оппонентом в суде будут региональные власти или муниципалитеты, последовательно положительная. Доля позитивных ответов выросла с 34,5 % в 2008 году до 42,7 % в 2015 году и далее до 57,2 % в 2025 году. Крайне негативный ответ респонденты стали отмечать значительно реже – в 7 % случаев (2025) против 18 % (2008).

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут региональные власти и/или муниципалитеты, %

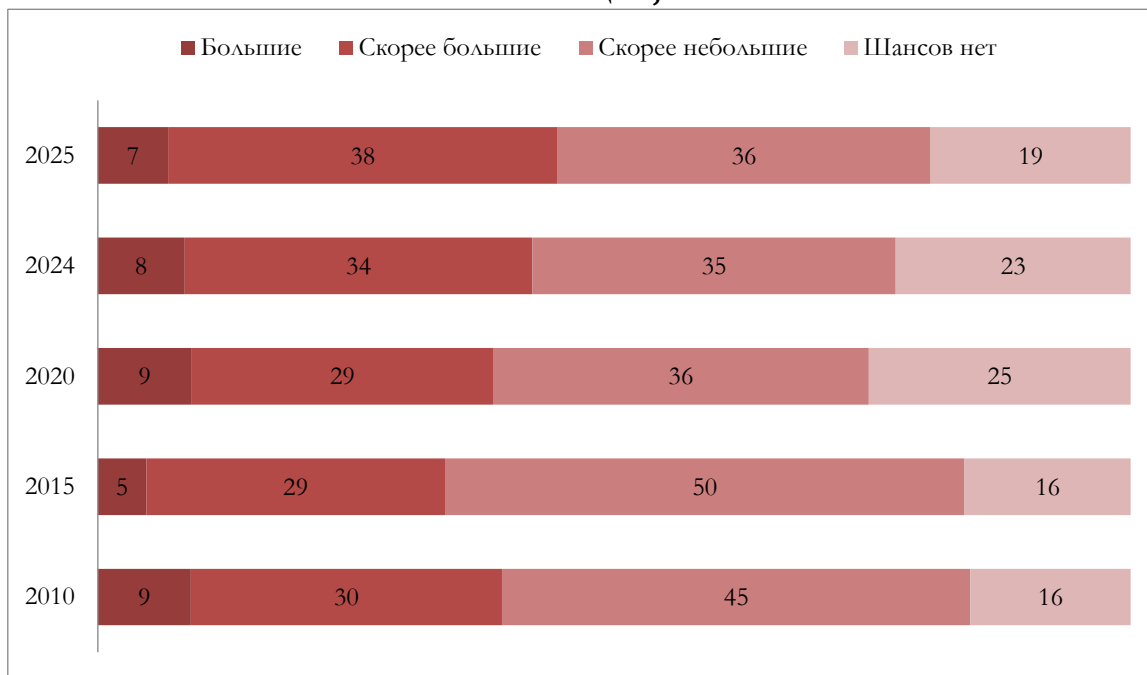

Значения округлены до целого числа. Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

Налоговая инспекция остаётся сложным оппонентом для компаний: пятая часть компаний считает, что шансов на победу над налоговой инспекцией нет (максимальная доля этого варианта наблюдалась в 2020 году – 25,4 %).

С другой стороны, оценки 2024-2025 годов выглядят несколько лучше, чем они были в 2015 и 2020 годах: суммарно доля положительных ответов за эти десять лет выросла до 44,5 %.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будет налоговая инспекция, %

Значения округлены до целого числа. Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

Перед началом судебных процессов с налоговыми органами компании проходят комиссию по обязательному досудебному рассмотрению споров.

В 2025 году, как и в 2020 и 2024 годах, около пятой части компаний участвовали в досудебных разбирательствах. В 2015 году доля была значительно выше – 40,9 %¹⁶.

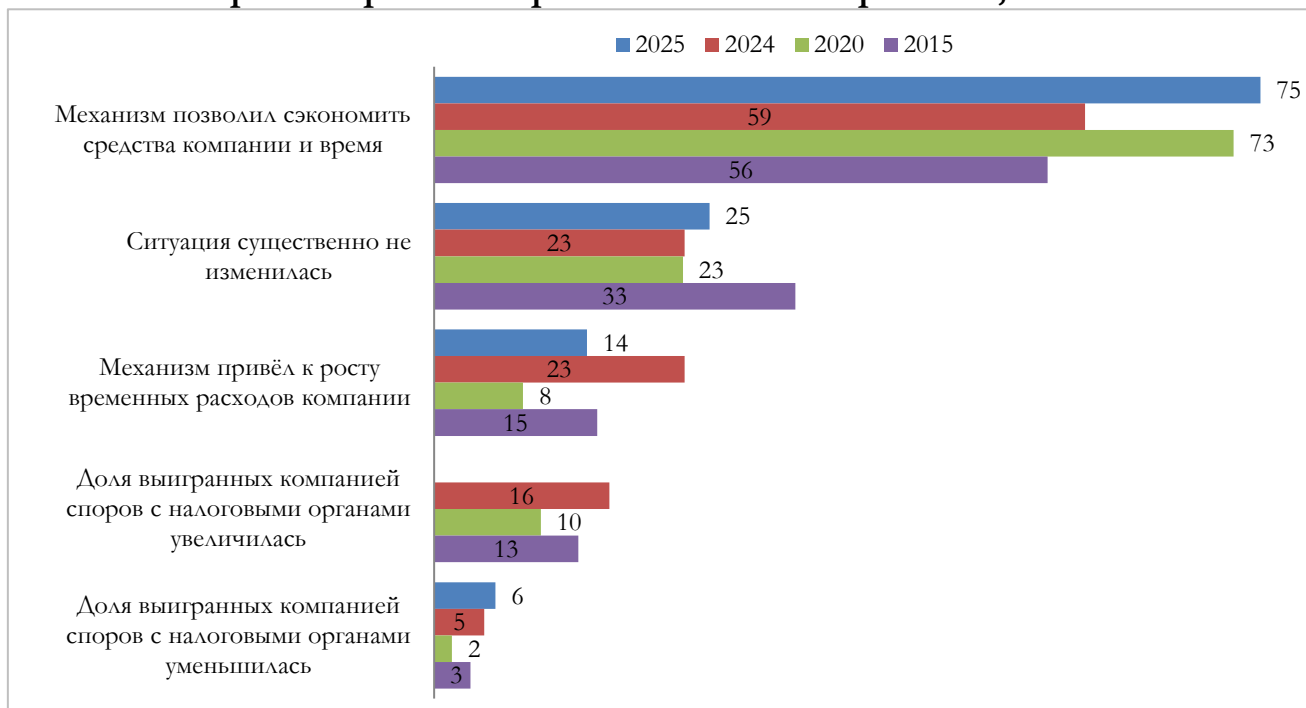
Механизм обязательного досудебного урегулирования споров доказал свою практическую ценность для компаний, у которых был опыт прохождения через комиссию: ответ «удалось сэкономить средства и время» во все годы занимал лидерскую позицию (55,7 % в 2015 → 72,6 % в 2020 → 59,1 % в 2024 → 75 % в 2025).

Нейтральная оценка «ситуация существенно не изменилась» оставалась на второстепенной позиции и составила в 2025 году 25 % (максимальная доля была зафиксирована на начальном этапе – 32,8 % в 2015 году).

Негативные ответы компании выбирают значительно реже, правда, в 2024 году в 22,7 % организаций использование механизма привело к росту временных расходов. В 2025 году доля этого варианта сократилась до 13,9 %.

¹⁶ Данные по досудебному урегулированию споров с налоговой инспекции доступны с 2015 года.

Оценка эффективности механизма обязательного досудебного рассмотрения споров с налоговыми органами, %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Как и в случае с налоговой инспекцией, респонденты осторожны в своих предположениях об исходе процессов при оппонировании антимонопольным органам. Шансы отстоять права в суде в этом случае около 15 % компаний в 2024-2025 годах оценили крайне негативно.¹⁷ Скорее небольшими шансы назвали 41,6 % организаций в 2025 году и 35,9 % – в 2024 году. Здесь есть намёк на ухудшение оценок. Но ряд слишком короткий, чтобы строить какие-либо тренды.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут антимонопольные органы, %

Значения округлены до целого числа. Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

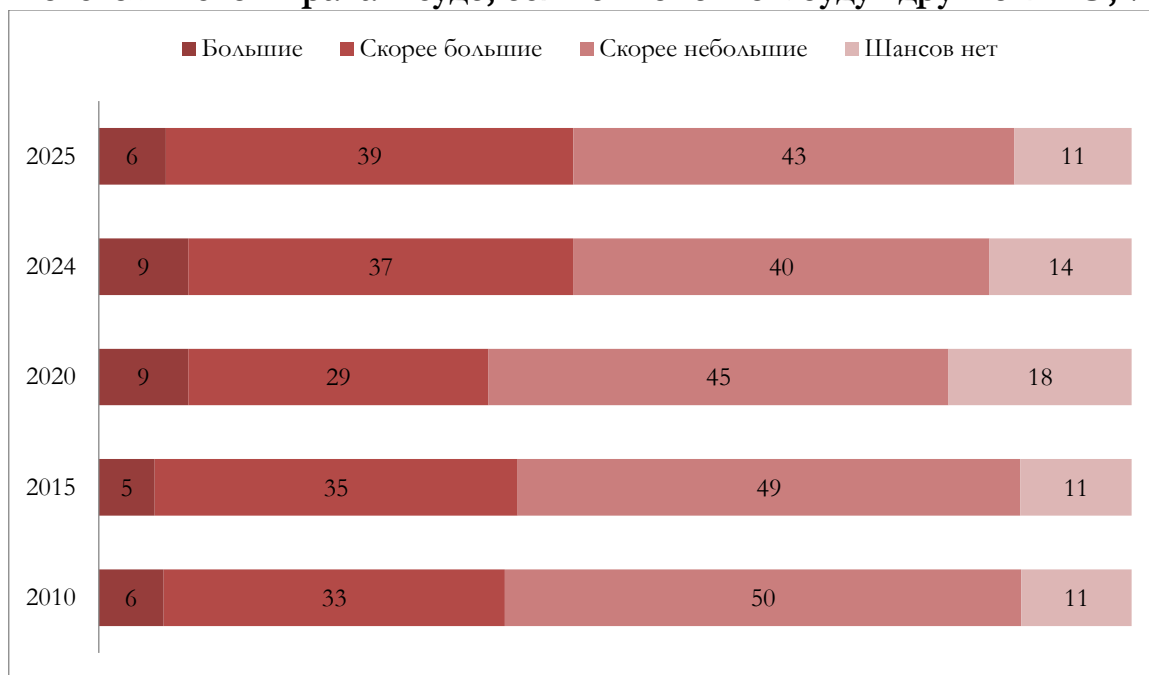
В 2024 и 2025 году суммарно доля положительных оценок совпадает – 45,9 % компаний уверены, их шансы на победу над другими контрольно-надзорными

¹⁷ Данные доступны после 2020 года.

органам (КНО) большие или скорее большие. Пока баланс оценок перевешивает в негативную сторону. Но по сравнению с данными за другие годы оценки выглядят более оптимистично.

Так, в 2010, 2015 и 2020 годах проигрыша ожидали 60 % и более предприятий.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут другие КНО, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

В 2025 году порядка половины всех компаний заявили, что не были вовлечены в споры с контрольно-надзорными органами – на уровне руководства КНО, в вышестоящей инстанции или органе власти, в суде.

Доля компаний, у которых не было подобных споров, выросла за год примерно на 10 п. п.

В 2008 году только у 13,9 % организаций не было споров на уровне руководства органов госконтроля. Тогда большинство компаний – 37 % из множества опрошенных – одерживали победу с умеренной частотой: в 10–50 % споров.

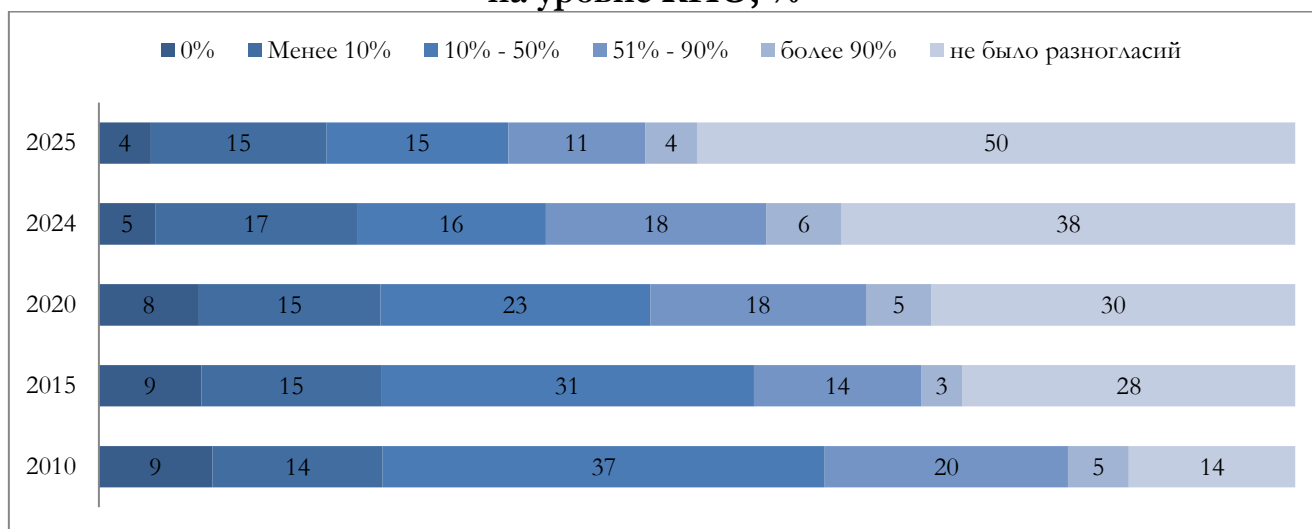
В следующую волну исследования – в 2010 году ситуация выглядела похожим образом, за исключением того, что отрицательный ответ «разногласий не было» участники стали выбирать в два раза чаще.

В 2020 году доля компаний, не вовлечённых в споры на уровне руководства КНО, осталась примерно такой же – 30 %, но в то же время выросла доля ответивших, что им удалось победить в половине и более конфликтов, – на 6 п. п. до значения 23,5 %

В 2024 году уже 37,9 % компаний не вступали в споры с органами госконтроля на уровне руководства. Рост произошёл за счёт сокращения доли ответов «не было побед» и «выигрывали в 10–50 % случаев».

Соответственно, в 2025 году компании реже отвечали, что им удаётся выйти победителями из конфликтов, но в то же время половине из них удалось вовсе не вступить в какие-либо препирательства с руководством КНО.

Доля положительных решений в пользу компании при разбирательствах на уровне КНО, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

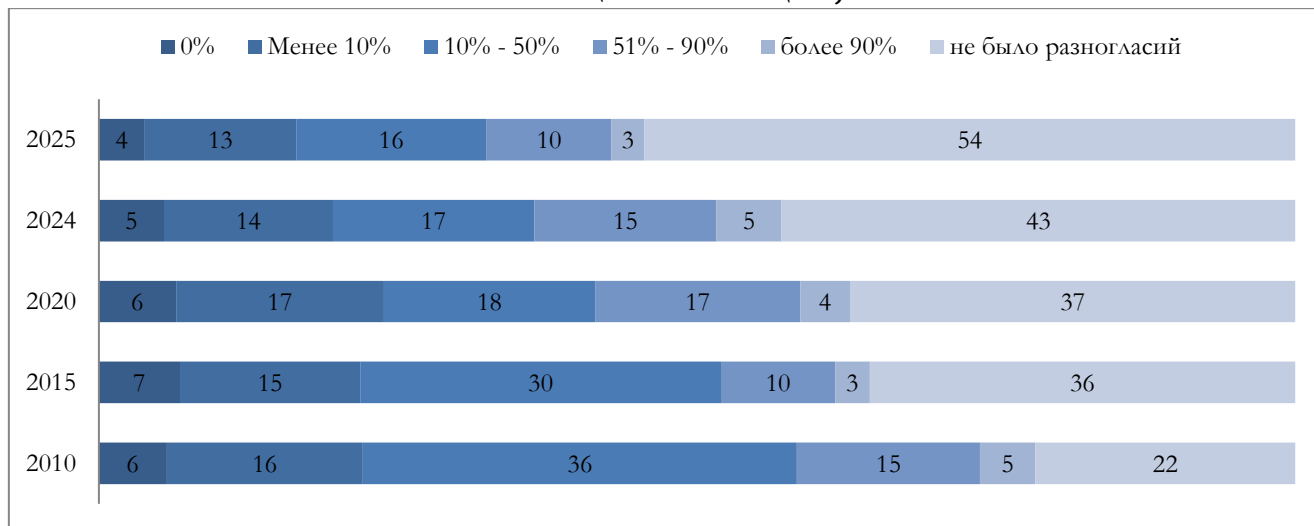
Между оценками, как именно выглядит распределение положительных решений при разбирательствах на уровне КНО и в вышестоящей инстанции, зафиксировано сходство. Правда, изначально компании принимали участие в разбирательствах с КНО в вышестоящих органах власти, с меньшей частотой: в 2010 году 21,7 % респондентов указали отрицательный ответ «не было разногласий».

За пятнадцать лет доля возросла до 54,4 %.

Доли положительных оценок («выигрывали более чем в половине случаев») варьировались на протяжении всех периодов мало.

Таким образом, прирост компаний, у которых не было разногласий, произошёл в первую очередь за счёт сокращения доли тех, у кого победы были в интервале от 10 до 50 % всех разбирательств.

Доля положительных решений в пользу компании при разбирательствах в вышестоящей инстанции, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

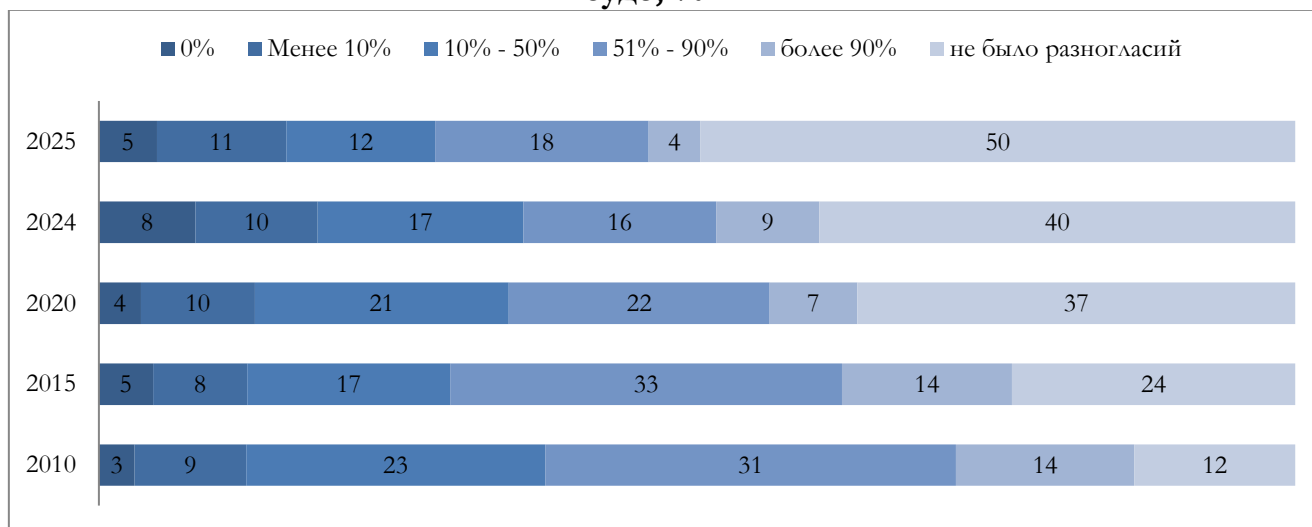
В 2010 году до суда не доходили только 12,3 % компаний, вступающих в конфликты с контрольно-надзорными органами. В 2015 году их доля выросла в два раза, затем – в 2020 году – до 36,6 %, в 2024 году – до 39,8 %, а в отчётный год уже половина компаний ответила, что у них не было судебных процессов с КНО. Такой тренд свидетельствует о значительном усилении досудебных инструментов, которые фильтруют потенциальные иски, а также, в целом, о снижении напряжённости между бизнесом и КНО, которое подтверждается и данными по контролю и надзору в отдельной главе доклада.

В 2010 и 2015 году компаний, которые смогли победить в судебных прениях в более чем половине случаев, было довольно много: 45,1 % и 47,6 %, соответственно. Затем, в 2020 году их доля сократилась на 15 п. п., при этом остальные интервалы не росли или росли незначительно. Доля перешла к ответу «не было разногласий».

В 2025 году сжались и диапазоны значений «побеждали в 10–50 % случаев».

На протяжении всех лет постоянные проигрыши остаются скорее исключением (ответ «0 %» отмечали от 3 % до 5 %, с пиком 8 % в 2024 году). Также во все волны исследования десятая часть компаний выбирала из раза в раз ответ «менее чем в 10 % случаев».

Доля положительных решений в пользу компании при разбирательствах в суде, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

При сравнении оценок 2025 года между собой заметно, что компании при спорах с КНО не зря рассчитывают на судебные разбирательства больше, чем на попытки урегулировать споры на уровне руководства КНО или в вышестоящей инстанции.

Если в суде 22 % организаций в более половине случаев добивались положительных решений, то на уровне руководства КНО таких компаний меньше – 16 %, а при спорах в вышестоящей инстанции их доля только 13 %.

Контрольно-надзорная деятельность

С 2008 года российская система контроля и надзора перешла от «проверочной» модели к риск-ориентированной и, в основном, цифровой модели, с усилением профилактических мер и значительным ограничением проверок в 2022–2025 годы через специализированные режимы.

В 2008 году был принят 294-ФЗ, задавший рамки – стандартизацию порядка проверок и закрепление гарантий для юридических лиц и ИП при осуществлении госконтроля и муниципального контроля. Тогда система оставалась ориентирована на проверки, но уже с более формализованными процедурами и требованиями к обоснованию. С 2015 года, согласно изменениям в статье 8.1 Федерального закона №294, произошло внедрение риск-ориентированного подхода – интенсивность и периодичность контроля стали связаны с категорией

риска и опасности объектов проверки. Параллельно с этим выросла прозрачность системы госконтроля благодаря появлению цифрового учёта проверок: был создан Единый реестр проверок (ЕРП) как инструмент фиксации и плановых, и внеплановых проверок и их результатов.

Затем, через пять лет был принят новый Федеральный закон (248-ФЗ), зафиксировавший процессуальные основы госконтроля, в котором акцент сместился на профилактику и новую модель управления рисками при продолжающейся цифровизации процедур. В 2021 году в развитие системы был создан Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий для учёта контрольных и профилактических действий со стороны органов власти, а также их результатов.

С 2022 года Правительство РФ получило полномочия устанавливать особенности контрольно-надзорной деятельности, включая мораторий, и реализовало их через Постановление № 336: тогда были введены жёсткие ограничения на плановые и заметные ограничения на внеплановые мероприятия, за исключением надзора за рисковыми объектами и угрозами. В 2023 году мораторий был продлён до конца 2024 года с сохранением исключений – угрозы причинения вреда, индикаторов риска, отдельных поручений.

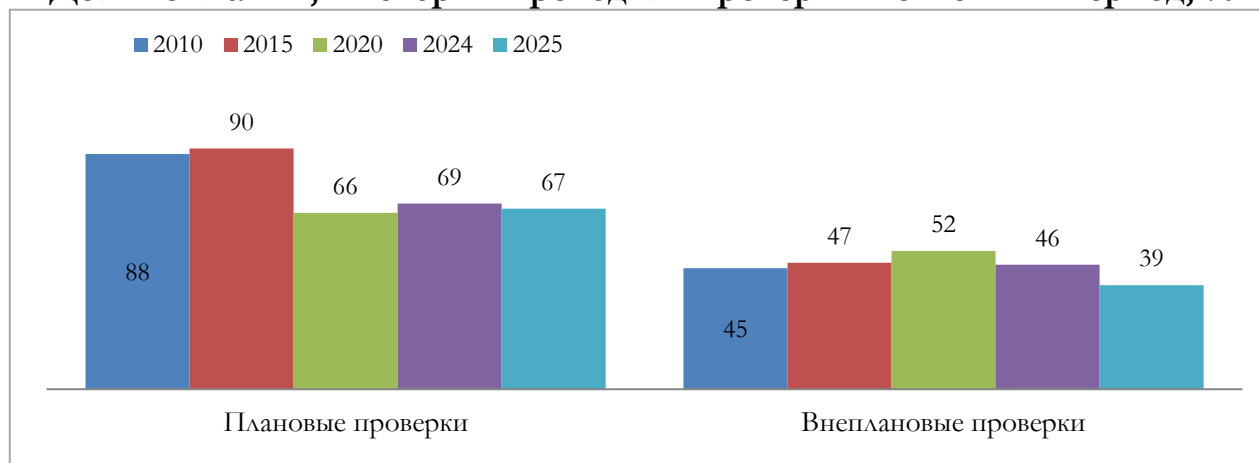
Режим ограничений действовал и в отчётный, 2025 год, правда, в модифицированном виде (не как полный запрет). Система контроля и надзора работала в формате «контроль по рискам и триггерам», а не как «контроль по плану».

Изменения внутри системы контроля и надзора, произошедшие за все рассматриваемые годы, отразились на оценках представителей российского бизнеса: частота проверок – и плановых, и внеплановых – значительно сократилась, причём в случае плановых проверок разница более выражена. Если в 2010 и 2015 годах около 90 % всех опрошенных сообщали о проведении плановых проверок в их компаниях, то в 2020 году произошёл структурный перелом, когда доля положительных ответов снизилась сразу на 24 п. п. по отношению к 2015 году. В последующие годы уровень остаётся близким к этой «новой норме», значения доли почти не меняются.

По внеплановым проверкам доля оставалась стабильной в 2010 и 2015 годах, затем в 2020 году она выросла на 4,4 п. п. до 51,5 %. А в последние два года тренд развернулся: 51,5 % (2020) → 46,4 % (2024) → 38,8 % (2025). Суммарно снижение

доли компаний, сталкивавшихся с внеплановыми проверками, снизилась с 2020 года на 12,7 п. п.

Доля компаний, в которых проходили проверки в отчётный период, %

Значения округлены до целого числа. Данные приведены без учёта доли «нет ответа».

В последние волны исследования блок о контрольно-надзорной деятельности был расширен вопросами о том, какие именно контрольные или профилактические мероприятия проводились в отчётный период в отношении компаний.

В 2025 году профиль сместился в пользу «кабинетных» форм проверки: документарные проверки проходили в компаниях чаще, чем в 2024 году, а выездные – реже. Одновременно с этим заметно сократилась доля профилактических визитов и консультирования.

Самым частым форматом в оба года (2024-2025) остаётся документарная проверка, и доля её упоминаний выросла на 5,4 п. п. до 69,8 %.

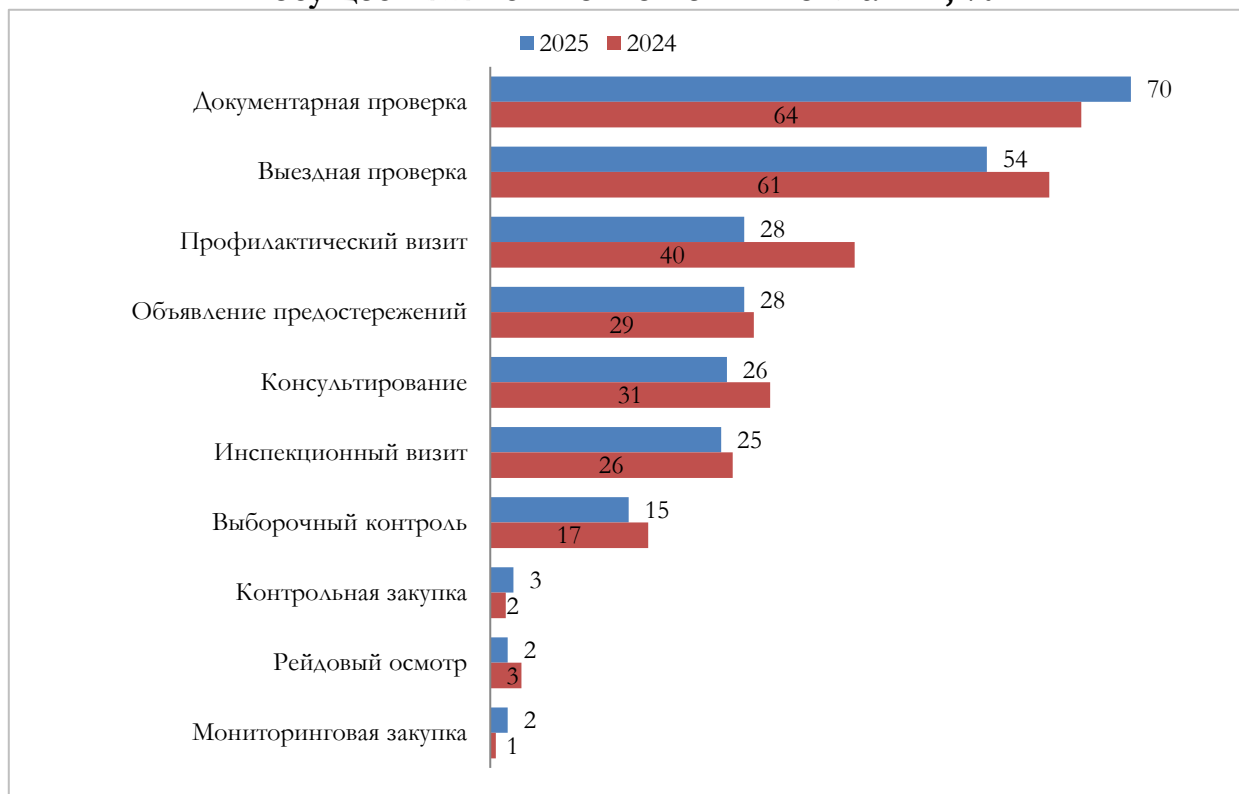
Выездные проверки проходили в 2025 году более чем в половине ответивших компаний (54,1 %), год назад респонденты отмечали этот вариант значительно чаще – в 60,9 % случаев.

Доля компаний, в которые органы госконтроля приходили с профилактическим визитом, сократилась наиболее заметно: 39,7 % (2024) → 27,7 % (–12,0 п. п. в 2025 году). Также снизилась частота упоминания консультирования (25,8 % в отчётный период против 30,5 % в 2024 году).

Предостережения органы госконтроля выносили в отношении 27,7 % компаний. Чуть более четверти организаций в оба года отметили, что к ним приходили проверяющие органы с инспекционным визитом. Выборочный контроль над деятельностью компаний осуществлялся в 15–17 % случаев. По этим трём видам мероприятий ситуация не изменилась.

Как и годом ранее, крайне редко компании указывали в 2025 году варианты «контрольная закупка», «рейдовый осмотр» и «мониторинговая закупка». Их доля не превышает 3 % в 2024-2025 годах.

Виды контрольных и (или) профилактических мероприятий, которые осуществлялись в отношении компаний, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа

В 2020 году список причин, по которым в компаниях проходили внеплановые проверки, был расширен пунктом «проверка исполнения предписаний», который сразу стал крупнейшей категорией по доле упоминаний. Значения других причин однозначно оказались перераспределены в пользу этого фактора, из-за чего невозможно напрямую сравнивать данные на горизонте с 2008 года.

При этом возможно пренебречь добавлением в 2024 году причины «срабатывание индикаторов риска», которая хоть и создаёт эффект замещения, но по масштабу заметно меньший, чем в случае появления ответа о проверке исполнения предписаний.

Структура причин внеплановых проверок с 2020 года выглядит более «регламентной»: на первом месте стабильно находится контроль исполнения ранее

выданных предписаний – 50,4 % (2020) → 54,0 % (2024) → 48,6 % (2025), правда, по сравнению с 2024 годом доля снизилась на 5,4 п. п.

Вторыми по распространённости респонденты в 2025 году назвали «жалобы о несчастных случаях» и «жалобы работников или граждан». Их отметили 33,3 % и 30,6 % компаний, соответственно.

Информация об инцидентах на предприятиях демонстрирует выраженную волнообразную динамику в пятилетний период: в 2024 году, по сравнению с 2020 годом, произошёл рост доли на 15,8 п. п., который говорит о резком усилении роли несчастных случаев как основания для внеплановых проверок. В 2025 году влияние фактора ослабело, но осталось высоким: доля снизилась с 40,2 % до 33,3 %, но не вернулась к значению 2020 года.

Значимость причины «жалобы работников или граждан» остаётся во все периоды на одинаковом уровне.

В 2025 году выросла роль межведомственных сигналов – из-за получения информации о нарушениях от других КНО внеплановые проверки начинались в пятой части опрошенных компаний. Здесь значение вернулось к значению, полученному в 2020 году, после падения до 13,8 % в 2024 году.

Значимость ошибок или противоречий в предоставленных документах в 2025 году также оказалась на уровне 2020 года (доля составила около 11-12 %), а в 2024 году она была выше – её отмечали 16,1 % участников.

Срабатывание индикаторов риска как причину внеплановой проверки указали 8,3 % предприятий против 12,6 % компаний в 2024 году.

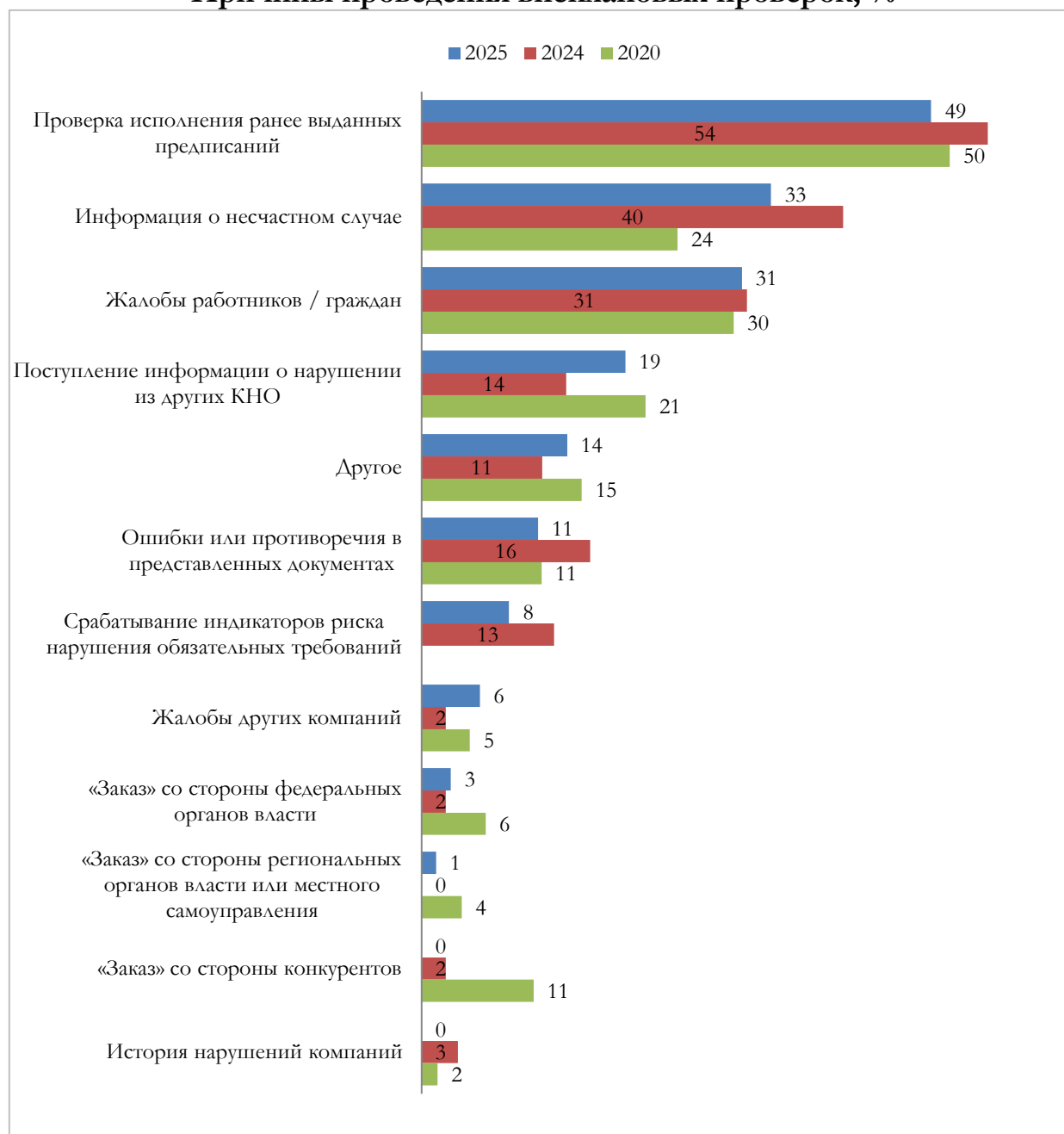
Жалобы со стороны других компаний оставались низкочастотной причиной на фоне лидирующих оснований для внеплановых проверок: доля составила 5,6 % в 2025 году. В 2020 и 2024 годах она была немного ниже по значимости.

В динамике за пять лет закрепились маргинализация причин, связанных с возможным «заказом» или конкуренцией. В 2024-2025 годах формулировки про «заказ со стороны федеральных органов власти», «со стороны региональных или местных властей», «со стороны конкурентов» встречались в ответах компаний крайне редко или не встречались вовсе. В 2020 году похожая картина за исключением варианта «заказ со стороны конкурентов» – тогда его подозревали 11 % опрошенных.

История нарушений компаний находится в конце списка возможных причин – её не отметил ни один из участников в 2025 году, а в 2020 и 2024 годах доля не составляла более 3 %.

В отношении ряда компаний внеплановые проверки проходили в связи с иными основаниями: к примеру, «из-за участия в Государственном оборонном заказе», «в связи с предоставлением отчётной информации»; «осуществлялась проверка расходования федеральных бюджетных средств региональными органами власти (для компании они выступали как заказчики)»; «камеральная проверка при возврате налога из бюджета».

Причины проведения внеплановых проверок, %

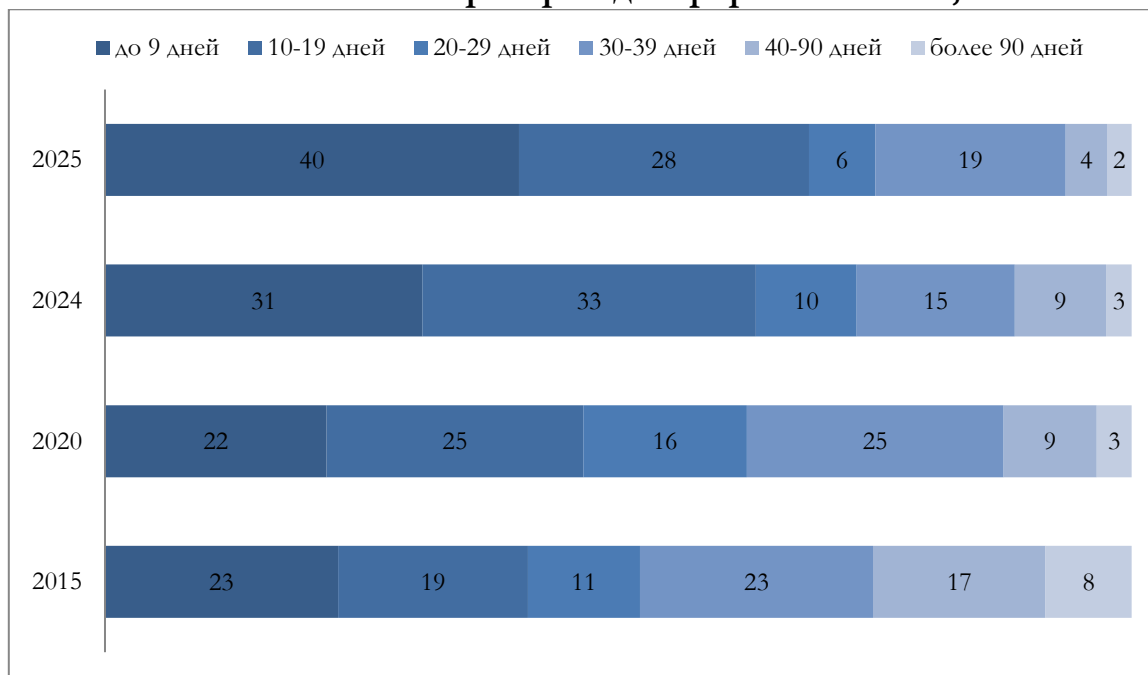
Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

В 2024-2025 годах срок проверки от момента начала до оформления акта, в среднем, составлял 22 дня. Медианное значение сроков проверки снизилось на 4 дня до 14 дней.

По срокам проверок с 2015 года (первого года, по которому доступны данные) ситуация значительно улучшилась. Распределение последовательно смещается в сторону более коротких интервалов: растёт доля проверок, укладывающихся в срок до 19 дней, и сокращается доля длительных проверок (40 и более дней). К 2025 году суммарно доля интервала «от 1 до 19 дней» достигла 68,5 % против 41,2 % в 2015 году (+27,3 п. п.), одновременно с этим доля длительных проверок уменьшилась на 18,8 п. п.:

- в первые пять лет (с 2015 по 2020 годы) ключевым изменением стало сокращение проверок, которые занимали от 40 до 90 дней (16,8 % → 9,1 %) и длившихся более 90 дней (8,4 % → 3,4 %). В этот период респонденты стали чаще выбирать интервалы «10–19 дней».
- в 2020–2024 годах ускорение происходило за счёт уменьшения доли компаний, в которых проверки шли в течение 20–39 дней (40,9 % → 25,2 %), и роста доли интервала «до 9 дней» (21,6 % → 30,9 %).
- в 2025 году тренд усилился: доля проверок, которые занимали до 9 дней, стала больше ещё на 9,4 п. п., составив 40,3 %. Помимо этого, в отчётный год участники в два раза реже останавливались на интервале «от 40 до 90 дней».

Срок, в который обычно укладывается проведение проверки компании от момента начала проверки до оформления акта, %

Значения округлены до целого числа.

В 2025 году среднее количество проверок в компаниях составило 13 проверок, в 2024 году среднее было больше – 30 проверок. Однако медианное значение числа проверок за два года сохраняет своё значение – 4 проверки.

Вопрос о недостатках и проблемах, связанных с проверками, один из «долгожителей» анкеты о состоянии делового климата. Его формулировка сохранялась на протяжении всех волн исследования.

По сравнению с 2008 годом, когда компании впервые получили возможность оценить свой опыт взаимодействия с органами госконтроля, восприятие проверок изменилось кардинально. Период частых нарушений и затруднений сменился более устойчивой практикой: когда взаимодействие бизнеса с контрольно-надзорными органами происходит без проблем и выглядит предсказуемо.

Рост доли компаний, которые фиксируют отсутствие проблем при проверках, – ключевой тренд: 19,7 % (2008) → 25,9 % (2010) → 28,9 % (2015) → 37,1 % (2020) → 61,8 % (2024) → 66,0 % (2025). Наиболее резкий скачок происходит после 2020 года: тогда доля прибавила сразу 24,7 п. п. в 2024 году к 2020 году. В 2025 году доля компаний, ответивших, при проверках никаких проблем не возникает, достигла максимума – 66 %.

На этом фоне значимость и острота конкретных недостатков – требования избыточного количества документов, недостаточная компетентность проверяющих лиц, процедурные нарушения и коррупционные сигналы – снижаются, особенно в сравнение с данными за 2010 и 2020 годы.

Так, требование избыточного количества документов, по сравнению с законом, отметила в 2025 году четверть компаний. Доля последовательно сокращалась: с 54 % (2008) через промежуточные значения: 46,1 % (2015) → 45,0 % (2020) → 29,9 % (2024) → 25,6 % (2025).

Недостаточную компетентность проверяющих лиц участники также стали указывать значимо реже после пика в 2020 году, когда доля этого варианта составила 34,2 %. В отчётный период с недостаточной компетентностью проверяющих столкнулись только 14,1 % из числа опрошенных.

Устойчивую нисходящую динамику с 2015 года имеет проблема несоответствия предмета проверки распоряжению: если десять лет назад 16,4 % компаний остановились на этом ответе, то в 2025 году их доля последовательно сокращалась до 3,2 %.

О нарушениях правил проведения проверок, установленных НПА, в последние два года компании сообщали значимо реже, чем это было раньше. Максимум эта проблема достигла в 2020 году, когда её доля выросла до 17,3 %. В 2024 году она заняла менее 5 %, а в 2025 году и вовсе 1,3 %.

Практика «заказных» проверок последовательно уходит в низкие значения: 18,4 % (2008) → 12,6 % (2010) → 11,7 % (2015) → 9,4 % (2020) → 2,8 % (2024) → 1,9 % (2025). Такая же картина с проблемой, связанной с прямым или косвенным намёком на необходимость оплаты услуг, хотя в 2010 году около пятой части опрошенных жаловались на такое.

С проведением проверок неуполномоченными на это должностными лицами компании сталкивались редко во все периоды исследования. В 2025 году их упомянули 1,3 % респондентов.

Недостатки в работе контрольно-надзорных органов при проведении проверок, %

Доли приведены к общему множеству респондентов, ответивших на вопрос; Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %.

Значения округлены до целого числа.

Некоторые компании сформулировали собственные ответы на вопрос, с какими недостатками и проблемами они столкнулись при взаимодействии с органами госконтроля: «короткие сроки для подготовки ответа на запрос»; «формальный подход»; «отсутствие единой правовой позиции по вопросам

категорирования имущества на движимое и недвижимое приводит к затягиванию внеплановой налоговой проверки»; «осуществляется сплошная проверка, исходя из первичных данных»; «происходит вменение нарушений без учёта фактических обстоятельств (информация для установления обстоятельств не запрашивается, либо ей не даётся должная правовая оценка)».

Проблемы системы обязательных требований в России начали рассматриваться в докладе о состоянии делового климата после 2015 года. За это время постепенно росла доля отказов – компании всё чаще пропускали вопрос о проблемах, связанных с обязательными требованиями. В 2020 году 30,3 % компаний не предоставили информацию, в 2024 году их доля выросла до 47,4 %, а в 2025 году она и вовсе достигла 77,7 %.

Пропущенные значения не учитываются в распределении оценок.

В 2025 году фокус заметно сместился: резко выросла доля компаний, которые сталкивались с новыми, неожиданными для компании обязательными требованиями прямо в ходе проверки, и в то же время ослабло влияние системных претензий (устаревание, дублирование обязательных требований, слабая связь с безопасностью)

Доля ключевой проблемы – предъявления во время проверки новых или неожиданных требований – составила 54 % против значения 36,3 % в 2024 году и 39,6 % в 2020 году.

На втором месте списка – противоречия требований различных органов госконтроля с долей 32 %, далее расположились две проблемы – устаревание требований и их дублирование. Их указали в 2025 году 28 % респондентов. Устаревание требований в 2020 и 2024 годах выглядело более важной проблемой – тогда доля была на уровне 36-37 %.

О недоступности обязательных требований сообщили 16 % компаний, ответивших на вопрос: в этом случае доля отыграла свои позиции по сравнению с 2024 годом, немного превысив и значение 2020 года.

Наиболее заметно снизилась актуальность проблемы отсутствия связи между обязательными требованиями и безопасностью, когда требования предъявляются к качеству продукции, производственных процессов и проч. В 2020 и 2024 годах около 21–23 % жаловались на эту проблему. В 2025 году доля уменьшилась в два раза.

Во все периоды исследования проблема из-за более жёстких обязательных требований, чем у компаний, ведущих аналогичную детальность в странах ЕАЭС, находилась на последнем месте с долей 8–12 п. п.

Проблемы, связанные с обязательными требованиями со стороны КНО, %

Дали приводятся к множеству респондентов, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Отчётность организации направляли в 2025 году в среднем в 8 контрольно-надзорных органов (согласно медианному значению – в 6 КНО). Оценки изменились статистически не значимо.

Взаимодействие компаний с конкретными КНО на долгосрочном горизонте (с 2008 года) изменилось существенно в лучшую сторону: по результатам фиксируется устойчивый сдвиг от заметной доли компаний, которым мешали те или иные органы госконтроля, к доминированию оценок «не мешали/не

сталкивались», а случаи, когда КНО сильно мешали в работе, становятся редкими и близкими к нулевым значениям.

Ранний период (2008–2010 годы) почти по всем рассматриваемым КНО можно охарактеризовать как период «жесткого» ухудшения оценок: именно на этом отрезке произошло значимый рост доли оценок «мешает», после чего траектория разворачивается к смягчению позиций. К примеру, взаимодействие с налоговой инспекцией негативно оценили в 2008 году менее половины опрошенных, а в 2010 году их доля прибавила до 68,7 % (+21,6 п. п.); в случае оценки Ростехнадзора респонденты стали выбирать ответ «мешает в работе» чаще на 18,8 п. п.; доля негативных оценок Роспотребнадзора и органов МЧС (в том числе, пожарной службы) выросла тогда на 14-15 п. п.

В 2010–2020 годах по большинству КНО наблюдается постепенное снижение доли ответов «мешает». Процесс шёл, скорее, в две фазы: в ряде случаев сначала произошло резкое улучшение оценок в 2010–2015 годах, а в дальнейшем последовало более плавное изменение оценок (так, негативные оценки взаимодействия с налоговой инспекцией сократились на 15,2 п. п., с местным самоуправлением – на 16,3 п. п., лицензирующего органа – на 9,4 п. п. и МВД – на 8,6 п. п.). Взаимодействие с остальными КНО прошло через относительное плато в 2010–2015 годы, а заметно оно улучшилось и в период с 2015 по 2020 годы (например, с Роспотребнадзором, Ростехнадзором, органом МЧС, Рострудом, миграционной службой, региональными администрациями).

Главный перелом произошёл в период с 2020 по 2024 годы, когда оценки улучшились скачком, а не плавным трендом. Вероятно, в это время проявил себя эффект от изменений в подходе к контролю и надзору в России к риск-ориентированной, прозрачной и цифровой системе.

2025 год в этом ключе стоит рассматривать как этап закрепления с локальными коррекциями: даже там, где в 2025 году заметно некоторое ухудшение оценок, рост идёт через увеличение доли ответа «немного мешает», а не через возврат к высокой доле «сильно мешает». Напряжённость снижается или остаётся низкой, но возможны отдельные источники проблем и трений.

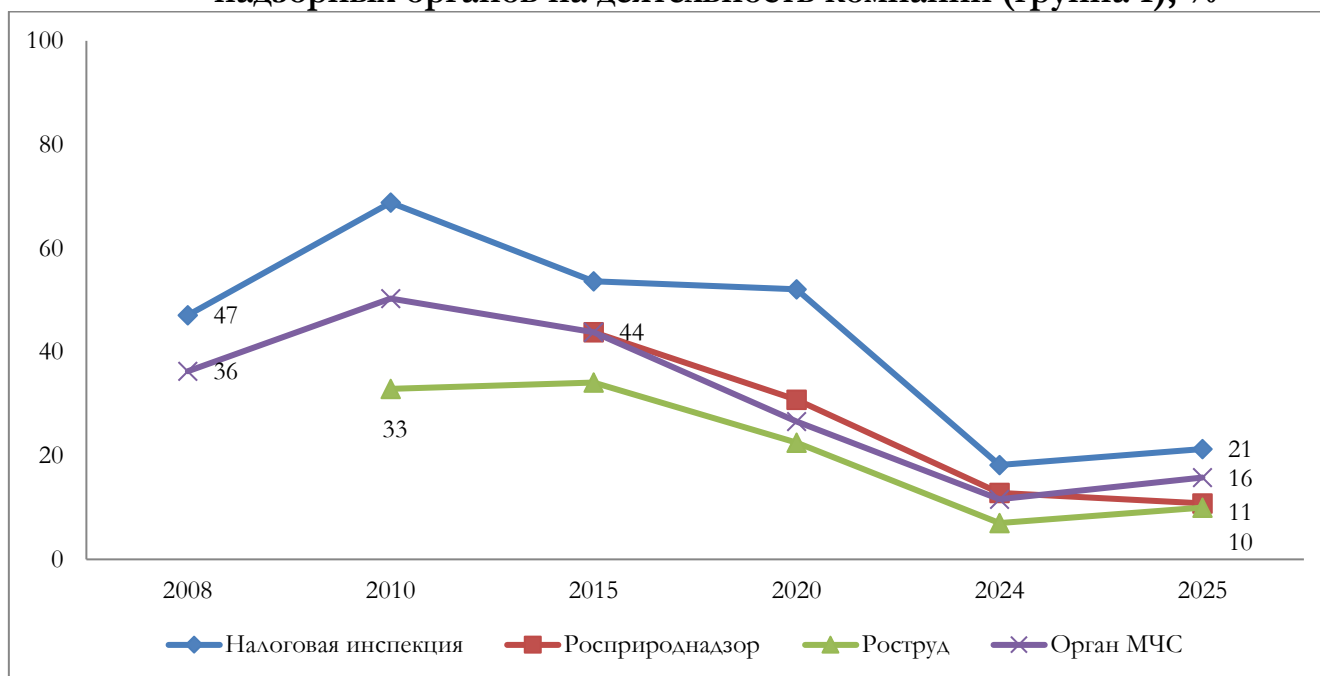
Группы КНО по масштабу изменений с 2008 по 2025 год (или с года, по которому доступны данные):

1. Максимальная нормализация взаимодействия (доля негативных оценок снизилась более чем на 20 п. п.): налоговая инспекция, Росприроднадзор,

Роструд, орган МЧС, ответственный за госнадзор в области пожарной безопасности и т. д.

В первые годы исследования взаимодействие с этими органами госконтроля воспринималось как серьёзный фактор издержек, а к 2024-2025 годам произошёл значимый «сброс напряжения». Правда, даже после качественного улучшения ситуации взаимодействие с налоговой инспекцией и органом МЧС остаются лидерами по доле ответов «немного мешают в работе». О том, что налоговая инспекция мешает в работе, заявили более пятой части опрошенных, о помехах со стороны органа МЧС – 15,8 % компаний.

Динамика негативных оценок влияния контрольно-надзорных органов на деятельность компаний (группа 1), %

Доли приведены к числу респондентов, оценивших свой опыт взаимодействия с КНО. Данные представлены по динамике суммы долей вариантов «КНО сильно мешает работе компании» и «немного мешает». Значения округлены до целого числа.

2. Устойчивое улучшение (сокращение негативных оценок более чем на 10 п. п.): Роспотребнадзор, МВД, Росздравнадзор, антимонопольная служба, местное самоуправление, лицензирующие органы, Ростехнадзор, региональные администрации, таможенные органы.

В этой группе улучшение оценок заметно выражено, но оно привело к «низкому фону» проблем, но не к полному исчезновению трений. Очевидно, за прошедшие годы произошла стандартизация и снижение конфликтности, но по-прежнему есть процессы и процедуры, которые могут мешать в работе компаний.

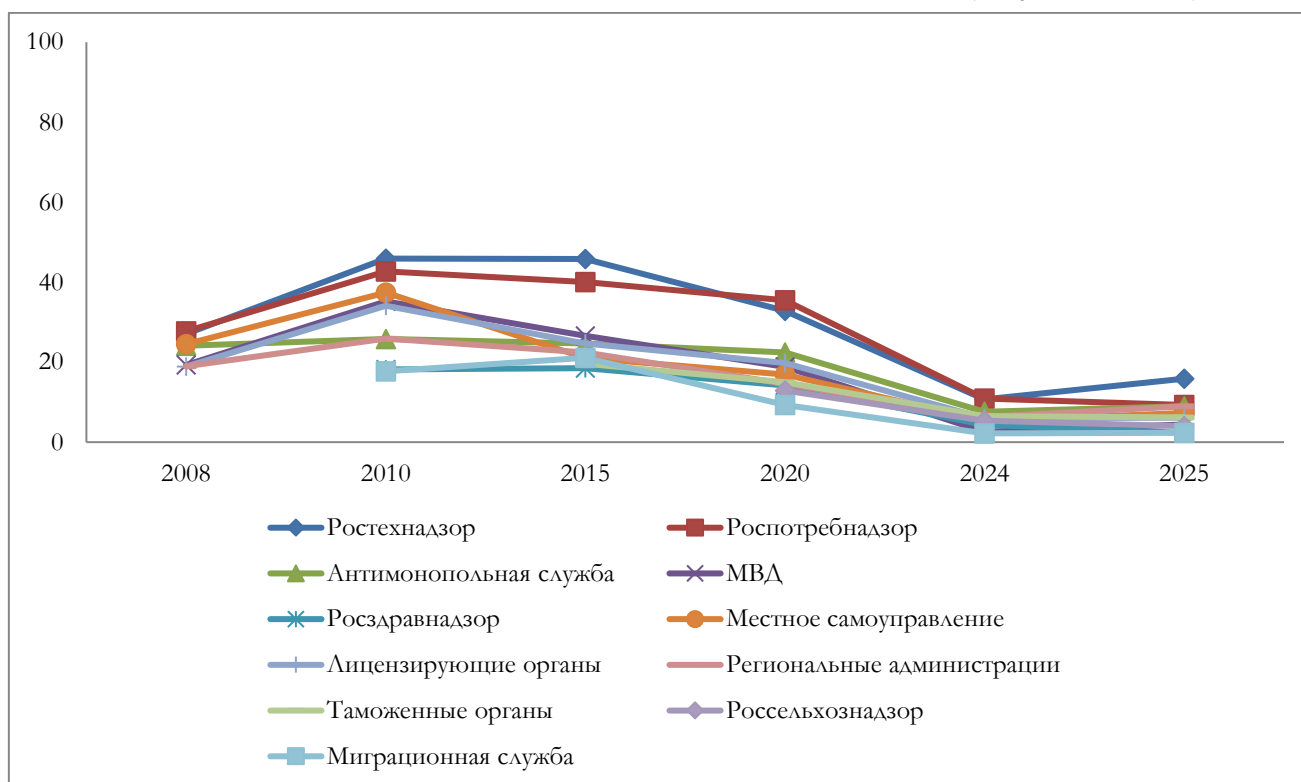
Наиболее проблемным в этой группе выглядит взаимодействие с Ростехнадзором (доля негативных оценок в 2024 году равна 15,9 %), с Роспотребнадзором (9,3 %), с антимонопольной службой (9 %).

3. Короткий ряд / низкая база

Россельхознадзор (данные с 2020 года), миграционная служба.

Здесь изначально были либо довольно низкие значения доли «КНО мешает в работе» (некуда снижаться), либо данные доступны только за последние пять лет.

Динамика негативных оценок влияния контрольно-надзорных органов на деятельность компаний (Группы 2 и 3), %

Доли приведены к числу респондентов, оценивших свой опыт взаимодействия с КНО. Данные представлены по динамике суммы долей вариантов «КНО сильно мешает работе компании» и «немного мешает». Значения округлены до целого числа.

Конкуренция

В области конкуренции ситуация последовательно улучшалась: за прошедшие годы, начиная с 2008 года, значительно сократились случаи недобросовестной конкуренции. Доля ответа «компания не сталкивалась с подобными нарушениями» выросла с 35 до 55 %.

Самым сложным годом, по оценкам компаний, был 2010 год, когда три четверти всех опрошенных ответили, что им пришлось иметь дело с

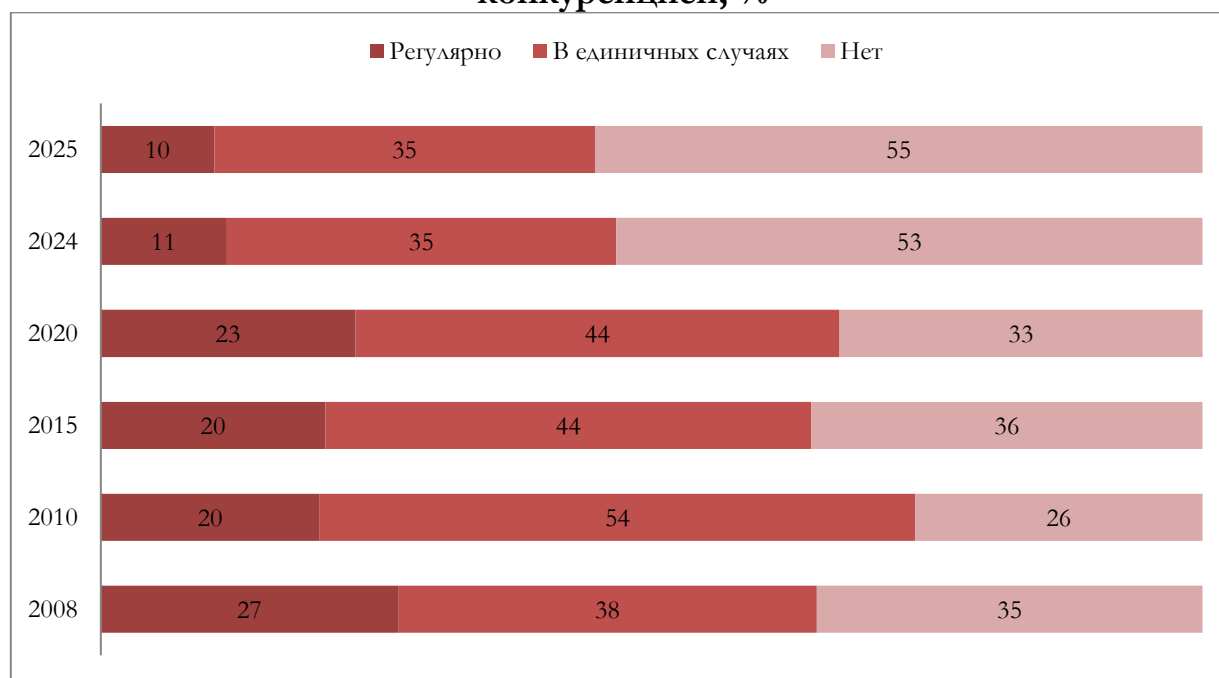
проявлениями недобросовестной конкуренции. В это время наблюдается высокая конфликтность – порядка 20 % респондентов отметили регулярность и систематичность нарушений.

В 2015 и 2020 годах распределение выглядит стабильным: около 35 % компаний выбрали ответ «нет»; в единичных случаях с недобросовестной конкуренцией приходилось сталкиваться порядка 44 % компаний.

2024 год стал годом кардинальных изменений: доля регулярных нарушений снизилась сразу до 11,4 % (-11,7 п. п. от значения 2020 года), доля единичных случаев – до 35,3 % (-8,6 п. п.).

В отчётный год оценки повторяют оценки 2024 года, что свидетельствует о более зрелом состоянии конкурентной среды в стране, чем на начальном этапе проведения исследования о деловом климате.

Нарушение прав компании: столкновение с недобросовестной конкуренцией, %

Значения округлены до целого числа.

Большинство предприятий (около 57 %) в 2024 и 2025 годах сообщили, что в своей работе они не встречались с нарушениями антимонопольного законодательства¹⁸.

¹⁸ Вопрос был добавлен в анкету после 2020 года.

Среди наблюдаемых случаев самым частым нарушением компании назвали ценовой демпинг. Две трети организаций, ответивших положительно на вопрос, выбрали именно этот вариант.

Следующими по распространённости стали случаи злоупотребления доминирующим положением на рынке со стороны контрагентов или конкурентов (33,3 %). Примерно с той же частотой респонденты упоминали недобросовестную конкуренцию, включая некорректное сравнение товаров, работ, услуг, копирование и незаконное использование товарного знака и т. д.

Четверть организаций отметила, что они сталкивались с нарушениями при проведении закупок.

Статистически значимо сокращение за год доли компаний, указавших ответ «недобросовестная конкуренция», – с 44,9 % до 28,7 %.

Виды нарушений антимонопольного законодательства, с которыми сталкивались компании, %

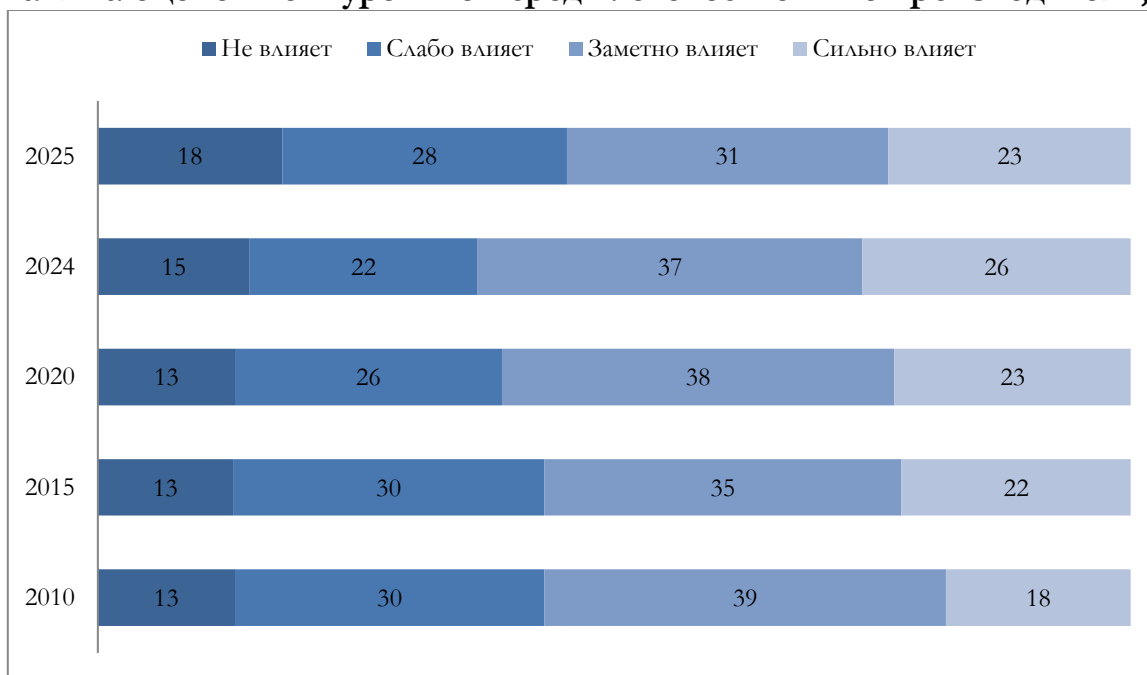
Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они сталкивались с нарушениями антимонопольного законодательства в отчётные годы. Участники могли выбрать несколько вариантов из списка, поэтому сумма долей не сводится к 100 %. Значения округлены до целого числа.

Влияние внешней конкуренции выглядит по-разному в зависимости от источника. Наибольшее давление российский бизнес отмечает со стороны отечественных производителей, а минимальное – со стороны внешних игроков. Динамика за 2010–2025 годы говорит об умеренных колебаниях значений при сохранении главенства внутренней конкуренции.

В отчётный 2025 год более половины опрошенных (54,5 %) оценили влияние со стороны российских компаний как заметное или сильное. В 2020 и 2024 годах совокупно доля этих ответов была больше 60,9 % и 63,2 %, соответственно. К этому добавляется рост доли организаций, которые в целом не видят конкурентов из России, с 13–15 п. п. в остальные годы до 18 п. п.

В целом, 2025 год характеризуется небольшим снижением интенсивности конкурентного давления в стране по сравнению с предыдущими периодами.

Динамика оценок конкурентной среды: отечественные производители, %

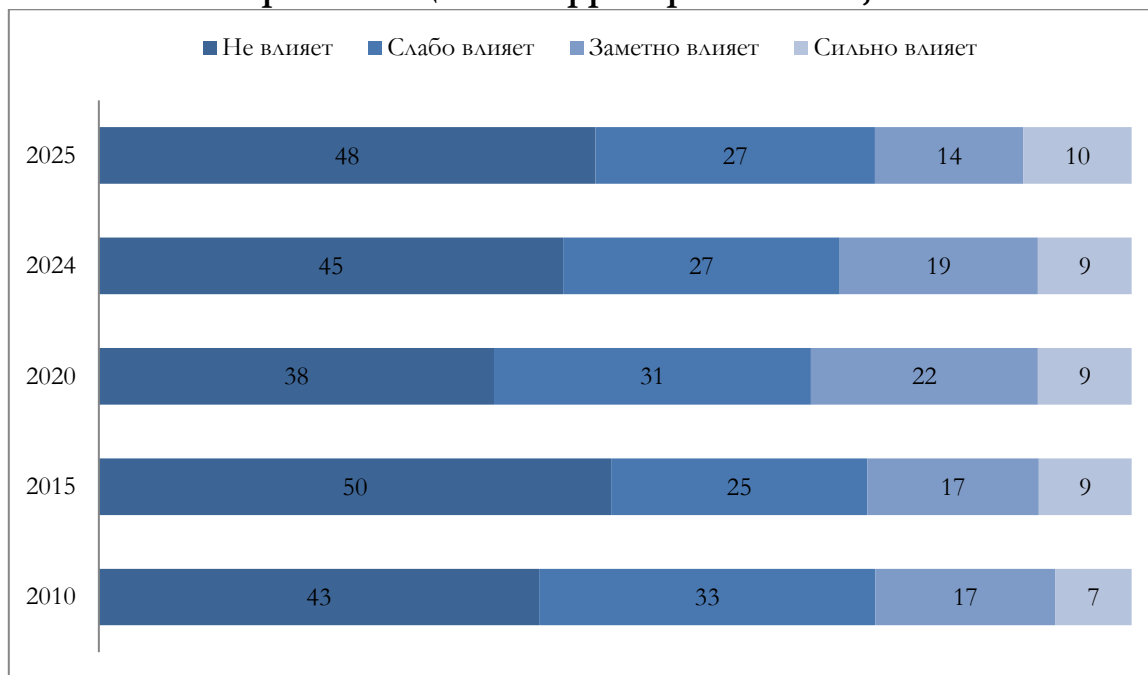
Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

48,1 % компаний сообщили в 2025 году, что не чувствуют на себе конкурентного давления со стороны иностранных производителей, работающих на территории России. В другие годы – в 2010, 2015, 2024 – доля отрицательных ответов была примерно такой же.

Исключением выглядит 2020 год, когда оценки оказались смещены к ответам «слабо влияет» и «заметно влияет».

В 2025 году 14 % компаний назвали конкуренцию со стороны иностранных производителей, работающих на территории РФ, заметной, и десятая часть – сильной.

Динамика оценок конкурентной среды: иностранные производители, работающие на территории России, %

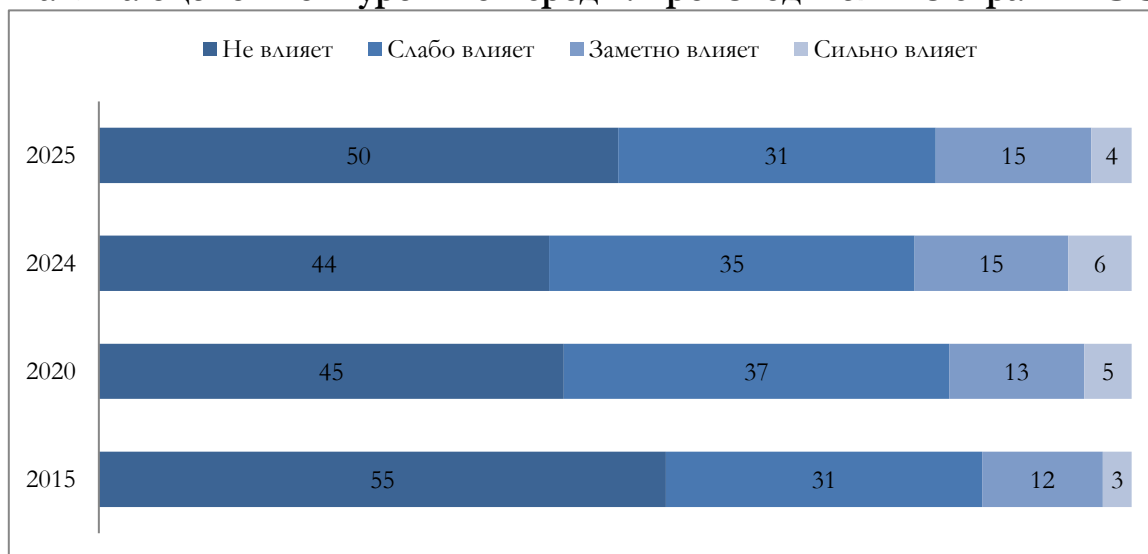

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Половина компаний в 2025 году не замечала влияния конкурентов из числа производителей из стран ЕАЭС. В 2020 и 2024 году респонденты отмечали отрицательный ответ реже – доля выросла примерно на 5-6 п. п. при одновременном сокращении интервала оценок «слабо влияет».

Крайне редко во все волны исследования компании сталкивались с сильным конкурентным давлением со стороны производителей из ЕАЭС. Это, скорее, исключение.

Динамика оценок конкурентной среды: производители из стран ЕАЭС, %

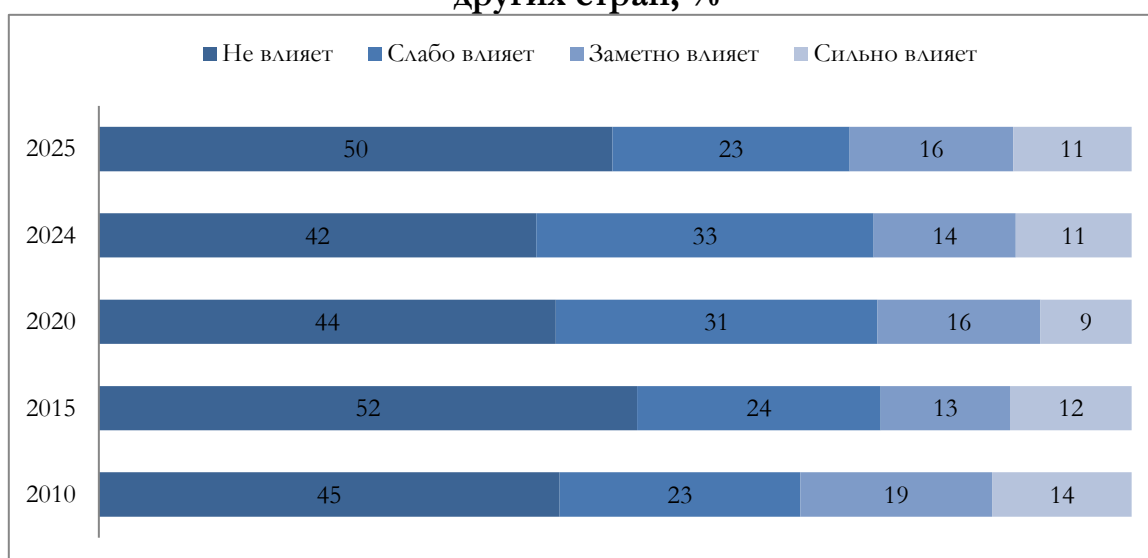

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В случае оценки конкуренции со стороны импортёров опять же половина компаний остановилась в 2025 году на отрицательном ответе. По сравнению с данными за 2010, 2020 и 2024 годы, доля выросла, а оценки 2015 года фактически повторяют оценки последнего отчётного периода.

Сильным влияние конкурентов из числа импортёров назвали в 2025 году 12 % участников, заметным – 16 % организаций. В этом случае доли отличаются только от оценок 2010 года, когда присутствие импортёров на рынке ощущалось более интенсивно.

Динамика оценок конкурентной среды: производители-импортёры из других стран, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В целом, по всем категориям динамика сглаженная.

Инфраструктура для бизнеса

Во все волны исследования компании оценивали состояние различные виды инфраструктуры в своих регионах присутствия с помощью 7-балльной шкалы, где 1 балл – состояние очень плохое, 4 балла – среднее, 7 баллов – очень хорошее.

В целом, данные свидетельствуют о последовательном улучшении оценок почти всех компонентов инфраструктуры за прошедшие семнадцать лет.

Максимальная позитивная динамика отмечается при оценке состояния автомобильных дорог (негативные оценки сократились с 2008 года на 48,9 п. п.).

Примером успешной модернизации стали электросети (в этом случае доля негативных ответов уменьшилась на 24,5 п. п.).

Банковская система занимает лидерскую позицию по доле положительных оценок. Близко к этому располагается система страхования.

Также высоко российский бизнес оценивает состояние железных дорог (доля 68,4 % положительных оценок в 2025 году), состояние газоснабжения (доля 62,7 %), телекоммуникационную сферу (доля 62,1 %).

Оценки альтернативного финансирования – лизинга, факторинга и микрофинансирования – значительно улучшились по сравнению с 2015 годом.

Проблемными пока остаются такие компоненты инфраструктуры, как порты и биржи.

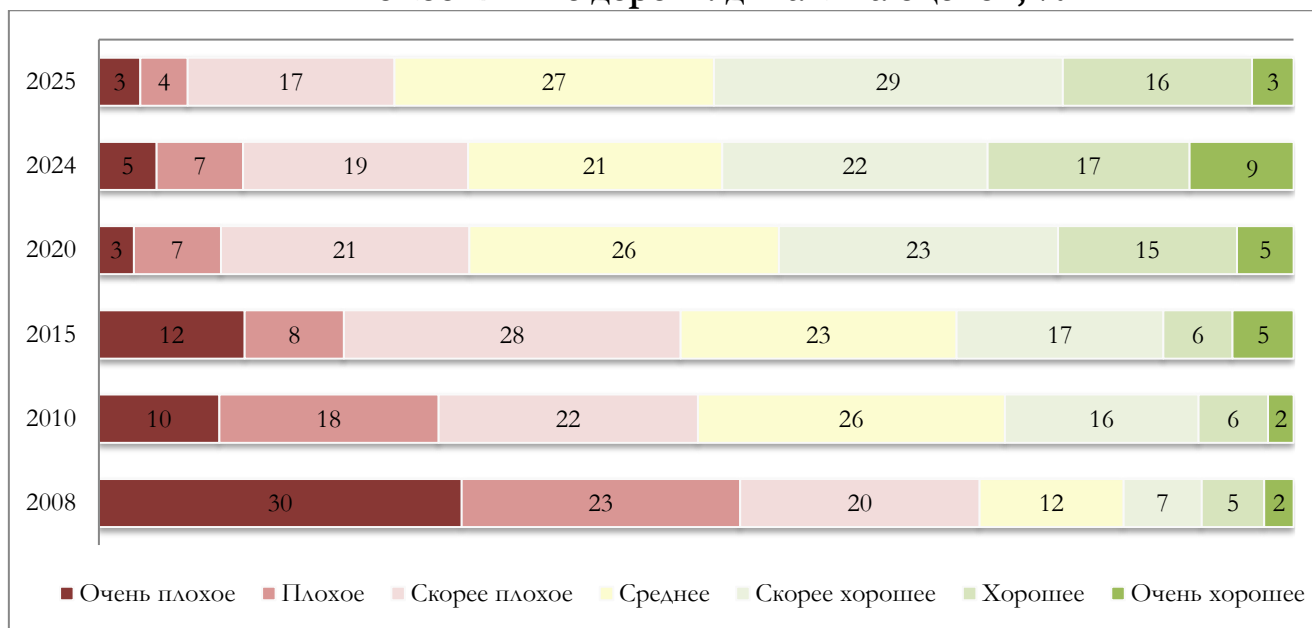
К тому же порты, биржи, а также фондовый рынок, валютный рынок и рынок цифровых финансовых активов остаются лидерами по доле отказов – более 30 % респондентов решили не предоставлять оценку (из распределения они исключены).

Из транспортной инфраструктуры самые значимые изменения произошли в оценке состояния автомобильных дорог: в 2008 году негативные ответы выбрали почти три четверти респондентов, в 2010 году их доля снизилась до 50,2 % в пользу нейтральных и положительных оценок. Следующий этап улучшения оценок произошёл в 2020 году, когда негативные оценки поставили уже 31 % опрошенных, а в 2025 году их доля сократилась – на 6,2 п. п. до 24,8 %.

Соответственно, положительные оценки составили в 2025 году 48,5 %, тогда как в 2008 году их доля была равна 14,2 %.

В отчётный период средний балл – 4,2 пункта. В 2008 году он был значительно ниже – 2,7 балла.

Автомобильные дороги: динамика оценок, %

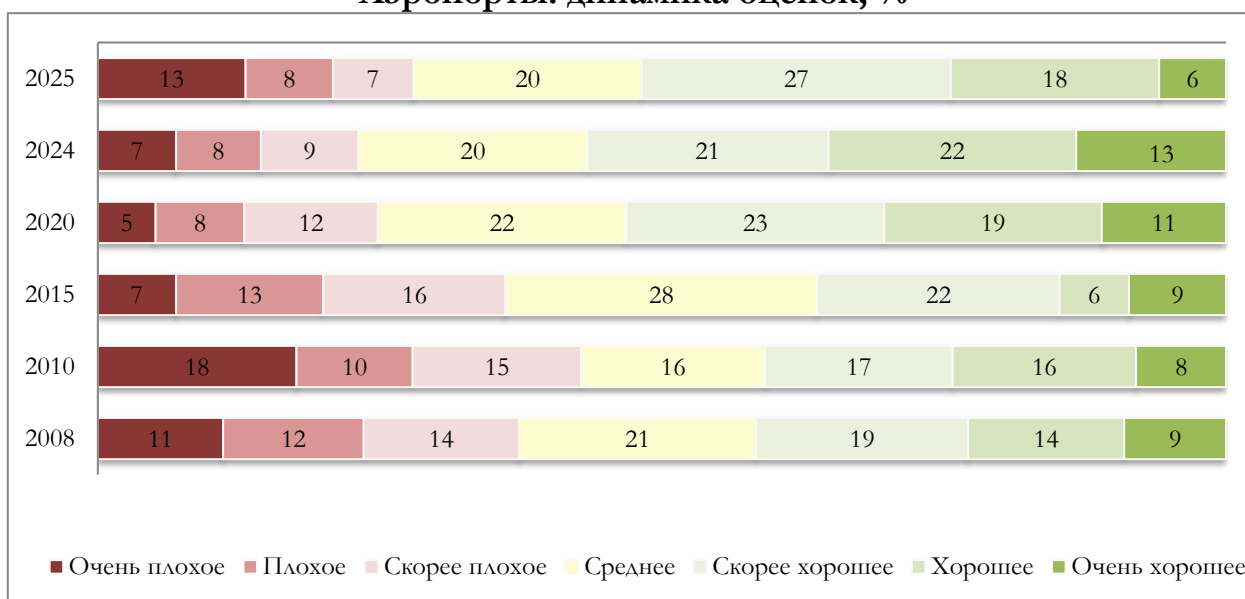

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Самые худшие оценки состояния инфраструктуры аэропортов респонденты поставили в 2010 году, когда оценки «плохо» достигли 42,9 %. Затем, в 2015 году доля негативных ответов сократилась до 36,5 %, компании стали чаще указывать нейтральные оценки. В 2020 и 2024-2025 годах зафиксирован перевес положительных оценок – более половины участников опроса стали выбирать именно их.

Средний балл составил в 2025 году 4,2 пункта, в 2008 году он был почти таким же – 4 балла ровно.

Аэропорты: динамика оценок, %

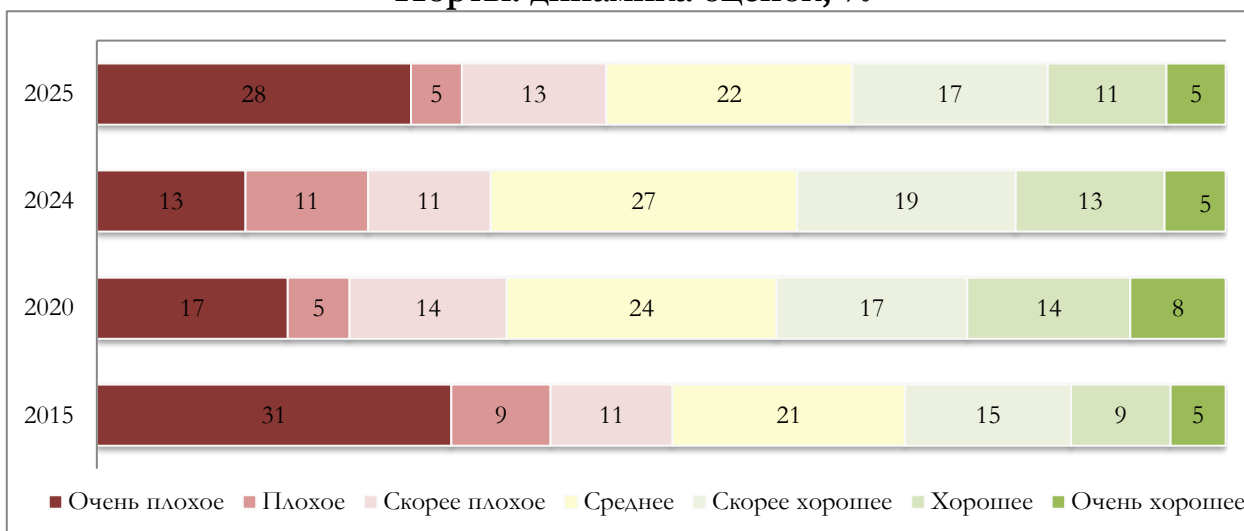

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Состояние портовой инфраструктуры российские компании оценили в 2025 году скорее плохо – негативные ответы преобладают над нейтральными и положительными: 45,1 % против 21,8 % и 33,1 %, соответственно. В 2015 году была похожая картина, а в 2020 и 2024 годах оценки выглядели лучше: тогда доля негативных оценок составляла около 35-36 %.

Средняя оценка равна 3,5 балла в 2025 году. В 2015 году, когда этот компонент инфраструктуры был добавлен для оценки, оценка была чуть ниже – 3,3 балла.

Порты: динамика оценок, %

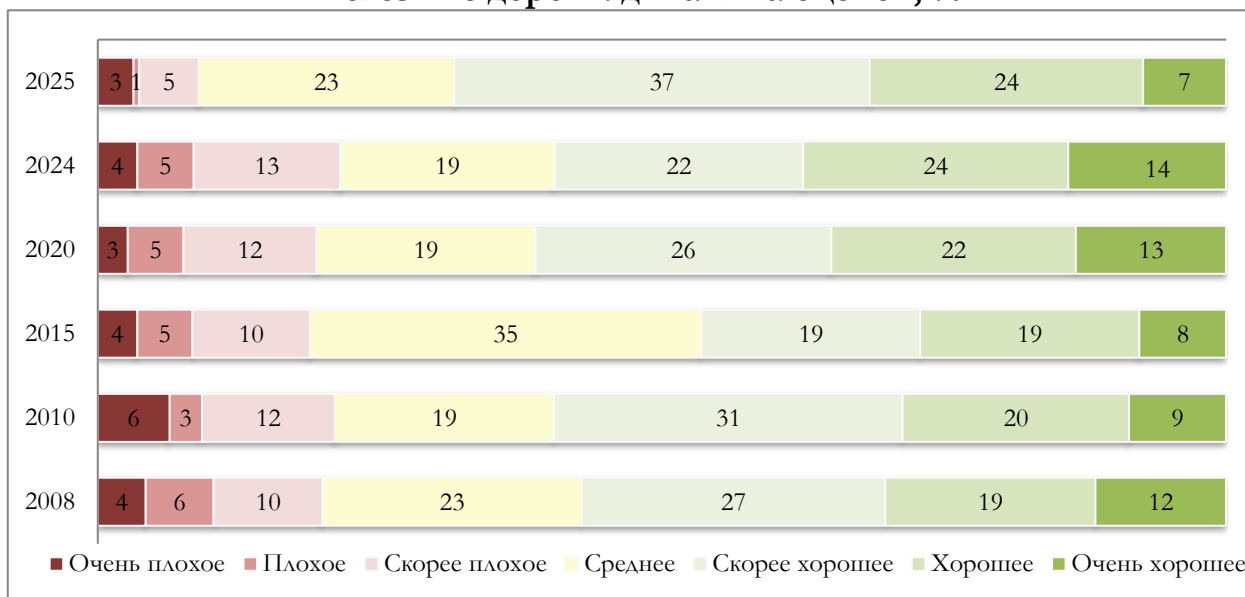

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Железные дороги участники оценивали на всём долгосрочном горизонте довольно высоко: доля положительных оценок составляла примерно 60 % (за исключением 2015 года, когда доля была минимальна – 41,5 %). Распределение оценок на протяжении 2008, 2010, 2020 и 2024 годах было примерно одинаковым, а в 2025 году произошло некоторое улучшение ситуации, и положительные ответы о состоянии железных дорог компании стали отмечать чаще – в 68,5 % случаев.

Средний балл составил 4,9 пункта. Он подрос на 0,3 пункта с 2008 года.

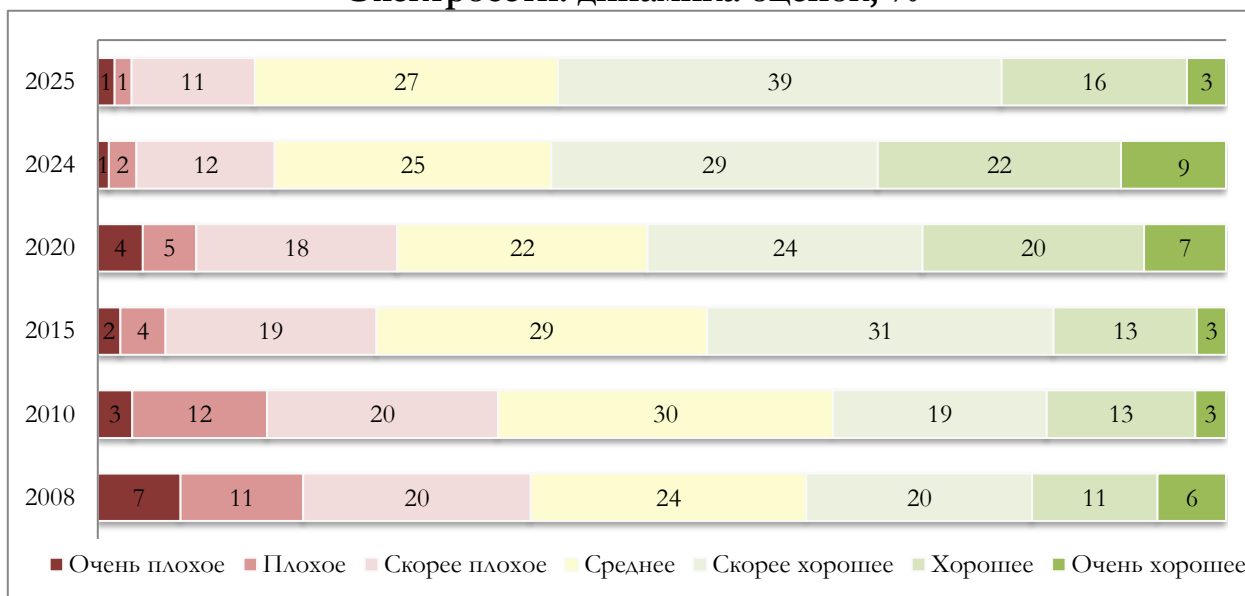
Железные дороги: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В области энергоснабжения и коммунальной инфраструктуры эталоном модернизации стали энергосети. В 2008 и 2010 годах положительные оценки указывали чуть более трети опрошенных (отрицательные оценки тогда набирали примерно столько же). Затем, в 2015 году ситуация начала меняться к лучшему: положительные оценки поставили уже 46 % опрошенных предприятий. В 2020 году их доля выросла до 51,3 %, а в 2024-2025 годах она составила около 60 %. Одновременно с этим доля негативных ответов сократилась за прошедшие волны исследования на 24,5 п. п. Средний балл в 2025 году равен 4,6 пункта против значения 2008 года 4 балла.

Электросети: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

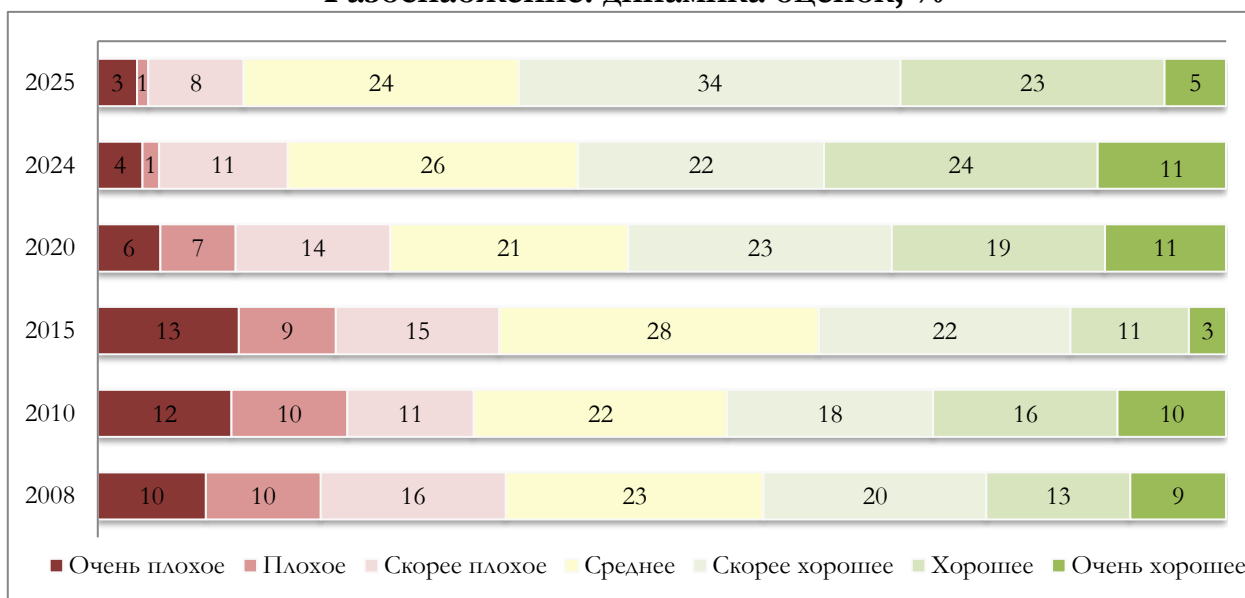
Динамика оценок газоснабжения также положительная. Правда, в этом случае в 2015 наблюдался откат значений, когда доля положительных оценок сократилась с 44,2 % (2010) до 36,1 % в пользу нейтральных ответов.

Но уже в 2020 году оценки изменились к лучшему: более половины предприятий (53 %) выбрали ответы «состояние газоснабжения скорее хорошее – очень хорошее». Доля негативных оценок сократилась примерно на 10 п. п.

Затем восходящий тренд укрепился, и в 2025 году только 12,9 % поставили негативные оценки, а положительные указали две трети респондентов.

Среднее значение – 4,8 балла. Оно выросло с 2008 года на 0,7 пункта.

Газоснабжение: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

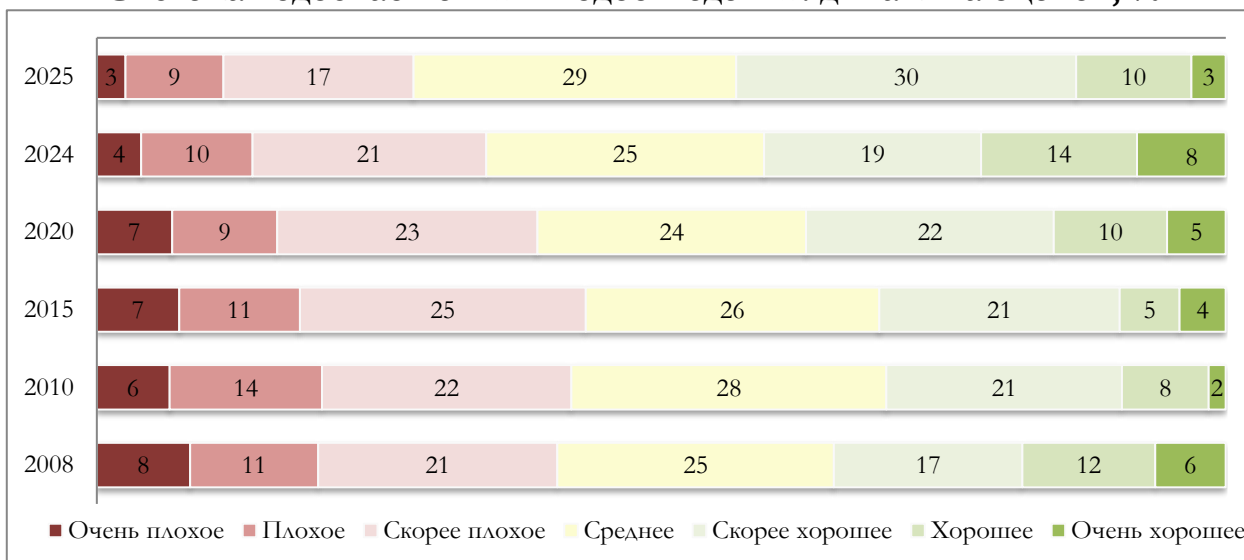
Оценки систем водоснабжения и водоотведения, начиная с 2008 года и заканчивая 2015 годом, устойчиво смещены к негативной области значений. Перевес зафиксирован на уровне 10 п. п.

В 2020 году положительные и негативные оценки сблизились и составили примерно 37–39 %.

В 2024 году впервые перевес остался за положительными ответами: 40,9 % против 34,5 %. В отчётном, 2025 году тренд устоялся, и доля негативных оценок сократилась ещё на 6,4 п. п. до 28,1 %, в то время как положительные ответы стали выбирать 43,4 % респондентов.

Средний балл составил 4,2 пункта. В 2008 году он был равен 3,9 балла.

Система водоснабжения и водоотведения: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

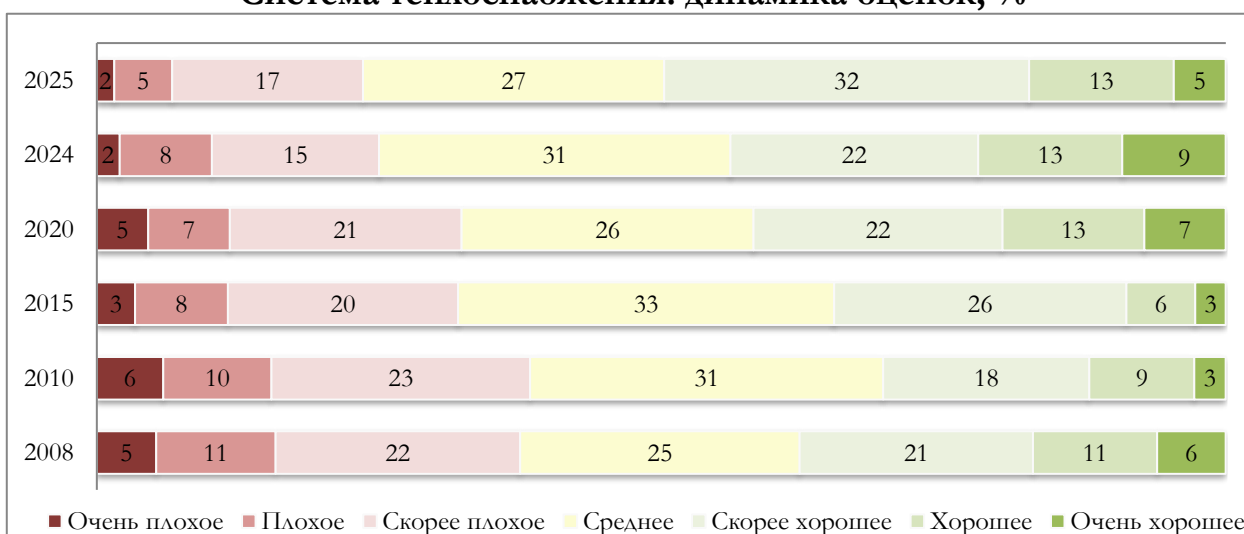
В 2025 году 49,7 % компаний оценили состояния теплоснабжения как хорошее. В 2020 и 2024 годах доли положительных оценок были немного ниже — 41,8 % и 43,9 %, соответственно. В 2015 году ответы из положительного интервала выбрали чуть более трети опрошенных предприятий. В 2010 году оценки были ещё ниже.

Четверть компаний в 2025 году недовольна состоянием теплоснабжения, в 2008 и 2010 годах доля негативных ответов была больше почти на 15 п. п.

В целом, на долгосрочном горизонте произошло улучшение оценок.

Средняя оценка составила 4,4 балла в 2025 году против 4 баллов в 2008 году.

Система теплоснабжения: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Из компонентов инфраструктуры финансового сектора лидером по положительным ответам стала банковская система: 69,2 % компаний выбрали в

2025 году ответы в диапазоне «скорее хорошее – очень хорошее», в 2024 году доля положительных оценок составляла чуть меньше – 65 %.

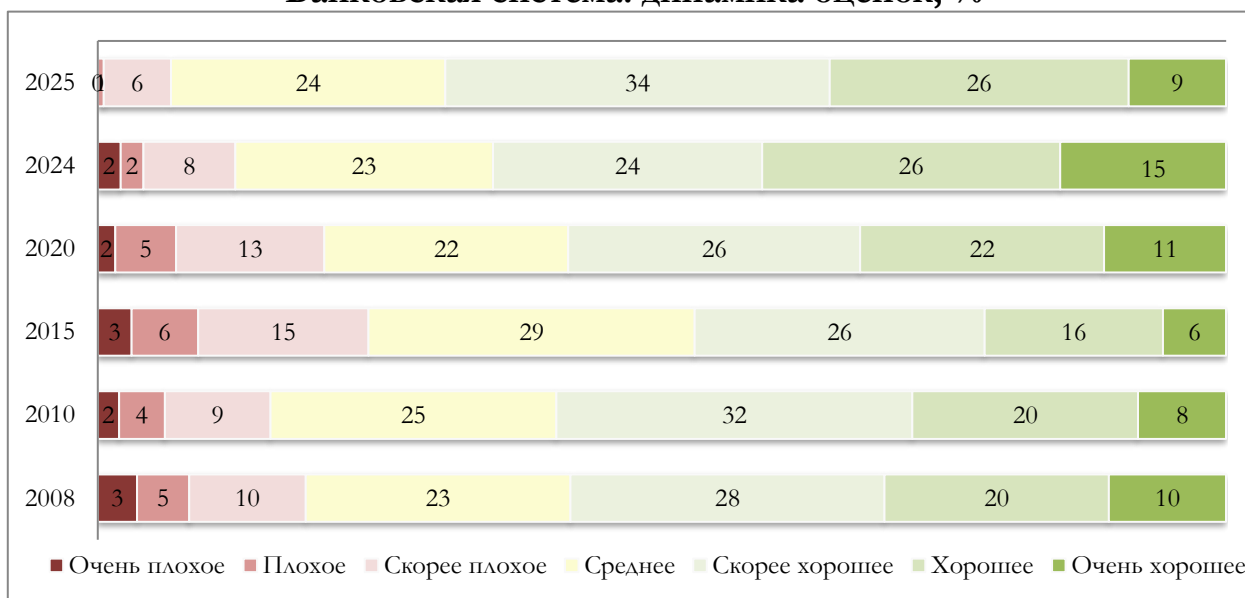
В начальные волны исследования – в 2008 и 2010 годах положительные ответы также преобладали со значительным перевесом. Тогда около 60 % оценивали состояние банковской системы позитивно, а доля негативных ответов составляла 15–18 %. В 2015 году ситуация изменилась к худшему, и доля негативных оценок подросла до 24 % при сокращении положительных оценок до 47,1 %.

В 2020 году произошло возвращение значений к привычной области, и снова 58 % компаний поставили банковской системе положительные оценки.

В 2024 и 2025 годах динамика восходящая. К тому же ни один из респондентов в 2025 году не остановился на ответах «состояние банковской системы очень плохое или плохое».

Средний балл достиг значения 5,1 пункта, в 2008 году оно было ниже на 0,4 балла.

Банковская система: динамика оценок, %

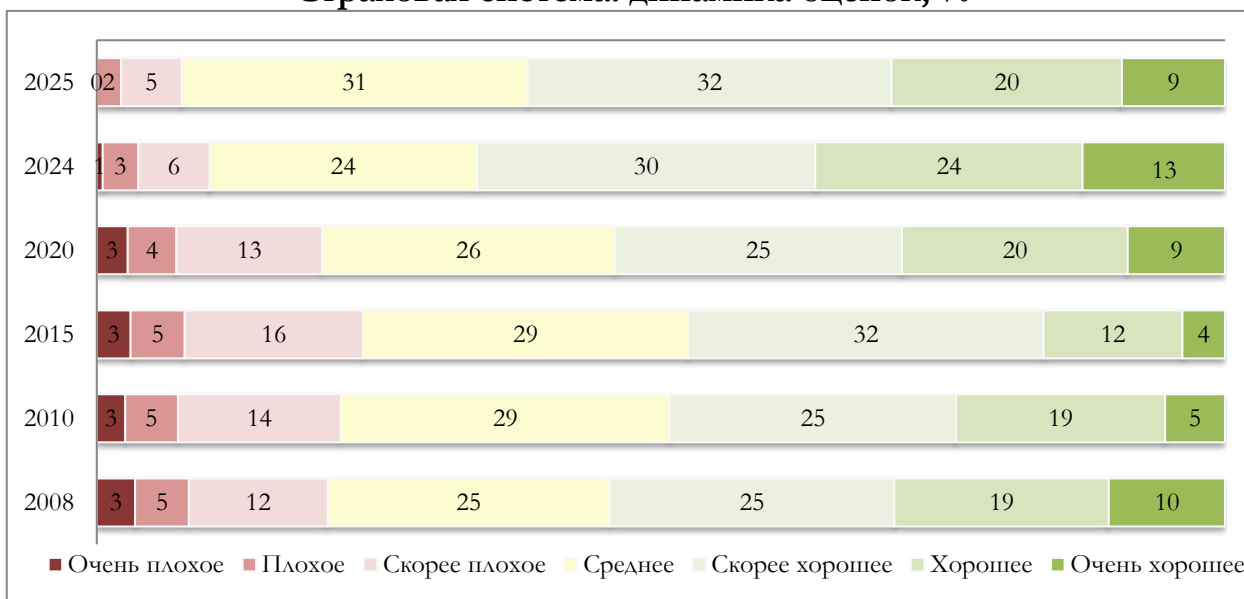
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В 2008, 2010, 2015 и 2020 годах около пятой части опрошенных предприятий отмечали, что состояние страховой системы – плохое (в различной степени). В 2024 и 2025 годах доли негативных оценок сократились в два раза.

В последние два года заметно выросла доля положительных оценок – если ранее их выбирали не более 55 %, то в 2024 году доля составила уже 66,3 %. В отчётный период она немного ниже – 61,8 %, но всё равно значительно отличается от данных за 2008–2020 годы.

Средний балл равен 4,9 пункта (+0,3 пункта к значению 2008 года).

Страховая система: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Биржевую инфраструктуру негативно оценили в 2025 году более трети респондентов. 38,5 % компаний остановились на нейтральных оценках. 26,7 % организаций считают, что качество биржевой инфраструктуры хорошее.

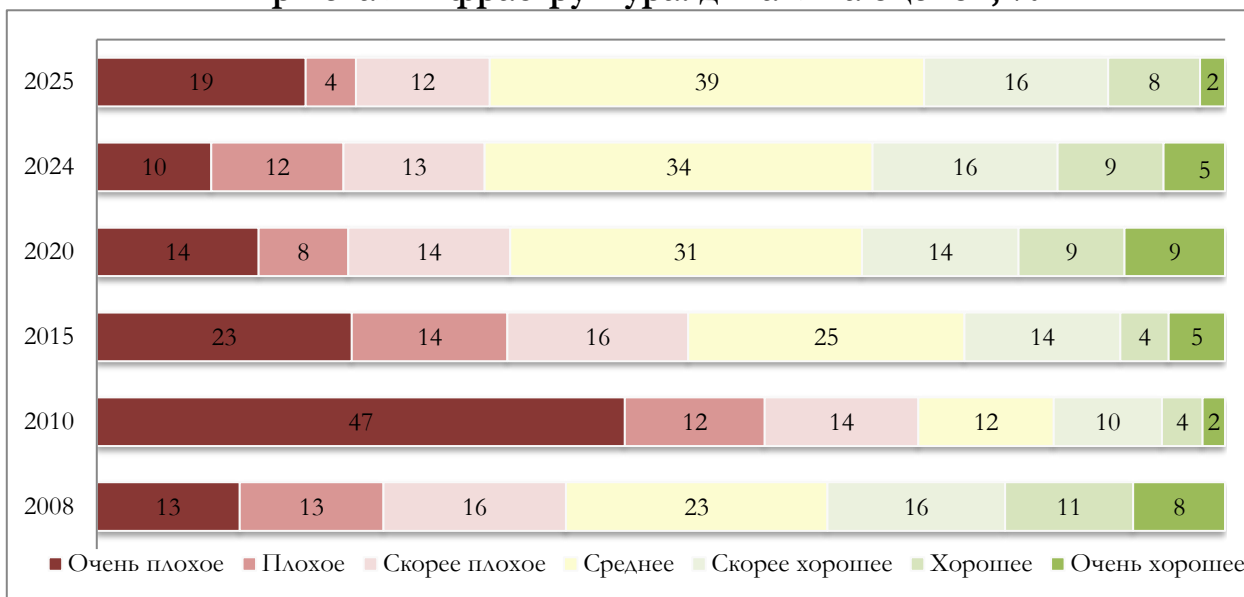
В 2020 и 2024 годах доля положительных ответов была выше – 31-32 %.

Если смотреть на все волны исследования, то самый высокий уровень негатива по отношению к биржевой инфраструктуре наблюдался в 2010 году, когда доля негативных оценок достигла 72,8 %.

Затем, в 2015 она снизилась до 52,4 %, но перелом к лучшему произошёл позже – в 2020 году, когда доли негативных, нейтральных и положительных ответов стали примерно равны.

Средний балл составил 3,6 пункта в 2025 году. В 2008 году значение было равно 3,8 балла.

Биржевая инфраструктура: динамика оценок, %

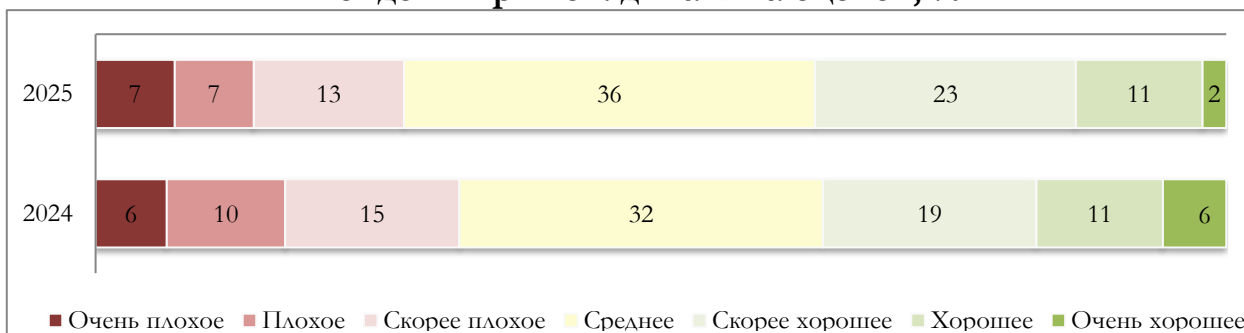
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Компоненты инфраструктуры «фондовый рынок», «валютный рынок» и «рынок цифровых финансовых активов» были добавлены для оценки после 2020 года.

Состояние фондового рынка 36,4 % компаний оценили нейтрально, и столько же организаций остановились на положительных оценках. Чуть более четверти опрошенных указали негативные ответы. В 2024 году респонденты чаще отмечали негативные оценки – в 32,2 % случаев.

Среднее в 2024 и 2025 годах совпадает – 4 балла.

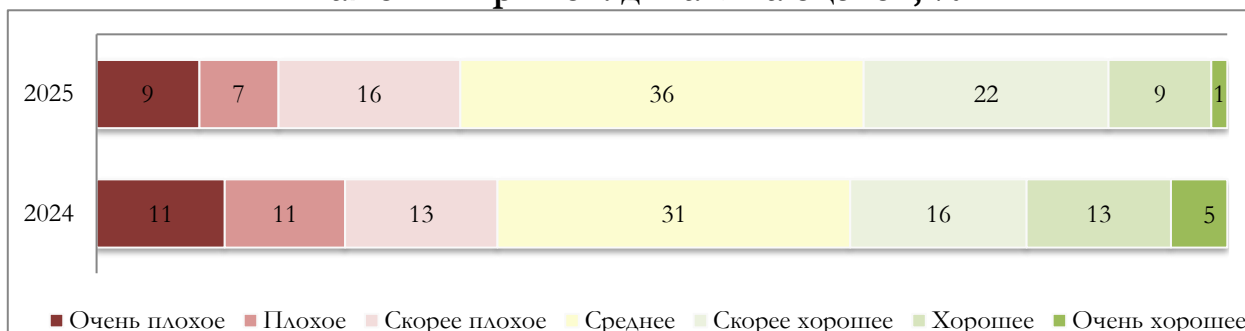
Фондовый рынок: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Около трети компаний считают, что состояние валютного рынка – плохое. Ровно столько же участников выбрали положительные ответы. Доля нейтральных оценок чуть больше – 35,7 %. В 2024 и 2025 годах оценки близки. Среднее значение в оба года составляет 3,9 балла.

Валютный рынок: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Рынок цифровых финансовых активов оценили негативно в 2025 году 37,1 % респондентов. Нейтральные оценки составили долю 33,6 %. Менее 30 % опрошенных остановились на положительных ответах.

В этом случае результаты 2024 и 2025 годов примерно одинаковые. Средний балл равен 3,8 пункта.

Рынок цифровых финансовых активов: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Из компонентов инфраструктуры альтернативного финансирования самые высокие оценки компании поставили лизинговым услугам.

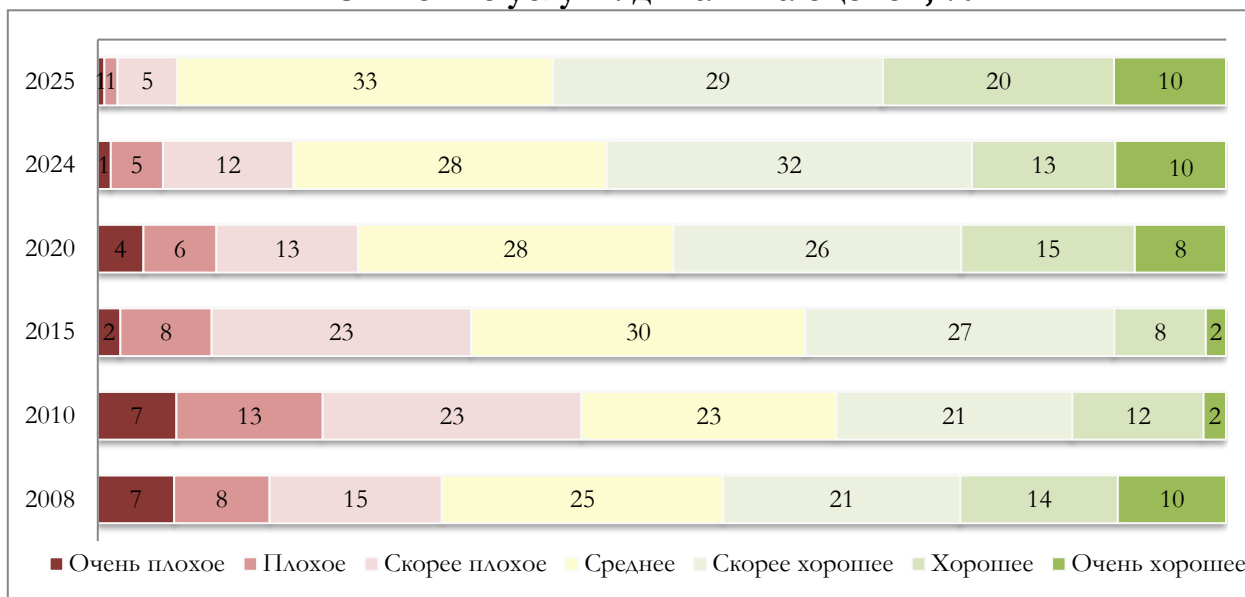
Около 60 % респондентов оказались солидарны в том, что качество лизинговых услуг в 2025 году – хорошее. Треть компаний указала нейтральные ответы. По сравнению с 2024 годом, на 10 п. п. сократилась доля негативных оценок.

В 2008–2020 годах оценки лизинговых услуг были немного хуже: участники реже выбирали положительные оценки и чаще – негативные.

Максимальную долю негативные ответы составили в 2010 году, когда 42,9 % опрошенных предприятий заявили, что качество лизинговых услуг в России – плохое.

В 2025 году средняя оценка – 4,9 балла, за прошедшие годы она выросла на 0,6 балла.

Лизинговые услуги: динамика оценок, %

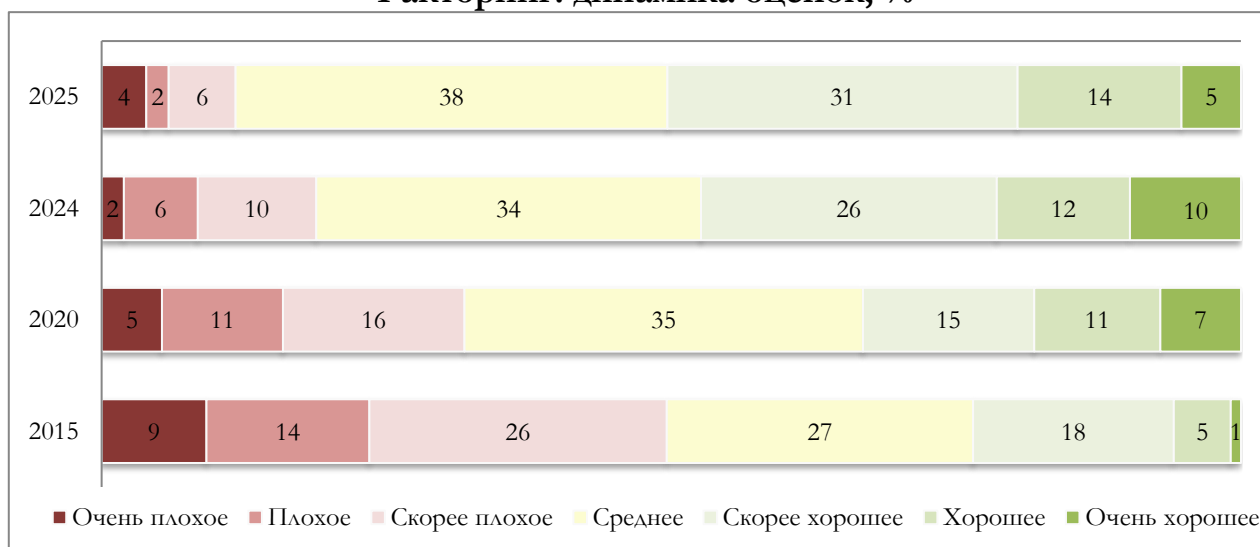
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Примерно половина респондентов в 2015 году оценила качество услуг факторинга негативно¹⁹. Тогда четверть организаций отметила положительные ответы.

В последующие периоды оценки последовательно улучшились, и в 2025 году доля негативных оценок сократилась до 11,8 %. Участники стали значимо чаще указывать нейтральные и положительные ответы. В итоге, половина опрошенных предприятий сообщила, что качество услуг факторинга хорошее.

Среднее значение равно 4,5 балла против 3,5 балла в 2015 году.

Факторинг: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

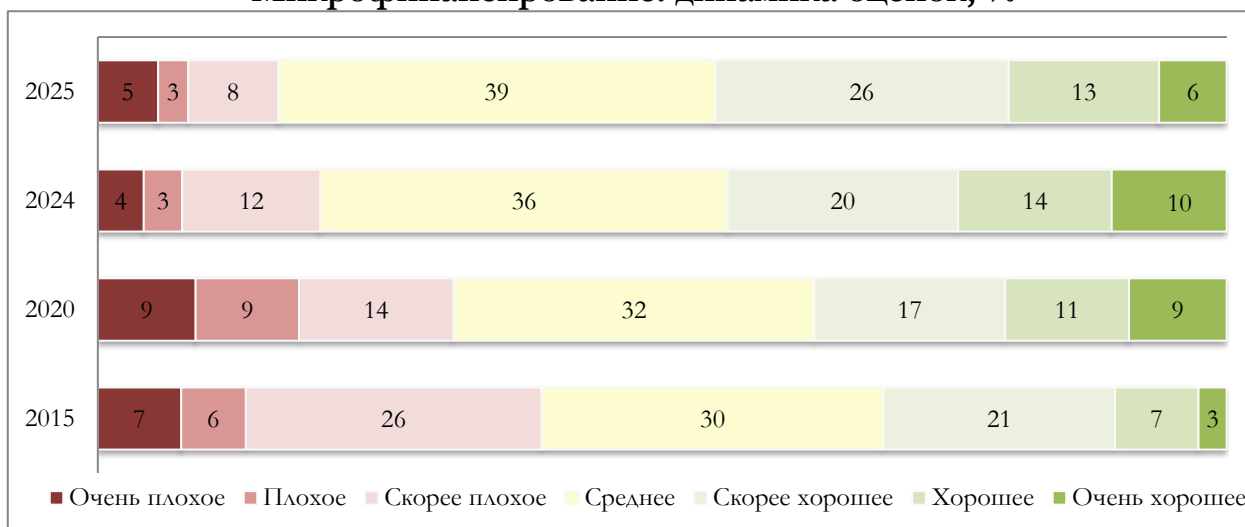
¹⁹ Этот компонент инфраструктуры был добавлен для оценки в 2015 году.

Сходная динамика зафиксирована и в случае оценки микрофинансирования. В 2015 году, когда этот компонент инфраструктуры был добавлен в опрос для оценки, почти 40 % респондентов назвали состояние микрофинансирования плохим. Теперь же – в 2025 году – с этим согласились только 16 % опрошенных.

45,3 % компаний остановились на положительных оценках, а 38,7 % организаций – на нейтральных.

Средний балл равен 4,4 пункта (+0,6 пункта к значению 2015 года).

Микрофинансирование: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

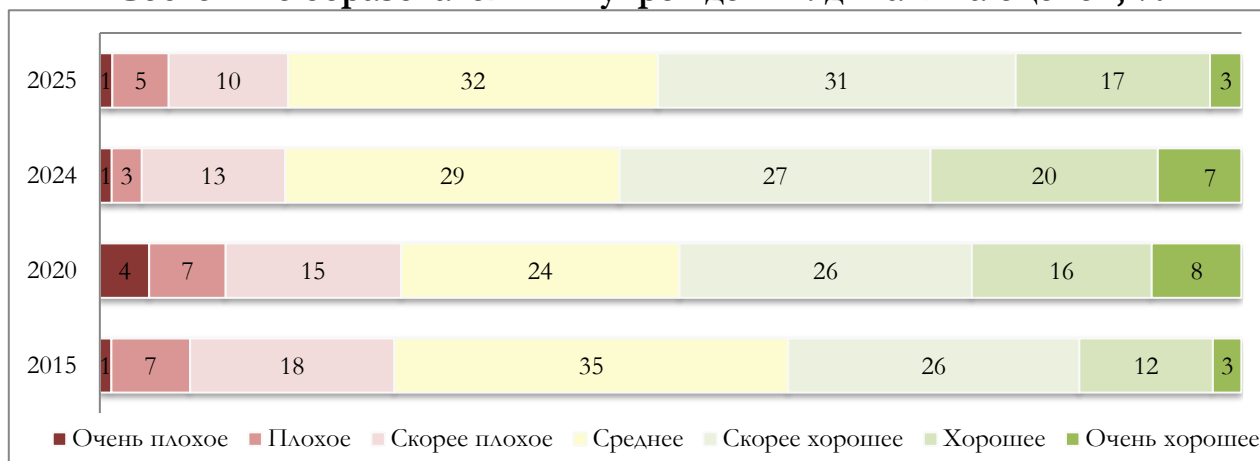
В последние два года менее пятой части опрошенных оценили негативно состояние образовательных учреждений²⁰. В этом случае преобладают положительные ответы «скорее хорошее – хорошее», их отметили более половины респондентов.

В 2015 и 2020 годах доля негативных оценок была больше на 10 п. п., положительные оценки компании выбирали значительно реже.

Среднее значение составило в 2025 году 4,5 балла, а десять лет назад оно было равно 4,2 балла.

²⁰ Этот компонент инфраструктуры был добавлен для оценки после 2010 года.

Состояние образовательных учреждений: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

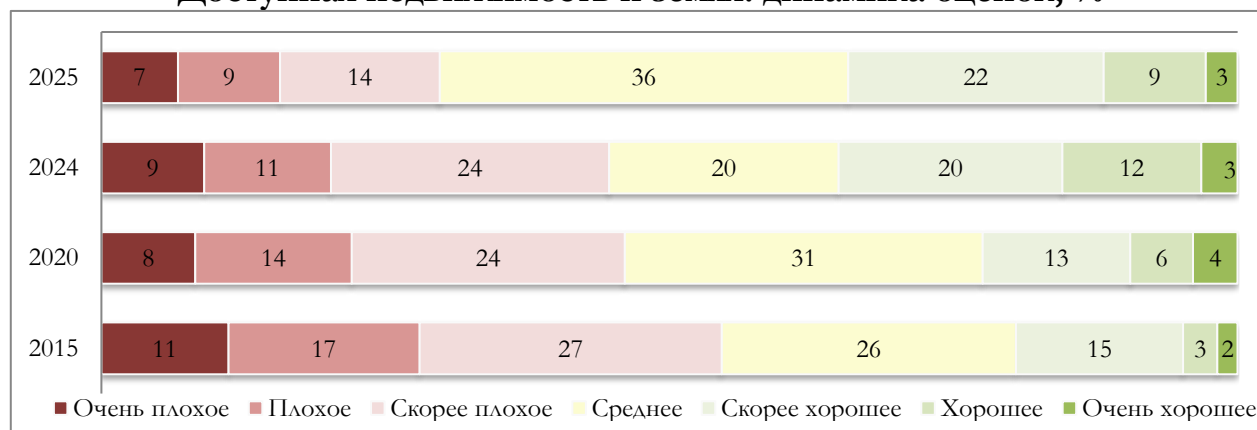
В 2015 году доступность земли и недвижимости негативно оценили 55 % респондентов²¹. В 2020 году оценки изменились незначительно – немного сместились в зону нейтральных ответов.

В 2024 году, по сравнению с 2015 годом, сократилась доля негативных ответов – почти на 10 п. п. до 44,7 %, а в отчётном, 2025 году она снизилась до 29,8 % в пользу нейтральных оценок.

В итоге, 36 % респондентов сообщили в 2025 году, что доступность земли и недвижимости – средняя. Примерно столько же компаний отметили положительные оценки.

Среднее значение составило 4 балла ровно. Оно прибавило с 2015 года 0,7 пункта.

Доступная недвижимость и земля: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

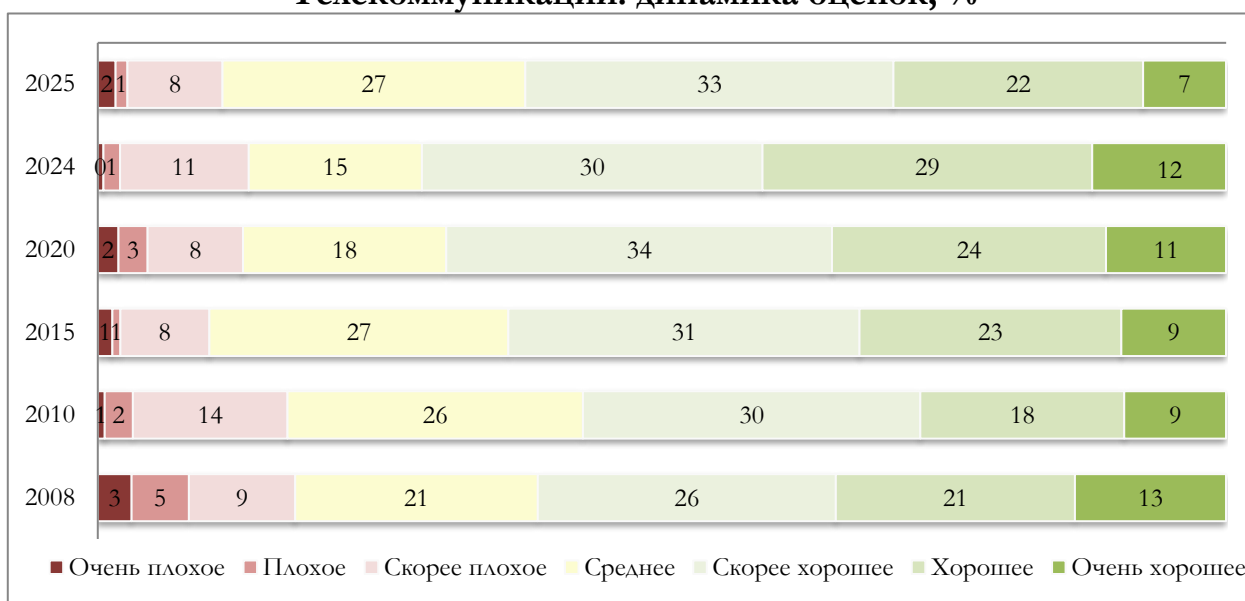
²¹ Этот компонент инфраструктуры был добавлен для оценки в 2015 году.

Телекоммуникации оставались в 2008–2024 годах лидерами по доле положительных оценок. В 2008 году их отметили 61 % респондентов. Затем, в 2010 году доля немного снизилась – до 57 %, но в 2015 году она снова подросла до 63,6 %. Самые высокие оценки телекоммуникационная сфера получила в 2020 и 2024 годах, когда около 70 % участников выбрали ответы в диапазоне «состояние скорее хорошее – очень хорошее».

Но в 2025 году компании стали реже указывать положительные оценки и чаще нейтральные. Доли оказались перераспределены на 10 п. п. в пользу ответа «состояние – среднее».

Средний балл составил в 2025 году 4,8 балла, как и в 2008 году.

Телекоммуникации: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа». Значения округлены до целого числа.

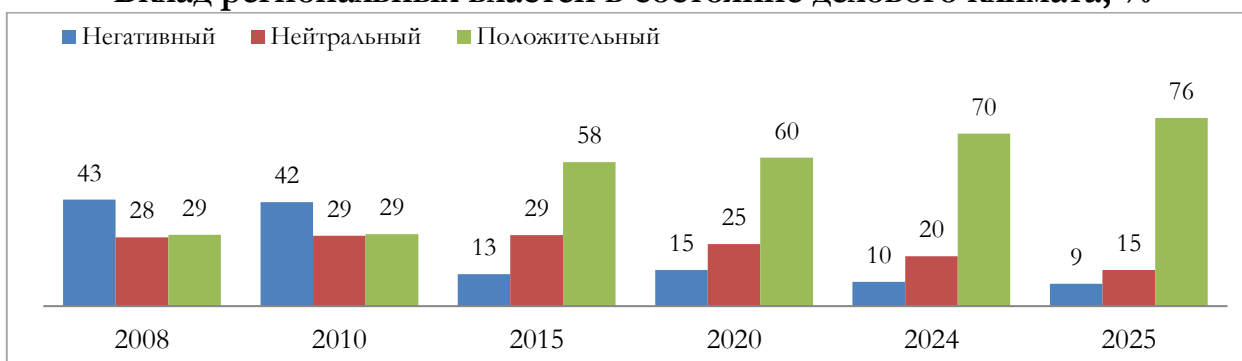
Региональный деловой климат

В 2025 году подавляющее большинство компаний (76,3 %) оценили вклад региональных властей в состояние делового климата положительно.

На долгосрочном горизонте – с 2008 года – доля положительных оценок выросла с 28,9 % на 47,4 п. п. За это время произошёл переход от преимущественно критического восприятия действий региональных властей к позитивному. Если в 2008 году баланс оценок был смещён в негативную сторону (доля негативных ответов была больше доли положительных на 14,3 п. п.), то к 2025 году ситуация изменилась принципиально: позитивные оценки теперь преобладают над негативными на 67,2 %.

В 2008–2010 годах изменений в оценках почти не было. В 2015 году зафиксирован главный перелом в оценках – доля положительных ответов выросла сразу на 29,2 п. п. при одновременном сокращении негативных оценок. В следующий пятилетний период (в 2015–2020 годах) ситуация стабильна – баланс между оценками сохраняется. В 2024 году доля позитивных оценок растёт с 60 п. п. до 70 п. п. за счёт уменьшения доли негативных, и в отчётный период происходит рост доли положительных ответов на 6,3 п. п. уже благодаря «сжатию» интервала нейтральных оценок. Всё это свидетельствует об усилении определённости позитивного восприятия вклада региональных властей.

Вклад региональных властей в состояние делового климата, %

Значения округлены до целого числа.

Один из ключевых индикаторов зрелости деловой среды на региональном уровне – динамика восприятия равенства условий, которые предоставляют региональные администрации бизнесу. Ранее предоставление преференций бизнес воспринимал как норму, теперь же – в 2024-2025 годах – стандартом стали равные условия ко всем компаниям.

С 2008 года доля компаний, сталкивающихся с дискриминацией со стороны властей региона в пользу других игроков на рынке, сократилась почти в 4 раза – с 56,3 % до 13,9 %.

Отрицательный ответ в 2008 году выбрали 43,8 % компаний, а в 2025 году его доля достигла уже 86,1 %.

Первый сдвиг в позитивную сторону – снижение системных преференций, которое компании отметили в 2010 году. По сравнению с данными за 2008 год, респонденты в два раза реже стали выбирать вариант «да, сталкивались регулярно» при одновременном росте доли отрицательных ответов.

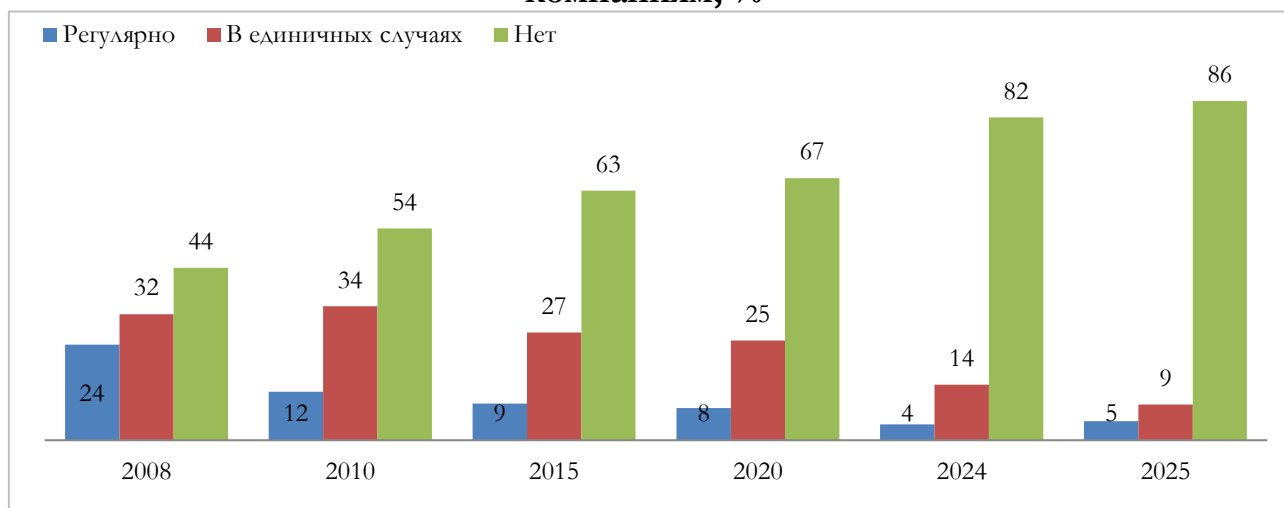
В период с 2010 по 2020 год процесс улучшения шёл постепенно и равномерно, без резких скачков: доля варианта «нет» выросла с 53,7 % до 66,5 %, ответа «в единичных случаях» снизилась с 34 % до 25,3 %, а «регулярно» –

стабилизировалась на уровне 8-9 п. п.

Самый быстрый этап улучшения оценок произошёл на горизонте 2020–2024 годов, когда уже подавляющее большинство участников (81,9 %) сообщили, что не сталкивались с проявлениями фаворитизма. В этот период резко сократилась доля единичных случаев – на 11,2 п. п. Менее 5 % опрошенных сталкивались в 2024 году с дискриминацией со стороны региональных властей.

2025-й год фактически закрепил результаты, полученные год назад, при дополнительном сокращении доли варианта «в единичных случаях» примерно на 5 п. п.

Предоставление региональной администрацией преференций другим компаниям, %

Значения округлены до целого числа.

Снижение доли компаний, сталкивающихся в своей работе с проявлениями фаворитизма, шло практически синхронно с ростом доли позитивных оценок вклада региональных властей, что логично: улучшение делового климата напрямую коррелирует с восприятием равных условий на рынке.

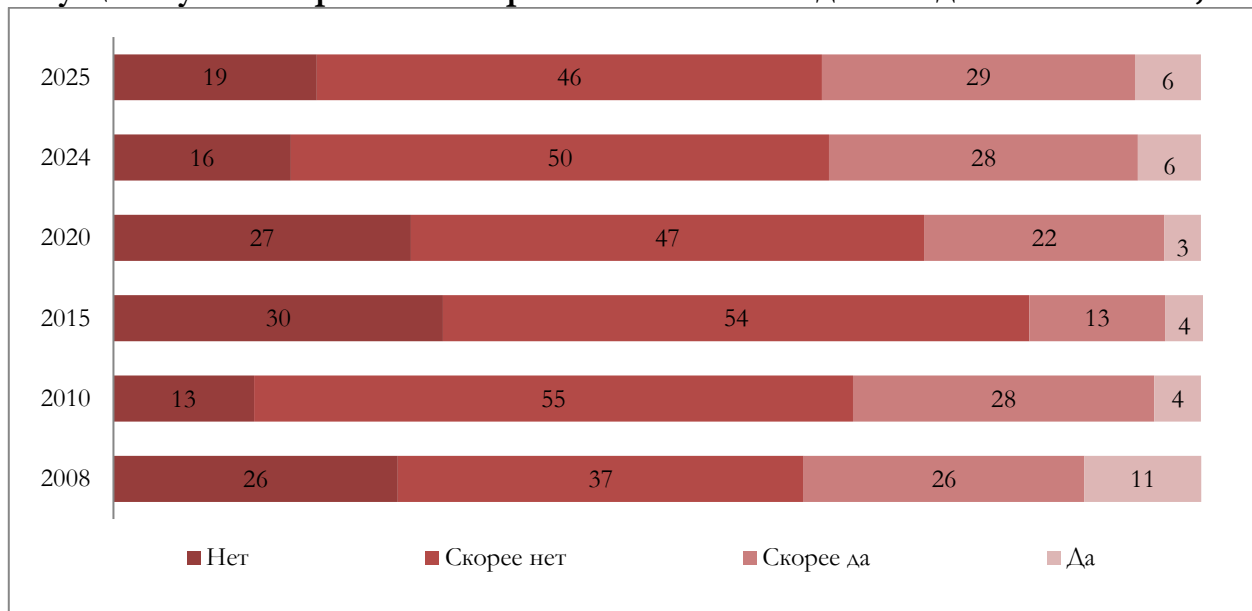
Бизнес всё реже видит административный произвол как системный фактор, а единичные случаи – теперь скорее исключение, чем правило.

В 2024-2025 годах две трети опрошенных компаний указали, что деловой климат в различных регионах неоднородный. При этом доля позитивных оценок заметно выросла по сравнению с 2015 и 2020 годами: 16 % (2015) → 25,5 % (2020) → 34,9 % (2025). Это говорит о постепенном, но ощутимом выравнивании условий.

На длинном горизонте (с 2008 года) удельный вес крайних вариантов «нет»

и «да» снизился, и основная масса ответов сместилась в зону осторожных оценок. Тем самым произошёл переход от поляризованных оценок к более взвешенному восприятию.

Существует ли в различных регионах России единый деловой климат, %

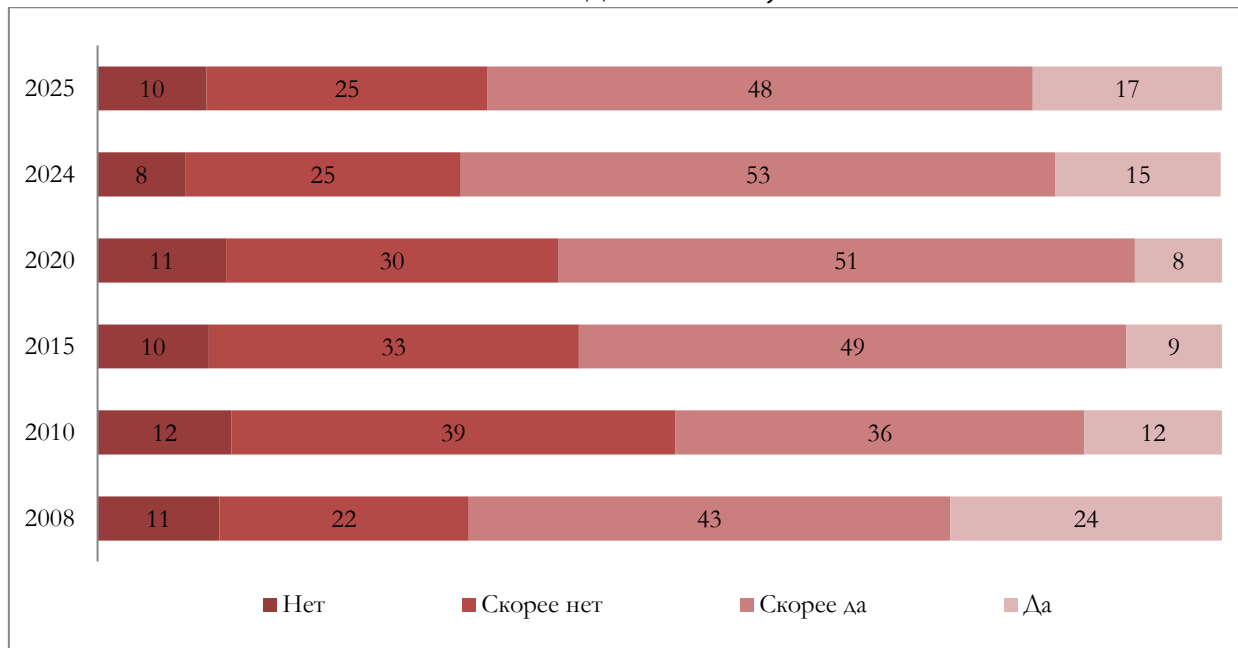
Значения округлены до целого числа.

При оценке единства законодательства на уровне регионов, картина выглядит более благоприятно: в 2025 году около половины респондентов ответили «скорее да» и ещё 16,8 % – «да».

Негативное поле суммарно составило менее трети ответов, а жёсткое отрицание «нет» держится на уровне 8–12 % с самого начала проведения исследования, без заметных всплесков.

За все волны исследования произошло перераспределение позитивных оценок: сначала доля ответа «да» сократилась с 24,2 % (2008) до 8-9 % (2015 и 2020 годы), затем она снова выросла до 16,8 % в 2025 году. Возможно, это связано с различными реформами законодательных норм, когда на практике бизнес воспринимал систему как менее однозначную, но в последние годы уверенность в единообразии окрепла.

Существует ли в различных регионах России единое регулирующее законодательство, %

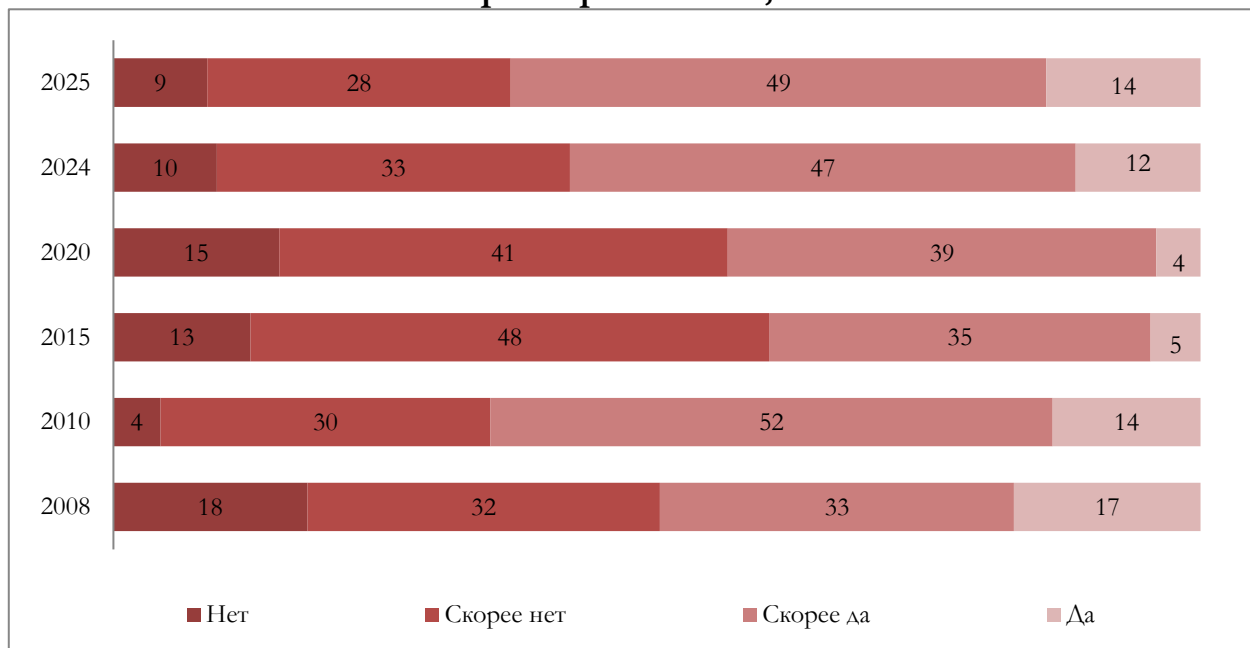

Значения округлены до целого числа.

Распределение оценок единства принципов правоприменения в 2025 году почти повторяет оценки единства законодательства при минимальном смещении ответов в негативную сторону.

На длинном интервале просматривается волнообразная динамика: в 2008 году совокупная доля позитивных оценок составляла 50 %, к 2010 году она выросла до 65,3 %, после чего – в 2015 году – провалилась сразу на 25,6 п. п. Данные за 2015 и 2020 годы отличаются мало, а в 2024 году происходит восстановление уровня положительных ответов до 58 %. В отчётный период уже 63,5 % предприятий готовы согласиться, что принципы правоприменения в разных регионах страны едины.

Действуют ли в различных регионах России единые принципы правоприменения, %

Значения округлены до целого числа.

Формальное единство законодательства бизнес воспринимает более однозначно, чем единство делового климата и единообразие правоприменения в различных регионах. При оценке законодательства уже в середине 2010 годов преобладали ответы «скорее да», в то время как при оценке делового климата и правоприменения респонденты предпочитали ответы «скорее нет».

В 2024-2025 годах заметен сдвиг в сторону положительных оценок по всем трём блокам, но тренды отличаются:

В случае оценок законодательства закрепляется уже достаточно высокий уровень доверия единству норм, при оценке правоприменения происходит восстановление после периода, когда компании фиксировали сильные региональные различия, а при оценке делового климата – только начинается смягчение позиций при доминировании скептических взглядов.

Взгляд в будущее

Подтверждением, что кадровый дефицит – системная проблема для российского бизнеса, стали ответы респондентов на вопрос, какие именно барьеры для развития они видят в среднесрочной перспективе. Из года в год опрошенные предприятия солидарны в своих ожиданиях – по оценкам примерно 70–80 % участников, острота проблем из-за нехватки профессиональных кадров будет только возрастать (исключением стал 2015 год, когда доля сократилась до 61,8 %).

Тренд подчёркивает постоянный характер проблемы с кадрами, усугублённый демографическими факторами, оттоком талантов и растущим спросом на высококвалифицированный персонал в условиях технологической трансформации.

Стабильным базовым риском компании назвали усиление конкуренции. На протяжении всего временного ряда – с 2008 по 2025 год – эту проблему как значимую отмечали около двух третей опрошенных. Пиковое значение составило 67,8 % в кризисном, 2020 году, далее в 2024 году острота несколько снизилась, но в отчётном, 2025 году значение снова вернулось к привычной области – 66,5 %. Это отражает постоянное давление рыночных сил, не зависящее от внешних шоков.

64,3 % участников в 2025 году считают серьёзным ограничением для деятельности компаний в среднесрочной перспективе низкий спрос (проблема была добавлена в список в 2020 году, отражая вызовы кризисного пандемийного года). Динамика оценок этой проблемы коррелирует с экономической конъюнктурой – в 2020 году доля упоминаний составляла 63,9 %, затем, в 2024 году наблюдался спад до 49,5 %, а в отчётный год на фоне ухудшения макроэкономической ситуации проблема из-за низкого спроса снова стала актуальной.

Проблему, связанную с ограничением доступа к финансовым ресурсам, респонденты оценивали в периоды исследования по-разному, здесь зафиксирован высокий уровень волатильности, который коррелирует с монетарной политикой ЦБ РФ и кредитными циклами. В 2008 году 43,1 % респондентов ожидали трудностей при доступе к финансовым ресурсам в перспективе двух-трёх лет, затем, в 2015 году доля прибавила до 61,3 %.

В 2020 году эта проблема отошла на второй план, и доля снизилась до 44,5 %. На фоне высокой ключевой ставки в 2024-2025 годах значимость барьеров при доступе к финансовым ресурсам снова выросла для более половины опрошенных (58 % компаний в 2024 и 55,2 % компаний в 2025).

Ужесточение экологического законодательства находится в середине списка возможных проблем, которые в среднесрочной перспективе могут оказать негативное влияние на деятельность компаний. Начиная с 2015 года, когда этот вариант был добавлен в анкету, примерно 40–43 % респондентов отмечали актуальность барьеров, связанных с экологическим регулированием. В 2025 году доля немного сократилась – до 36 % (-7,1 п. п.).

Острота проблем в связи с доступом к современным технологиям выросла в 2024 году до максимума за все волны исследования – почти половина опрошенных предприятий (48,1 %) ожидала, что в перспективе двух-трёх лет ограничения будут только нарастать. В 2025 году произошёл перелом в оценках, и доля положительных ответов сократилась на 12,9 п. п. до 35 %, что может говорить об адаптации к деятельности в условиях санкционных запретов на импорт технологий, об успехах в области цифровизации и импортозамещения.

Риски в области энергетики демонстрируют яркий нисходящий тренд: если в 2008 году и 2010 году проблемы, связанные с доступом к энергетическим ресурсам, назвали значимыми 44,6 % и 30,6 % респондентов, соответственно, то в 2015 году доля резко снизилась до 15,2 %. После этого – в 2020 году – оценки были скорректированы до 23,5 %.

Примерно на этом уровне ожидания российских компаний остались и в 2024-2025 годах. В этом случае заметна положительная роль модернизации энергетической инфраструктуры России.

В 2008 году почти половина предприятий назвала среди ключевых проблем в среднесрочной перспективе нехватку объектов инфраструктуры. В 2010 году ситуация начала выправляться, и доля ожидающих проблем из-за инфраструктурных ограничений сократилась до 37,2 %. С 2015 по 2024 годы частота упоминаний барьеров в этой сфере продолжала снижаться. В отчётный, 2025 году актуальность проблем из-за нехватки инфраструктурных объектов сохранила значение только для 18,5 % опрошенных компаний.

Нисходящий тренд зафиксирован и в случае проблем, связанных с нехваткой земельных ресурсов²². В 2015 году важность этой проблемы в перспективе двух-трёх лет и так была невысока – её отмечали 16,9 % организаций, а к 2025 году она и вовсе перешла в статус малозначимых с долей 6,9 %.

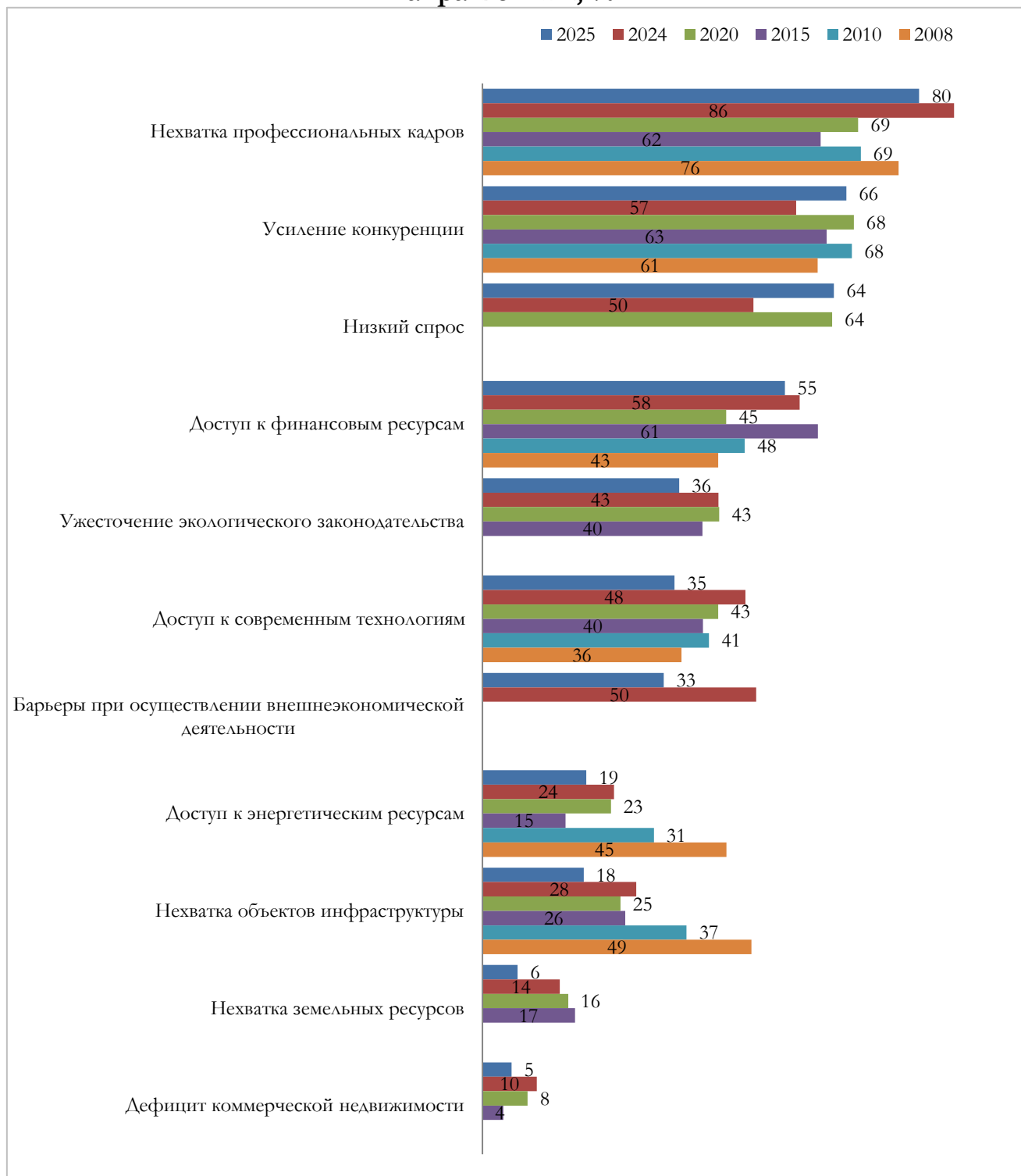
Помимо нехватки земельных ресурсов, к малозначимым проблемам относится и дефицит коммерческой недвижимости. Согласно данным за 2025 год, только 5,3 % респондентов ожидают какого-либо ухудшения ситуации на рынке недвижимости в среднесрочной перспективе. Проблема занимает последнее место по значимости во все волны исследования.

Новым вызовом для российских компаний стали барьеры при осуществлении внешнеэкономической деятельности – в 2024 году они сразу заняли высокое место среди всех проблем в среднесрочной перспективе с долей

²² Этот вариант был добавлен в анкету в 2015 году.

50 %. В отчётный, 2025 год доля упоминаний снизилась до 33,1 % (-16,9 п. п.), что объясняется частичной адаптацией бизнеса к ситуации через поиск альтернативных рынков, сменой приоритетов компаний – с внешних рынков на внутренних.

Доля компаний, ожидающих проблем в перспективе 2-3 лет по направлениям, %

Значения округлены до целого числа.

Базовым инструментом финансового и операционного контроля остаётся тактическое планирование в срок до года. Это абсолютный фундамент стратегического планирования деятельности, который распространён более чем в 70 % российских компаний. Доля почти не менялась на протяжении всех волн исследования.

Краткосрочные стратегии на срок от года до трёх лет используют более половины опрошенных предприятий (53,6 % в 2025 году). Этот инструмент широко распространён, и начиная с 2015 года, частота его упоминаний остаётся на одинаково высоком уровне²³.

О нарастающей осторожности в планировании говорит снижение распространённости среднесрочных стратегий (на срок от трёх до пяти лет): после пикового значения 2020 года, когда такого рода стратегии использовали 41,6 % организаций, доля снизилась до 32,3 % в 2025 году.

По долгосрочному планированию – на период более пяти лет – наблюдается похожая динамика: 18,7 % (2015) → 30,3 % (2020) → 24,4 % (2024) → 22,9 % (2025).

Систему ключевых показателей эффективности, привязанных к стратегическим целям организации, применяют в 2025 году 30,7 % организаций. Здесь также произошёл откат значений после 2020 года, когда 39 % компаний сообщили об использовании в работе системы КПЭ.

Распространённость цифровых стратегий также постепенно сокращалась: с 32,6 % в 2020 году до 26,3 % в 2024 году и до 23,4 % в отчётный период.

Стратегии организации в области корпоративной социальной ответственности, устойчивого развития или отдельных её ключевых направлений используют 13–17 % компаний в период с 2020 по 2025 год.

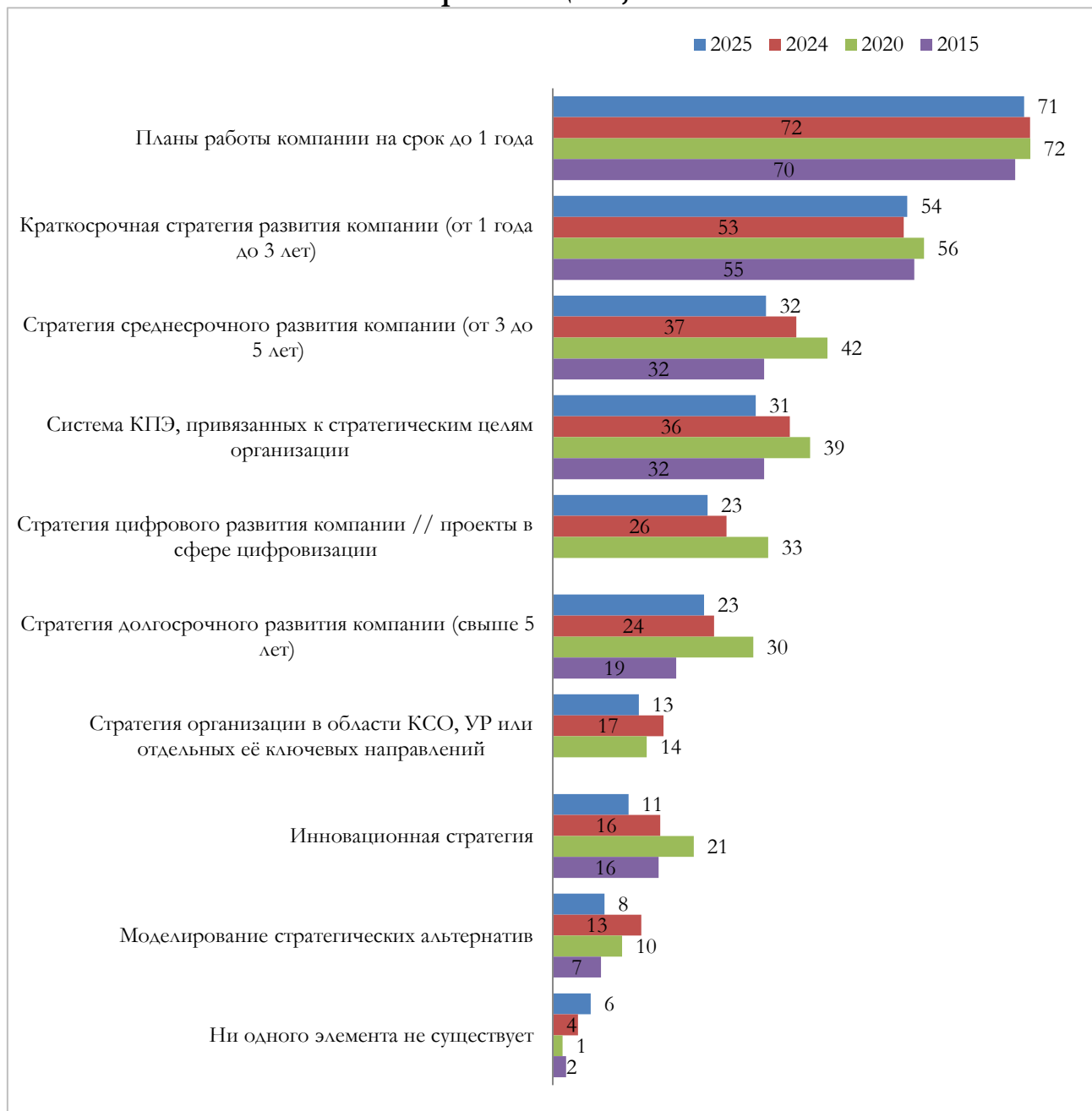
Инновационные стратегии распространены в 2025 году в 11,5 % компаний. В 2020 году доля упоминаний была значимо выше – 21,3 %.

Продвинутые инструменты стратегического анализа встречаются редко: моделирование стратегических альтернатив применяли во все годы от 7,3 % до 13,4 % компаний.

Только 5,7 % респондентов заявили в 2025 году, что в их организации не существует ни одного элемента стратегического планирования.

²³ Вопрос о стратегическом планировании в российских организациях был добавлен в анкету после 2010 года.

Элементы в области стратегического планирования, существующие в организациях, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В целом, динамика оценок говорит о приоритете тактических инструментов. Риски долгосрочного планирования в существующих условиях геополитической турбулентности и макроэкономической волатильности слишком высоки.